

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

40 2023
ЧАСТЬ III

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 40 (487) / 2023

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Пафнутий Львович Чебышев* (1821–1894), российский математик и механик, основатель петербургской математической школы, академик Петербургской академии наук и еще 24 академий мира. Считается одним из крупнейших математиков XIX века.

Пафнутий Чебышев появился на свет в деревне Акаатово Калужской губернии. Он рос и воспитывался в семье зажиточного землевладельца, ветерана войны 1812 года Льва Павловича и его супруги Аграфены Ивановны.

Начальное образование Пафнутий получил дома. Грамоте его обучила мать, а французскому языку и математике — двоюродная сестра Авдотья.

В детстве Чебышев занимался музыкой, а еще интересовался разными механизмами. Мальчик часто конструировал всяческие механические игрушки и приспособления.

Когда Пафнутию было 11 лет, семья переехала в Москву, где мальчик продолжил получать образование. Родители наняли для сына учителей по физике, математике и латыни.

В 1837 году юноша поступил в Московский университет на физико-математическое отделение. Спустя пять лет он защитил магистерскую диссертацию по теме «Опыт элементарного анализа теории вероятностей». Через несколько месяцев Пафнутия Чебышева утвердили в должности адъюнкт-профессора Петербургского университета. Он преподавал высшую алгебру, геометрию, практическую механику и другие дисциплины.

Когда Чебышеву было 29 лет, он стал профессором Петербургского университета. Через пару лет его командировали в Великобританию, Францию, а затем и в Бельгию. За это время он изучил зарубежное машиностроение, а также ознакомился с устройством промышленных предприятий, изготавливающих разную продукцию. Кроме этого, Чебышев познакомился с известными математиками, среди которых были Огюстен Коши, Жан Бернар Леон Фуко и Джеймс Сильвестр.

По возвращении в Россию Пафнутий Львович продолжил заниматься научной деятельностью, разрабатывая собственные идеи. За свои работы по теории шарнирных параллелограммов и теории приближения функций его избрали ординарным академиком.

Наибольший интерес ученый проявил к теории чисел, прикладной математике, теории вероятностей, геометрии, теории приближения функций и математическому анализу.

В 1851 году ученый опубликовал известную работу «Об определении числа простых чисел, не превосходящих данной величины». Она была посвящена теории чисел. Труд Чебышева принес ему европейскую популярность. Через год он издал статью «О простых числах», в которой проанализировал сходимости рядов, зависящих от простых чисел, и вычислил критерий их сходимости.

Пафнутий Чебышев был первым русским математиком мирового уровня и в теории вероятностей. В труде «О средних величинах» он впервые доказал известную сегодня точку зрения на понятие случайной величины как на одно из основных понятий теории вероятностей.

Математик поставил и решил задачу о нахождении многочленов, наименее уклоняющихся от нуля. Позже расчеты Чебышева стали использоваться в вычислительной линейной алгебре. Он является автором теоремы об условиях интегрируемости дифференциального бинома.

Позже Пафнутий Чебышев опубликовал статью о дифференциальной геометрии под оригинальным названием «О кройке одежды». В ней он представил новый класс координатных сеток — «сетей Чебышева».

Долгие годы Чебышев трудился в военном артиллерийском ведомстве, добиваясь более дальней и точной стрельбы из орудий. До наших дней сохранилась формула Чебышева для определения дальности полета снаряда в зависимости от угла бросания, стартовой скорости и сопротивления воздуха.

В 1850-е годы математик начал глубоко изучать шарнирно-рычажные механизмы. После долгих вычислений и экспериментов он создал теорию функций, наименее уклоняющихся от нуля.

За годы научных исследований Пафнутий Чебышев сконструировал более 40 разных механизмов и примерно 80 их трансформаций. Многие из них сегодня применяются в авто- и приборостроении.

В 1876 году на Всемирной выставке в Филадельфии была представлена паровая машина Чебышева, которая отличалась множеством преимуществ. Также он создал «стопходящую машину», имитировавшую ходьбу животных.

В 1893 году Пафнутий Чебышев собрал оригинальную инвалидную коляску, представлявшую собой самокатное кресло.

Находясь в составе комитета Министерства народного просвещения, Чебышев усовершенствовал учебники и составлял программы для школьников. Он стремился развивать и модернизировать систему образования.

Современники Пафнутия Львовича утверждали, что он был великолепным лектором и организатором. Ему удалось сформировать ядро той группы математиков, за которой позже закрепилось название Петербургской математической школы.

Пафнутий Львович Чебышев скончался в 1894 году в возрасте 73 лет прямо за письменным столом.

Именем П. Л. Чебышёва названы кратер на Луне; астероид (2010); улицы в Петергофе, Волгограде, Воронеже, Екатеринбурге, Калуге, Пензе, Твери; горный хребет на острове Шпицберген.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Адушева Д. Ю.

Оспаривание нормативно-правовых актов органов государственной власти 161

Артемьева К. А.

Проблемы правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации 163

Арутюнян С. К.

Особенности расследования преднамеренного банкротства на первоначальном этапе 165

Базилевская М. В.

Проблемы квалификации простого убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств..167

Бедретдинова Г. Р.

Подходы к категории корпоративных отношений 169

Болонина Ю. В.

Об определении правового режима нежилых зданий и помещений при заключении сделок с коммерческой недвижимостью 171

Болтачева А. А.

Право ребенка на определение национальной принадлежности: понятие и место в системе прав человека 174

Борлаков А. А.

Защита вещных прав путем подачи иска об освобождении имущества от ареста 175

Борлаков А. А.

Защита прав законного владельца арендованного имущества..... 177

Бородина А. А.

Актуальные вопросы развития механизмов защиты прав граждан в сфере долевого строительства и несостоятельности (банкротства) застройщиков 179

Воробьев В. Ю.

Индивидуальные особенности несовершеннолетнего обвиняемого как предмет доказывания по уголовным делам 180

Газданова А. В.

Порядок привлечения к ответственности вне дела о банкротстве 182

Грачев Д. Н.

Объединения граждан как субъекты правотворчества 184

Зимодра Е. А.

Односторонние сделки в гражданско-правовом механизме..... 188

Иванова А. В.

Права и законные интересы бенефициара корпорации 192

Ильясова Н. П.

История развития налогового контроля в России 196

Исаева Е. В.

Договор займа в системе кредитных обязательств..... 199

Искакова А. И.

Некоторые особенности новых форм информационного обеспечения гражданского процесса..... 201

Исмагилова Л. М.

Некоторые аспекты правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации 203

Кацкель Е. Л. Правовая регламентация тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений..... 206	Кушель Е. В. Место мировых судей в судебной системе Российской Федерации227
Кирпичева А. А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе в Российской Федерации 208	Маврицын А. С. Понятие и правовое регулирование ликвидации хозяйственных обществ 229
Козловская А. А., Шарапова А. Н. Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному праву ... 211	Матрошкина М. Ю. Коррупция в России: какие сложности встречаются в доказывании по делам о взяточничестве и способы их решения 231
Колеватова В. Р. Эстоппель и доктрина законных ожиданий: общее и различное212	Минеева Д. С. Правовая природа культурных прав 233
Коршунова В. А. Миграция населения в России: понятие и классификация 215	Михневич Е. А. К вопросу об элементах организации прокурорского надзора за соблюдением прав граждан — участников долевого строительства 235
Кузнецов Ю. А. Деятельность правоохранительных органов по контролю за оборотом наркотических средств 217	Осипова М. В. Некоторые проблемы квалификации преступлений по статье 290 УК РФ237
Курдюмов Р. В. Проблемные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве.....221	Очиров А. Б. Предупреждение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации 239
Курдюмов Р. В. Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве при отграничении от соучастия в получении и даче взятки 224	Перова А. П. Понятие и классификация завещательных распоряжений в наследственных правоотношениях..... 241

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Оспаривание нормативно-правовых актов органов государственной власти

Адушева Диана Юрьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Оспаривание нормативно-правовых актов органов государственной власти имеет важное значение в правовой системе и обществе в целом. В статье отмечены особенности оспаривания нормативно-правовых актов органов государственной власти. Выявлены проблемы в рассматриваемой области.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, органы государственной власти, оспаривание, суд.

Challenging regulatory legal acts of state authorities

Challenging regulatory legal acts of public authorities is important in the legal system and society as a whole. The article highlights the peculiarities of challenging normative legal acts of state authorities. The problems in the considered area are revealed.

Keywords: regulatory legal act, public authorities, challenge, court.

Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти могут быть обжалованы в суд. Оспаривание нормативно-правовых актов органов государственной власти — это важная процедура, которая позволяет гражданам и юридическим лицам защищать свои права и интересы, если они считают, что акты органов государственной власти нарушают их права или противоречат закону. В России для оспаривания нормативно-правовых актов существует специальный порядок, включающий следующие этапы:

1. Предъявление административного искового заявления. Гражданин или юридическое лицо должны предъявить административное исковое заявление в суд общей юрисдикции. В этом заявлении должны быть указаны основания оспаривания акта, представлены доказательства и перечислены требования к суду. Административное исковое заявление об оспаривании нормативных правовых актов подаются по подсудности, установленной статьями 17.1-21 КАС РФ [1]. В районный суд подаются заявления об оспаривании нормативных правовых актов, не указанных в статьях 17.1, 18, 20, 21 КАС РФ [1].

2. Рассмотрение искового заявления судом. Суд рассматривает исковое заявление и проводит судебное разбирательство. В рамках этого процесса суд может принимать доказательства, слушать стороны и принимать решение по делу.

3. Обжалование решения суда. Если сторона не согласна с решением суда, она имеет право обжаловать его в апелляционном порядке. Апелляционная инстанция рассматривает обжалование, пересматривает доказательства и принимает новое решение.

4. Рассмотрение дела в вышестоящих инстанциях. Если сторона не согласна с решением апелляционного суда, она может обратиться в кассационный или надзорный суд. Эти инстанции пересматривают решение, проверяют его на соответствие закону и могут вынести новое решение.

Рассматривая процессуальные особенности рассмотрения данной категории дел, следует отметить, что предметом спора, является, нормативный правовой акт.

Следует согласиться с позицией Ю.Г. Насонова который определяет нормативный правовой акт как «изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, направленные на регулирование общественных интересов, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом» [2, с. 35].

При проверке актов суд оценивает их на соответствие нормативным установлениям, регулирующим отношения сторон в сфере реализуемой властным субъектом компе-

тенции по предмету ведения. В частности, ни акт проверки, ни письмо органа исполнительной власти критериям правоприменительного акта не отвечают, не содержат обязательных к исполнению требований, не возлагают обязательств и не ограничивают прав и интересов учреждения каким-либо иным образом. В частности, акты проверки (контрольно-надзорных органов) по своей сути являются материальным оформлением результатов проведенного контрольного мероприятия, фиксирует обстоятельства выявленных нарушений и их документальное подтверждение.

Оспаривание нормативно-правовых актов органов государственной власти может столкнуться с некоторыми проблемами и сложностями. Отметим некоторые из них.

1. Сложность процедуры. Процесс оспаривания нормативно-правовых актов требует соблюдения определенных процессуальных правил и сроков.

2. Доказательства. Оспаривание актов требует представления доказательств, подтверждающих неправомерность или неконституционность акта. Получение и представление достаточных доказательств может быть сложной задачей, особенно если доступ к информации ограничен или если требуется экспертное мнение.

3. Затраты. Оспаривание нормативно-правовых актов может быть связано с определенными затратами, такими как гонорары адвокатов, судебные сборы и другие расходы. Это может стать финансовым бременем для лиц, оспаривающих акт. Дороговизна судебных процедур является одной из серьезных проблем, с которыми сталкиваются люди, желающие реализовать свои права через судебную защиту.

4. Время. Судебные процессы могут занимать длительное время, особенно если дело проходит через несколько инстанций. Длительность судебных процедур может быть связана с загруженностью судебной системы. Если в судах большое количество дел, это может привести к задержкам.

Если одна из сторон решает обжаловать решение суда, это может значительно задержать процесс. В случае апел-

ляции дело может перейти в вышестоящую судебную инстанцию, где возможны дополнительные рассмотрения и заслушивание аргументов.

Представляется, что для решения данной проблемы необходимо:

1. Установить максимальный срок рассмотрения обращения — 1 месяц с момента регистрации обращения. Данное нововведение будет способствовать ускорению процедуры принятия обращения.

2. Закрепить максимальный срок предварительного изучения судьей (судьями) обращения — 2 месяца с момента передачи дела судьей. Закрепление данного срока, послужит ускорению принятия обращения к производству.

3. Ограничения на оспаривание. В некоторых случаях законодательство может устанавливать ограничения на оспаривание нормативно-правовых актов, например, в отношении актов, связанных с национальной безопасностью или обороной. Это может ограничивать возможности граждан и организаций обжаловать определенные акты.

В завершение отметим, что несмотря на эти проблемы, оспаривание нормативно-правовых актов имеет важное значение в обеспечении правовой защиты граждан и ограничении возможности злоупотребления властью. Судебные процессы позволяют привлекать внимание к неправомерным нормам и способствуют развитию правового государства. Оспаривание нормативно-правовых актов позволяет гражданам защищать свои права и свободы от неправомерных или противоречащих закону актов государственных органов, что способствует обеспечению справедливости и правовой защите граждан. Оспаривание актов государственных органов дает возможность контролировать и ограничивать последних в злоупотреблении своими полномочиями или принимать незаконные решения. Это способствует соблюдению принципа верховенства права и поддерживает доверие к государственным органам.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета. № 49. 11.03.2015.
2. Насонов, Ю.Г. Участие прокурора в административном судопроизводстве: правовое регулирование и правоприменительная практика: пособие/ [Ю.Г. Насонов и др.]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2017. — 167 с.

Проблемы правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации

Артемьева Ксения Андреевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена проблемам правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации. На основе анализа законодательства автор отмечает несовершенство легальной дефиниции иностранного агента и законодательно установленных признаков, которым должно отвечать лицо, чтобы быть признанным иностранным агентом, а также предлагает собственную дефиницию понятия иностранного агента. В качестве несовершенства правового регулирования отмечается и характер ограничений, запретов и обязанностей, установленных для иностранных агентов. Одновременно с недостатками правового регулирования статуса иностранного агента в Российской Федерации подчеркивается значимость данного института для информационной безопасности государства. Исходя из указанной значимости рассматриваемого института автором предлагается установление уголовной ответственности за нарушения запретов, ограничений и неисполнение обязанностей иностранными агентами.

Ключевые слова: иностранный агент, правовой статус иностранного агента, иностранные источники финансирования, иностранное влияние, аффилированные лица.

Problems of legal regulation status foreign agent in Russian Federation

Artemeva Kseniia Andreevna, student master's degree
Baikal State University (Irkutsk)

The article is devoted to the problems of legal regulation of the status of a foreign agent in the Russian Federation. Based on the analysis of legislation, the author notes the imperfection of the legal definition of a foreign agent and the legally established signs that a person must meet in order to be recognized as a foreign agent, and also offers his own definition of the concept of a foreign agent. The nature of restrictions, prohibitions and duties imposed on foreign agents is also noted as an imperfection of legal regulation. Simultaneously with the shortcomings of the legal regulation of the status of a foreign agent in the Russian Federation, the importance of this institution for the information security of the state is emphasized. Based on the indicated significance of the institution under consideration, the author proposes the establishment of criminal liability for violations of prohibitions, restrictions and non-fulfillment of duties by foreign agents.

Keywords: foreign agent, legal status of a foreign agent, foreign sources of financing, foreign influence.

Институт признания различных лиц – качестве иностранных агентов в последнее время приобретает все больше и больше актуальности в Российской Федерации. Впервые правовая возможность признания лица иностранным агентом появилась в России в 2012 году, именно тогда был принят Федеральный закон от 20.07.2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», который внес соответствующие изменения о новом статусе в Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Принятие такого рода поправок имело свои конкретные цели, а именно «очищение общественного мнения». Необходимо было, чтобы граждане и лица, проживающие на территории России смогли четко понимать, где высказывается демократическое мнение, гражданская позиция, а где звучат проплаченные, пропагандистские настроения зарубежных покровителей, пытающихся подорвать авторитет власти и «расшатать» по-

литическую ситуацию в стране. Позже, в 2017 году были внесены поправки и в законодательство о СМИ. Теперь в качестве иностранных агентов могли признаваться и средства массовой информации.

Сегодня статус иностранных агентов регулируется Федеральным законом от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (далее — ФЗ № 255).

Отмечая актуальность рассматриваемого института, важно отметить, что последние политические и военные события стали предпосылкой для ужесточения контроля за иностранными агентами, а также для принятия специального законодательства, в рамках которого присваивается конкретный правовой статус таким субъектам. Введение специальной военной операции на территории Украины вскрыло огромное количество иностранных агентов, а также их иностранных источников финансирования.

Правовой статус иностранного агента в Российской Федерации определяется в соответствии с положениями

ФЗ № 255. Ст. 1 названного закона определяет в качестве иностранного агента лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 настоящего Федерального закона.

И теоретики, и практики неоднократно отмечали несовершенство такого рода определения. Во-первых, оно не раскрывает сущности данного субъекта и его особенностей, а, во-вторых, содержит отсылку к другой статье того же закона для уточнения видов деятельности, которая является незаконной и выступает в качестве основания для признания субъекта иностранным агентом [3, с. 607]. В данной связи предлагается альтернативное и более емкое определение иностранного агента, которое может быть использовано на законодательном уровне. Так, иностранным агентом признается субъект (человек, организация, объединение, партия или орган власти), который получал или продолжает получать финансовую или иного рода материальную поддержку иностранного лица, организации или государства с целью выполнения противоправной деятельности на территории Российской Федерации, угрожающей ее целостности и безопасности.

Несовершенство правового регулирования связаны также отсутствием точной и обоснованной классификации иностранных агентов, а точнее — субъектов, которых следует признавать иностранными агентами. В условиях продолжающейся войны разнообразие и новые формы и виды иностранных агентов с каждым днем не перестают удивлять. Большая часть из них никак не регламентируются законом.

Так, заместителем Председателя Совета Безопасности Российской Федерации — Медведевым Дмитрием Анатольевичем в мае 2022 г. было сказано: «На законодательном уровне следует ввести более точную классификацию и более строгую ответственность иноагентов» [4]. Медведев Д. А. считает, что ранее поправки, а затем и сам закон об иностранных агентах являлись больше формальностью. Сегодня же в условиях непрекращающихся санкций со стороны недружественных государств, институт иностранных агентов требует усовершенствования, а главное ужесточения санкций в отношении названных субъектов. И действительно, если обратиться к ст. 9 ФЗ № 255, то очевидно заключить, что обязанности иноагентов никак не связаны с претерпеванием негативных последствий своей деятельности. То же самое касается и ограничений, связанных со статусом иностранного агента (ст. 11).

Единственным возможным проявлением строгости к деятельности иностранных агентов является установление административной и уголовной ответственности. Точнее сказать, что ответственность Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовным кодексом Российской Федерации определена не за сам факт деятельности в качестве иностранного агента и признания таковым, а за нарушения и невыполнение обязанностей уже в качестве иностранного агента, включенного в соответствующий реестр.

Мягкость подхода к столь опасной и противоправной деятельности такого субъекта как иностранный агент отмечается и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 г. № 10-П, в котором говорится, что государство не дает негативную оценку и не критикует деятельность иностранных агентов, несмотря на их зарубежное финансирование и представление угрозы Российской Федерации. В этом отношении политика Российской Федерации должна быть однозначной и более жесткой. В условиях активного вещания СМИ и использования Интернета, иностранным агентам все проще воздействовать на сознание добросовестных граждан.

Среди основных законодательных пробелов помимо отсутствия более развернутого понятия «иностранный агент» и более расширенного и подробного списка видов иностранных агентов, существуют сложности с отсутствием определения аффилированных с иностранными агентами лиц [2, с. 15]. Для того, чтобы понять, что вообще значит аффилированное лицо (не только с иностранным агентом) приходится обращаться к ст. 53.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно названной норме в случаях, если настоящий кодекс или другой закон ставит наступление правовых последствий в зависимость от наличия между лицами отношений связанности (аффилированности), наличие или отсутствие таких отношений определяется в соответствии с законом. Говоря более простым языком, аффилированные лица — это лица, которые находятся во взаимозависимости друг от друга.

Теперь стоит перейти к основаниям для признания конкретного субъекта иностранным агентом. Проанализировав положения ФЗ № 255 можно заключить, что для того, чтобы субъект был признан иностранным агентом необходимо соблюдение 3-х основных условий:

- 1) наличие иностранного финансирования и влияния;
- 2) осуществление конкретной деятельности, которая характеризует субъекта, находящегося в зависимости от иностранного государства, в качестве иностранного агента;
- 3) несогласие и критика действующей власти [1, с. 45].

Предполагается, что данный список и основания с учетом увеличения видов иностранных агентов и изоциренности способов их воздействия на политику Российской Федерации, должны быть расширены.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что действующее законодательство об иностранных агентах требует масштабной переработки и дополнений. На сегодняшний день в Государственной Думе Российской Федерации на рассмотрении находятся два законопроекта — Законопроект № 19728-8 и Законопроект № 35591-8, каждый из которых в той или иной мере касается проблем, поднятых в настоящей статье. Возможно, их принятие будет способствовать совершенствованию правового регулирования рассматриваемого института, так как он имеет принципиально важное значение как для государства в целом, его безопасности и должного функционирования, так и для общества в лице проживающих в нем людей, их информационной безопасности.

Литература:

1. Захаров, Д. С. Особенности деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента/Д. С. Захаров // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2021. — № 2 (34). — с. 45-47.
2. Грибанкова, Н. А. Статус иноагента: современные проблемы толкования/Н. А. Грибанкова // Новый юридический вестник. — 2023. — № 1 (40). — с. 12-16.
3. Салихова, М. А. Правовое регулирование деятельности иностранных агентов в России/М. А. Салихова, А. О. Пузанов // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика. Материалы международной научно-практической конференции. — Донецк, 2021. — с. 601-607.
4. Единая Россия: официальный сайт. URL: <https://cdn.er.ru/activity/news/dmitrij-medvedev-na-zakonodatelnom-urovne-sleduet-vvesti-bolee-tochnuyu-klassifikaciyu-i-bolee-stroguyu-otvetstvennost-inoagentov?ysclid=lnadfkcfce926656874> (дата обращения: 03.10.2023).

Особенности расследования преднамеренного банкротства на первоначальном этапе

Арутюнян Саркис Койрунович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Появление в настоящее время действующем Уголовном кодексе Российской Федерации преступлений, связанных с фиктивными или преднамеренными банкротствами, вызвало необходимость разработки методик выявления и расследования указанных преступлений, отсутствие таковых значительно затрудняет установление истины при расследовании уголовных дел о фиктивных или преднамеренных банкротствах и переводит данные преступления в ранг труднодоказуемых.

Статья 196 УК РФ содержит в себе 2 пункта и предполагает наказание за преднамеренное банкротство, то есть за те действия, которые заведомо влекут невозможность лица в полной мере возместить долги кредиторам. Наказывается крупным штрафом и/или сроком до 6 лет. Статьей 196 выделяется состав преднамеренного банкротства, подразумевающего умышленное совершение субъектом действий, которые привели его к статусу банкрота.

По сути, объективная сторона данного преступления определяется специальным созданием неплатежеспособности обвиняемого, последствием в виде крупного материального ущерба и связью между указанными действиями.

Средства по выявлению признаков преднамеренного и фиктивного банкротства, по статьям 196-197 УК РФ, установлены Временными правилами, которые 27.12.2004 были определены Постановлением Правительства Российской Федерации № 855 [1].

Таким образом, определение наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства проводится арбитражным управляющим, а в ходе такой проверки изучается имущество должника, сделки, которые были им заключены на условиях, расходящихся с реальными ры-

ночными условиям (например, продажа имущества на порядок дешевле рыночной стоимости и так далее). Итогом проверки становится заключение о том, есть ли доказательства наличия признаков фиктивного или преднамеренного банкротства, или же они отсутствуют.

Отличительной чертой совокупности действий, указанных в положениях данной нормы, является повышенный уровень такого критерия банкротства как неплатежеспособность субъекта, которая, в том числе, вызывается действиями, совершаемыми им с прямой целью достигнуть несостоятельности. Обязательно отмечается, что действия, направленные на преднамеренное банкротство, влекут за собой причинение ущерба, который выражается как в имущественном аспекте для лиц, права которых были нарушены при обращении к процедурам банкротства, так и в посягательстве на основы экономической деятельности, которые, как уже отмечалось, регламентированы в отношении защиты нормами Конституции Российской Федерации.

Однако, учитывая повышенный уровень общественной опасности данных действий, сразу отмечается понижение уровня процессуальной деятельности, осуществляемой органами при рассмотрении данной категории дел. Статистика свидетельствует, что большая часть таких дел не доходит до этапа возбуждения уголовного судопроизводства, что, в том числе, является фактором увеличения частоты преднамеренного банкротства со стороны субъектов. К числу причин неэффективной деятельности по раскрытию преступлений преднамеренного банкротства, что особо важно, относится отсутствие четкого регламента сбора доказательственной базы, что создает для уполномоченных органов проблемы при определении

законности и достаточности оснований для возбуждения дела.

Расследование фиктивных или преднамеренных банкротств, как и выявление таковых, имеет свои цели. Однако, в отличии от процесса выявления указанных преступлений, целями которого является выявление признаков наличия фиктивных или преднамеренных, перед процессом их расследования ставятся другие задачи:

- 1) по установлению способа и механизма совершения фиктивного или преднамеренного банкротства;
- 2) по установлению обстановки совершения фиктивного или преднамеренного банкротства;
- 3) по установлению субъекта фиктивного или преднамеренного банкротства;
- 4) по установлению следов фиктивного или преднамеренного банкротства;
- 5) по установлению обстоятельств совершения фиктивного или преднамеренного банкротства;
- 6) и наконец, по установлению истины по уголовному делу о фиктивном или преднамеренном банкротстве.

Поводы к возбуждению уголовного дела о преднамеренном банкротстве определяются в зависимости от способа совершения действий, включённых в состав рассматриваемого преступления. Так, например, если банкротство было достигнуто путём передачи имущества субъекта другому субъекту, то поводом возбуждения уголовного дела является сообщение о преступлении, подаваемое лицом, чьи права были нарушены впоследствии отчуждения этого имущества, а также лицом, которому мог быть причинен крупный ущерб. При этом должен быть установлен факт осведомленности или неосведомленности о незаконности совершаемой сделки стороной, приобретающей имущество.

При доказывании преступлений, и, непосредственно, определении оснований для возбуждения уголовного дела, необходимым этапом является установление категорий признаков и критериев банкротства, которые в последующем также прилагаются в качестве доказательств к материалам дела, если оно будет возбуждено. В случае если закрепление в рамках производства по указанным вопросам будет упущено, то показания, направленные на признание лица виновным в совершении рассматриваемого экономического преступления могут быть признаны недостаточными, в силу отсутствия прямых доказательств, свидетельствующих о доказываемом положении.

Процесс установления обстоятельств, составляющих структуру предмета доказывания, строится на основании исходной информации, полученной именно на стадии возбуждения уголовного дела. Данный процесс наделен удостоверительным характером, что позволяет уполномоченным лицам вести решение задач, связанных с систематизацией имеющегося информационного массива, проверки имеющихся сведений и их переработки в процессуальную форму доказательств. Заключительным этапом установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, является изучение криминалистических особен-

ностей, включающих механизм преступного поведения, разработанных на основании модельной информации, типичных следовых картин и системы типовых версий.

Доказательственная деятельность уполномоченных должностных лиц на этом этапе призвана способствовать решению ряда важнейших задач уже на стадии предварительного расследования. Во-первых, она направлена на установление цели и мотива совершения преступления, что определяет субъективную сторону и правильную квалификацию противоправного деяния. Во-вторых, она обеспечивает возможность реализации уголовно-процессуальных мер, направленных на розыск незаконно отчужденного имущества, что позволяет уточнить размер и характер причиненного ущерба и организовать деятельность по его возмещению.

Исполнение указанных задач может быть обеспечено только осуществлением уголовно-процессуальной деятельности с использованием модельной, а не исходной информации. Организационная структура такой деятельности состоит из следующих элементов: абстрактная модель, вероятная следовая картина, процесс расследования, доказательства.

При расследовании преступлений, предусмотренных указанными положениями, целесообразно применять следующие программы расследования: особенности следовой картины выражаются в наличии одних и тех же лиц среди руководителей и учредителей организаций, участвующих в реализации преступного механизма, а также в возможности установления реальной стоимости реализуемого имущества.

Программа расследования направлена на осуществления совокупности действий:

- 1) проведение в Арбитражном суде выемки заявления о банкротстве предприятия, определение, кто явился инициатором процедуры банкротства;
- 2) осмотр реестра кредиторов с целью установления физических и юридических лиц, чьи голоса могут определить решение собрания кредиторов;
- 3) проведение выемки учредительных документов этих организаций;
- 4) осмотр изъятых документов и определение, не имеют ли организации и кредиторы в своем составе учредителей и руководителей предприятия-должника, не совпадает ли их юридический и фактический адрес;
- 5) назначение финансово-аналитической экспертизы для исследования динамики финансового состояния предприятия-должника и применения мер, направленных на взыскание дебиторской задолженности.

С точки зрения уголовного процесса расследование фиктивного или преднамеренного банкротства состоит из четырех этапов: подготовительного этапа, первоначального этапа, последующего этапа и заключительного этапа. С точки зрения криминалистики этапы расследования преступления направлены на установление, прежде всего информационно-познавательной стороны этого процесса. Эти этапы можно сформировать следующим образом:

1) выявление на основе вещественных, документальных и личностных источников-носителей доказательственной информации о преступной деятельности и ее извлечение; 2) систематизация исходной информации, извлеченной из ее источников; 3) интеграция исходной информации с данными видовой криминалистической характеристики преступлений (формирование следственной версии); 4) выведение следствий, вытекающих из следственных версий (разработку следственных версий); 5) обоснование альтернатив и выбор методических, тактических решений и технических средств в расследовании преступлений (планирование расследования и проверка следственных версий).

В результате деятельности по расследованию фиктивных или преднамеренных банкротств выявляются следы преступления, оставленные после его совершения или в результате подготовке к совершению преступления. Элементами такой деятельности могут служить следственные действия, а также оперативно-розыскные

мероприятия. Обнаруженными в данном случае следами фиктивных или преднамеренных банкротств могут быть финансовые документы, характеризующие хозяйственную деятельность должника; договора с партнерами, бухгалтерские документы; информация на различного рода носителях.

На основании полученных в результате изучения вещественных доказательств совершенных фиктивных или преднамеренных банкротств и полученных данных от экспертов и других имеющихся доказательств выдвигаются и строятся следственные версии. При расследовании фиктивных или преднамеренных банкротств следственные версии могут самыми различными, но необходимо помнить, что данная категория преступлений совершается только с прямым умыслом и поэтому в основе каждого фиктивного или преднамеренного банкротства лежит корыстная цель обогащения путем совершения финансовых махинаций.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства». [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51004/f5707a19acab62f1f6eaeff303c72d8c4a002cc/ (Дата обращения: 14.11.2022).
2. Малышкин, П.В. Методологические особенности организации расследования фиктивных или преднамеренных банкротств/П.В. Малышкин. — Текст: электронный // cyberleninka: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osobennosti-organizatsii-rassledovaniya-fiktivnyh-ili-prednamerennyh-bankrotstv> (дата обращения: 07.10.2023).

Проблемы квалификации простого убийства без смягчающих и отягчающих обстоятельств

Базилевская Мария Владимировна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматривается понятие простого убийства, приводится его краткий уголовно-правовой анализ, а также раскрывается сущность основных проблем, которые возникают при производстве квалификации данного вида преступлений. Убийство является преступлением, совершение которого способно затронуть не только интересы государства, которое охраняет его граждан, но интересы семьи жертвы, а также общества в целом. Именно поэтому важно определять и устранять проблемы, которые способны повлиять на квалификацию такого особо тяжкого преступления и которые могут позволить избежать должного и строго уголовного наказания для виновных лиц.

Ключевые слова: простое убийство, квалификация, начало жизни, умысел, биологическая смерть, дополнительные признаки состава простого убийства.

Каждый человек обладает естественным правом на жизнь. Данное право является неотъемлемым и присущим человеку самой природой. На законодательном уровне право на жизнь признается главным юридическим актом страны — Конституцией Российской Федерации [1]. В данной связи убийство является особо тяжким и одним из самых страшных преступлений.

Для того, чтобы выявить основные проблемы квалификации простого убийства, необходимо определить объективные и субъективные признаки его состава. Так, объективными признаками простого убийства являются объект и объективная сторона. В качестве общего объекта убийства можно назвать всю совокупность общественных отношений, которые ставятся под охрану уголовного за-

кона от любых преступных посягательств. Родовым объектом убийства являются общественные отношения, которые обеспечивают безопасность личности. Видовым объектом убийства являются общественные отношения, которые призваны обеспечивать жизнь и здоровье человека. Также выделяется непосредственный объект простого убийства, которым является жизнь конкретного человека, как отдельного индивидуума.

Именно с категорией «жизнь» связаны проблемы квалификации простого убийства, а именно с тем, когда наступает момент начала жизни, когда она возникает и когда становится объектом охраны уголовного закона. По этому поводу доктрина выдвигает множество теорий и мнений. Так, для того чтобы человек и его жизнь стали объектами уголовно-правовой охраны, необходимо чтобы ему были присущи такие свойства живого организма как:

- 1) наличие обмена веществ;
- 2) наличие самостоятельного дыхания;
- 3) работа централизованной нервной системы [4, с. 122].

Такого мнения придерживается большая часть исследователей и ученых. Таким образом, можно утверждать, что при наличии вышеназванных признаков с юридической точки зрения моментом начала жизни можно считать момент начала родов, а конец определяется биологической смертью. В подтверждение данного вывода служат положения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а именно статья, которая определяет ответственность за убийство ребенка, который становится объектом уголовно-правовой охраны в момент родов (ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорожденного ребенка») [2], где выполнение субъективной стороны преступления возможно уже «во время родов». То есть законодатель устанавливает ответственность за убийство нового человека уже в процессе его рождения. Нахождение ребенка в утробе матери не делает его самостоятельным объектом, мать и ребенок в таком случае охраняются как один целый объект.

Теперь необходимо определить объективную сторону простого убийства. Состав простого убийства является материальным, а это значит, что данное преступление может быть совершено как действиями (удушение, выстрел, избиение и т. д.), так и бездействиями (например, не давать еду и питье маленькому ребенку, что приводит к его обезвоживанию и последующей смерти). Именно возможность совершения простого убийства путем бездействия вызывает трудности при квалификации. Полагаю, что совершение убийства путем бездействия возможно исключительно путем частичного бездействия, которому предшествовали преступные действия. Необходимо сделать какие-либо физические усилия, чтобы в последующем не предпринимать мер по их предотвращению.

Вторым признаком объективной стороны состава простого убийства является последствия преступных действий, чем в рассматриваемом случае является на-

ступление исключительно биологической, а не клинической смерти. Установление данного признака может вызвать трудности с квалификацией, потому как наступление смерти способно полностью исключить квалификацию убийства в качестве неоконченного, а также исключить применение норм ст. 30 УК РФ о приготовлении к преступлению и покушении на преступление [4, с. 122]. Третий признак — это причинно-следственная связь между преступными действиями или бездействием и наступившей биологической смертью. Наличие данного признака также имеет огромное значение для верной квалификации.

Дополнительными признаками объективной стороны простого убийства являются: время, место, обстановка и способ совершения преступления. Установление данных признаков имеет важное значение для судов, об этом свидетельствует абз. 2 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» «По каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы, цель и способ причинения смерти другому человеку, а также исследованы иные обстоятельства, имеющие значение для правильной правовой оценки содеянного и назначения виновному справедливого наказания» [3].

Теперь необходимо проанализировать субъективные признаки состава простого убийства. К ним относятся субъект и субъективная сторона. Так, субъектом простого убийства может быть вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. За рассматриваемое преступление к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, достигшее 14 лет. Субъект простого убийства общий, норма ст. 105 УК РФ не предъявляет к нему дополнительных специальных признаков. Однако, помимо возраста при квалификации простого убийства важно уделять особое внимание вменяемости субъекта убийства, так как лицо в силу возраста или психических особенностей может, не осознавая своих действий и их последствий, причинить себе смерть по просьбе стороннего лица. Здесь и возникают сложности с верной квалификацией, так как подобного рода действия не подпадают под самоубийство. Такие преступные действия должны быть квалифицированы как простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ), при этом в качестве субъекта будет выступать лицо, которое склонило потерпевшего к убийству.

Что касается субъективной стороны простого убийства, то в данном случае к обязательным признакам относится вина, которая может выражаться только в форме прямого или косвенного умысла [5, с. 151]. Убить по неосторожности невозможно, можно причинить смерть по неосторожности, что будет квалифицироваться уже по ст. 109 УК РФ.

Дополнительными признаками субъективной стороны простого убийства являются: мотив, цель и эмоции, установление которых, несмотря на их дополнительную, имеет весьма важное юридическое значение. Именно в связи с тем, что на практике дополнительными призна-

ками субъективной стороны простого убийства пренебрегают, возникают трудности с верной квалификацией простого убийства. От того, какой была цель совершения простого убийства будет зависеть выбор вида преступного поведения способа, средств и орудий. Установление мотива простого убийства имеет важное значение для верной квалификации содеянного в качестве именно простого убийства.

Таким образом в заключении проделанного анализа необходимо отметить, что проблемы квалификации простого убийства возникают при установлении, как субъективных признаков состава преступления, так и при установлении объективных. Важное внимание необходимо обращать на дополнительные признаки субъективной и объективной стороны, не пренебрегая важностью их установления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.: (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015) // КонсультантПлюс.
4. Дуленко, В. А. Проблемы квалификации простого убийства и отграничение его от смежных составов // Журнал «Закон и право». — 2020. № 10. — с. 122-123.
5. Зайцева, Е. А. Простое убийство // Молодой ученый. — 2022. — № 12 (407). — с. 150-152.

Подходы к категории корпоративных отношений

Бедретдинова Гузель Рушановна, студент

Научный руководитель: Куркина Наталья Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Современные вызовы, обусловленные адаптацией экономики страны к существующим реалиям, в т.ч. функционированию в условиях геополитических конфликтов и санкционного давления, требуют разработки единой и последовательной системы корпоративного законодательства, которая бы устраняла противоречия между различными нормативными актами. В данном контексте понимание категории «корпоративные отношения» требует определенной систематизации, так как на сегодняшний день подходы к данному понятию дифференцированы.

Для полного понимания категории корпоративных правоотношений требуется изучить сформировавшиеся как в науке, так и на законодательном уровне мнения. В результате аналитической работы и выделения ключевых аспектов корпоративных отношений можно устранить законодательные противоречия, относящиеся к указанной правовой категории.

Соответственно, актуальность проблем, связанных с пониманием подходов к корпоративным отношениям, в настоящее время становится всё более насущной.

Ключевые слова: корпоративные отношения, корпорация, участники корпоративных отношений, категория «корпоративные отношения».

Approaches to the category of corporate relations

Bedretdinova Guzel Rushanovna, student

Scientific adviser: Kurkina Natalya Vasilyevna, candidate of legal sciences, associate professor
Russian State Social University (Moscow)

Modern challenges caused by the adaptation of the country's economy to existing realities, including functioning in conditions of geopolitical conflicts and sanctions pressure, require the development of a unified and consistent system of corporate legislation that would eliminate contradictions between various regulations. In this context, understanding the category of «corporate relations» requires a certain systematization, since today approaches to this concept are differentiated.

To fully understand the category of corporate legal relations, it is necessary to study the opinions formed both in science and at the legislative level. As a result of analytical work and the identification of key aspects of corporate relations, it is possible to eliminate legislative contradictions related to this legal category.

Accordingly, the relevance of the problems associated with understanding approaches to corporate relations is now becoming more urgent.

Keywords: corporate relations, corporation, participants of corporate relations, category «corporate relations»

Согласно пункту 1 статьи 2 ГК РФ, корпоративными называются отношения, связанные как с участием в корпоративных организациях, так и с управлением ими [1]. Соответственно, корпоративные отношения включают в себя оба аспекта.

Следует отметить, что корпоративные отношения нельзя однозначно отнести только к одному типу — участию в корпоративной организации или ее управлении. В большинстве случаев указанная категория отношений охватывает как участие в организации, так и процессы управления ею.

Обращаясь непосредственно к сложившимся подходам в отношении указанной категории, первый из них обозначен Е. А. Сухановым и А. А. Куликом [4]. Согласно их пониманию, корпоративные отношения связаны с распределением имущества и осуществлением имущественных прав и обязанностей между участниками корпорации. Их можно охарактеризовать как особые имущественные отношения, т. к. они формируются в результате именно внесения участниками имущественных ценностей для функционирования корпорации, которые становятся фундаментом ожидания выгод имущественного характера.

А. А. Кулик в своем определении понятия «корпоративные правоотношения» отражает их содержание в соответствии с действующим законодательством. Он подчеркивает, что корпоративные отношения основаны на владении имуществом, передаче акций или долей участия, внесении депозитов, распределении дивидендов и т. д.

Резюмируя, можно сделать вывод, что первый подход характеризует корпоративные отношения как особые имущественные отношения, связанные с распределением имущества и осуществлением имущественных прав и обязанностей между участниками корпорации.

Второй подход, основоположником которого считается М. И. Брагинский, закрепляет корпоративные отношения как обязательства. Такое мнение базируется на том, что взаимодействие участников корпорации базируется на наличии обязанностей друг перед другом. Но если в стандартных договорных обязательствах личная заинтересованность уходит на второй план, то непосредственно в корпоративных отношениях, напротив, участники яв-

ляются совладельцами и менеджерами корпорации, что определяет естественный личный интерес [3].

Таким образом, второй подход, представленный М. И. Брагинским, характеризует корпоративные отношения как обязательные, когда участники корпорации должны выполнять свои обязательства и имеют право требовать исполнения обязательств от других участников.

Третий подход, представленный А. В. Майфатом, рассматривает корпоративные правоотношения как неимущественные отношения. Согласно этой позиции, корпоративные отношения носят «организационный» характер и связаны с установлением субъективных прав и обязанностей [5].

Согласно третьему подходу, корпоративные правоотношения рассматриваются с учетом организационной структуры и управления корпорацией. Такой подход подчеркивает, что важен не только имущественный аспект, но и субъективные права и обязанности участников организации.

Корпоративные отношения рассматриваются в контексте осуществления участниками своих прав на участие в управлении корпорацией, в том числе выработку управленческих решений, согласование кандидатов на ключевые должности корпорации, голосовании по ключевым вопросам, претендовать на места в органах управления и т. д.

Резюмируя, можно констатировать, что третий подход рассматривает корпоративные правоотношения как неимущественные отношения организационного характера, которые связаны с установлением субъективных прав и обязанностей участников корпорации, а также с их непосредственным вовлечением в корпоративные процессы.

Таким образом, на сегодняшний день сложились три подхода к категории «корпоративные отношения», которые характеризуют её как имущественные отношения, обязательства и имеющее «организационный» характер взаимодействие. К законодательному определению корпоративных отношений наиболее близка позиция, выраженная в первом подходе, однако аспекты, отраженные в других точках зрения, могут быть значимым дополнением в процессе уточнения данной категории в изменяющихся условиях функционирования корпораций.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — с. 3-49.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.

4. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов/А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 435 с.
5. Корпоративное право [Электронный ресурс]: учебное пособие: электронное издание/Е. В. Алексеева; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Санкт-Петербургский институт (филиал). — Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
6. Байбекова, Э. Ф. Роль корпоративного договора как правового механизма регулирования корпоративных отношений по гражданскому законодательству Российской Федерации/Э. Ф. Байбекова // Legal Concept. — 2019. — Т. 18. — № 4. — с. 99-104.

Об определении правового режима нежилых зданий и помещений при заключении сделок с коммерческой недвижимостью

Болонина Юлия Владимировна, студент магистратуры
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Нежилые здания и находящиеся в них помещения являются ключевым элементом оборота коммерческой недвижимости. Актуальность данной темы исследования связана с тем, что данные объекты недвижимости являются основой предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов. Также стоит отметить, что объём коммерческой недвижимости составляет значительный объём оборота на российском рынке.

Изучение вопроса об определении правового режима нежилых зданий и помещений представляет интерес, как для теоретической, так и для практической точек зрения, в том числе в рамках изучения гражданского и предпринимательского права.

Традиционно правовой режим рассматривается как инструмент управляющего воздействия государства, выражающийся в правовой форме, и направленный на правоотношения и косвенно влияющий на жизнедеятельность общества в целом. Специфической функцией правового режима выступает определение объекта, в отношении которого устанавливается определенный правовой режим. Кроме того, участники правоотношений получают необходимую информацию о том предмете, который их интересует. Например, правовой режим недвижимости определен ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации. Также функцией правового режима является удовлетворение интересов субъекта условий, необходимых для удовлетворения его интересов. Реализация этой функции проявляется через гарантию того, что никто и ни при каких обстоятельствах не будет нарушать права субъекта, а в случае возможного нарушения будет привлечен к ответственности.

Основными составляющими любого правового режима выступают субъекты, объект и правовые нормы. Инвестируя в коммерческую недвижимость, предприниматели рассчитывают получать от неё доход либо путем сдачи в аренду, либо путем перепродажи по более высокой цене. Соответственно, для этого необходимо заключать договора или соглашения. Самыми распространенными сделками с коммерческой недвижимостью выступают аренда и купля-продажа.

Относительно правового режима сделок с коммерческой недвижимостью возникают вопросы в связи с тем, что также не определен правовой режим зданий и помещений.

Законодательная и правоприменительная практика, проанализированная Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации¹, показала, что правовой режим зданий, особенно нежилых, и помещений все еще остается плохо урегулированным разделом российского законодательства. При этом, как свидетельствуют опубликованные тексты Общей концепции Гражданского кодекса Российской Федерации и Вещной концепции, какой-либо стройной вещно-правовой модели, надежно связывающей здание с помещениями и отвечающей современным требованиям, на сегодняшний день нет, а присутствует только понимание «существующего несовершенства и противоречивости конструкции недвижимой вещи», осознав которые только и «можно дать верную оценку такому явлению, как наличие в гражданском обороте среди объектов права жилых и нежилых помещений»².

1 Соответствующая аналитическая справка вместе с проектом Постановления Пленума ВАС РФ "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров о правах собственников помещений на общее имущество здания" опубликованы на официальном сайте Президиума ВАС РФ: <http://www/arbitr.ru/presidium>: повестка заседания Президиума ВАС РФ на 30 апреля 2009 г

2 Первый из двух пунктов 1.8 разд. III Общей концепции ГК (в опубликованный текст ошибочно включены два пункта 1.8).

Насколько верной оказывается такая оценка, судить сложно, так как в одном и том же пункте Общей концепции Гражданского кодекса Российской Федерации (п. 1.8 раздела III) содержатся диаметрально противоположные оценки помещений. Согласно абзацу 2, «Помещение само по себе вещью не является. Не является оно и составной частью такой вещи, как здание (строение, сооружение)»; абз. 3: «Тем более помещение не является недвижимой вещью, так как оно, в отличие от здания, не связано с землей»; абз. 4: «Помещение является фиктивным объектом или объектом в чисто юридическом смысле».

И тут же противоположные суждения — абз. 6: «Следует признать, что включение помещений в число объектов права становится неизбежным, поскольку хозяйственная жизнь, определенные социальные нужды создали этот объект»; абз. 8: «Указание помещений среди недвижимых вещей будет иметь в виду прежде всего то, что права на помещения возникают в порядке, предусмотренном для недвижимости. В таком же порядке они защищаются и прекращаются». Согласно п. 2.7 того же раздела: «Среди недвижимых вещей указываются помещения. Имеет смысл сказать, что помещения считаются (признаются) недвижимыми вещьями».

Не менее противоречивыми являются оценка и понимание помещения в Вещной концепции. Так, согласно п. п. 2.7 и 3.14 ее раздела о праве собственности, помещение — это «трехмерный объем внутри здания (сооружения)», «пригодный для использования», но лишенный «какого-либо материального выражения», «вещь исключительно в юридическом смысле этого слова». Но в том же разделе Вещной концепции (п. 3.1) этим «бестелесным» субстанциям — помещениям предлагается посвятить в Гражданском кодексе Российской Федерации целую главу под названием «Право собственности на жилые и нежилые помещения». И тут же в следующем п. 3.2 приводится известное классическое определение понятия права собственности как полного господства над вещью, но при этом не делается никаких оговорок о возможном установлении такого господства над «бестелесной вещью», «лишенной какого-либо материального выражения».

Значительный разнобой в правовом понимании помещений и их соотношения с жилым или нежилым домом (зданием), в котором они расположены, возник еще в 90-х гг. XX в., когда в российское законодательство и отечественную юриспруденцию вернулась категория недвижимого имущества. В то же время юридические исследования выявили два крайних, противоположных взгляда на характер помещений внутри здания и их отношение к зданию в целом.

Один из этих полярно противоположных взглядов заключается в том, что помещения, выступающие состав-

ными частями неделимой вещи — дома (здания), вообще не являются объектами материального мира, реальными вещьями или их частью, объектами права собственности, а представляют собой «кубатуру», «воздух» внутри здания, юридически выражаемый лишь идеальной долей в праве общей собственности на дом [5]; «помещение лишено какого-либо материального выражения»¹; помещение — это «вещь в юридическом смысле слова» [6]; помещение является «фиктивным объектом или объектом в чисто юридическом смысле (что и означает его фиктивность)»²; «доказать самостоятельность нежилых помещений как объектов прав невозможно» [7]; нежилое помещение не является объектом гражданских прав [8-11].

Второй из двух противоположных взглядов на помещение, ранее нашедший отражение в законодательстве [12] и также имеющий большое число сторонников [13-22], состоит в признании помещений «самостоятельными» или даже «выделенными в натуре», объектами недвижимости, имущественных прав, имущественного оборота и т. д. Оба названных крайних суждения представляются не совсем правильными.

Автором статьи видится, что любое помещение, понимаемое в широком смысле как конструктивная часть здания, ограниченная с разных сторон полом, потолком, стенами или другими конструктивными элементами здания³, является не менее вещественно и материально, чем само здание, в котором оно находится. Это такой же, как и здание, объект материального мира, данный нам в ощущениях: его можно увидеть, потрогать и т. д. Нельзя пройти сквозь него: обязательно наткнешься на стену, либо пол, либо потолок, либо иной конструктивный элемент здания, ограничивающий помещение. И таким материальным и вещественным по своей природе помещением было всегда, даже на заре человеческой цивилизации, когда дома-жилища состояли всего из одного помещения, не важно, каким материалом ограниченного с разных сторон.

Другое дело, что вопрос о вещном, или, наоборот, нематериальном, характере помещений как объекте права собственности в принципе возник, только когда стали появляться многоквартирные дома, где определённые помещения заведомо предназначались для использования не хозяином дома, его сородичами или семьей, а посторонними людьми. Именно после этого, как представляется, расположенные в домах помещения стали в собственном качестве вовлекаться в имущественные отношения между людьми и постепенно становиться в общественной практике и праве объектами имущественного оборота, имущественных прав, имущественно-правового, в том числе вещно-правового, регулирования и имущественных споров.

1 Параграф 3 разд. III ч. I вышеназванной Концепции недвижимости; п. 2.7 раздела о праве собственности Вещной концепции.

2 Пункт 1.8 разд. III Общей концепции ГК.

3 В некоторых законодательных актах «дом (здание)» необоснованно трактуется в качестве видового понятия по отношению к более широкому родовому понятию «помещение» (ч. 1 ст. 16 Жилищного кодекса РФ; ч. 1 ст. 30 ГПК РФ), что, на наш взгляд, только запутывает дело и еще больше затрудняет осмысление правового соотношения между зданием и расположенными в нем помещениями.

При этом в силу естественного стремления владельцев помещений к наиболее полному господству над ними как своими собственными вещами, помещения как объекты имущественных прав стали неуклонно стремиться к самостоятельности, оборотоспособности и юридической независимости от здания, неотъемлемой конструктивной частью которого они являются.

Таким образом, можно заключить, что вещно-правовой режим зданий, помещений и другого конструктивно относящегося к зданиям имущества целесообразно в общем виде определить в отдельной главе части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (вместо

имеющейся гл. 18), которую можно было бы назвать: «Глава 18. Право собственности и другие вещные права на здание и конструктивно относящееся к нему имущество». Конкретные же вопросы правового режима зданий и помещений, требующие одновременно частноправового и публично-правового регулирования, следовало бы решить в отдельном законодательном акте, например, в федеральном законе о зданиях и расположенных в них помещениях. Эти нововведения будут способствовать более прозрачному регулированию и установлению правового режима сделок с коммерческой недвижимостью.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Финансовые сделки. Постатейный комментарий. Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2022. 400 с.
2. Земельный кодекс Российской Федерации // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147 (в ред. федер. закона Рос. Федерации от 27.12.2009 г. № 365-ФЗ).
3. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Консультант Плюс: [https://www.consultant.ru > document](https://www.consultant.ru/document).
4. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ // «Собрание законодательств РФ» № 30 от 24.07.2023.
5. Суханов, Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12. с. 48
6. Гришаев, С. П. Нежилые помещения как объекты гражданского права // Гражданин и право. 2006. с. 46
7. Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. СПб., 2002. с. 376.
8. Суханов, Е. А. Актуальные вопросы гражданского права // ЭЖ-Юрист. 1999. N 40. с. 1-2;
9. Зинченко, С., Корх С. Вопросы собственности: законодательство и практика // Хозяйство и право. 2000. N 6. с. 56;
10. Скловский, К. И. Некоторые проблемы права на нежилое помещение // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. N 8. с. 84;
11. Писков, И. П. Гражданско-правовой режим зданий и сооружений: Дис.... канд. юрид. наук. М., 2003. с. 170-193.
12. Статья 1 Федерального закона от 15 июня 1996 г. «О товариществах собственников жилья» // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2963.
13. Витрянский, В. В. Договор купли-продажи и его отдельные виды. М., 1999. с. 242-243;
14. Киндеева, Е. Государственная регистрация договоров аренды зданий, сооружений // Экономика и жизнь. 1999. N 47. с. 25;
15. Кокоева, Л. Т. Основные проблемы гражданско-правового регулирования арендных отношений: Дис.... докт. юрид. наук. Саратов, 2004. с. 181;
16. Кузьмина, И. Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости. Томск: Изд-во ТГУ, 2002;
17. Чубаров, В. В. Правовой режим нежилого помещения как самостоятельного объекта недвижимости // Право и экономика. 2003. N 3; Степанов С. А. Составная недвижимая вещь // Журнал российского права. 2004. N 8. с. 39-46;
18. Скворцов, О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте: Учебно-практическое пособие. М.: Волтерс Клувер, 2006. с. 73;
19. Харитоновна, Ю. В. Правовой статус нежилых помещений по российскому законодательству: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2006. с. 16;
20. Гришмановский, Д. Ю. Договор купли-продажи нежилых помещений: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004;
21. Параграф 3 разд. III ч. I Концепции развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2003. N 1-2. с. 59-89;
22. Борзова, Ю. А. Понятие нежилого помещения как объекта гражданского права // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. 2006. N 6. с. 99-100.

Право ребенка на определение национальной принадлежности: понятие и место в системе прав человека

Болтачева Анастасия Александровна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

В статье автор рассматривает право на определение национальной принадлежности относительно его общего смысла, а также относительно особенностей, обусловленных спецификой ребенка как субъекта права. Даны понятия данных категорий права, выделены ключевые отличия друг от друга, более подробно раскрыта сущность соответствующего права ребенка в международном понимании.

Ключевые слова: права человека, право ребенка на определение национальной принадлежности, Конвенция о правах ребенка, родная культура и язык.

Современное международное право уделяет достаточно пристальное внимание вопросам регламентирования и реализации прав человека, неотъемлемой частью которых являются права ребенка. Вместе с тем несмотря на то, что права детей и права человека соотносятся друг с другом как часть и целое, права первых заслуживают отдельного исследования ввиду особенностей, присущих детям как непосредственных пользователей соответствующего права.

Для того, чтобы выделить разницу между данными категориями необходимо определиться с содержанием каждой из них. В международном понимании права человека — это комплекс неотделимых от личности прав, вне зависимости от расы, вероисповедания, пола или других критериев, включающих в себя, например, право на жизнь и свободу, на труд, образование и многое другое (в том числе, и на определение национальной принадлежности) [1]. При этом было бы в корне неверно предположить, что права детей относительно прав человека в какой-либо мере могут быть умалены. Наоборот, ребенок является, пожалуй, самым зависимым и незащищенным субъектом права, и в то же время все международное сообщество заинтересовано в здоровом и гармоничном развитии каждого ребенка, так как будущее сообщества будет зависеть от последующей деятельности этого ребенка во взрослом возрасте. Следовательно, международное право особенно подчеркивает необходимость понимания защиты прав ребенка от неправомерных на них посягательств.

В контексте права на определение национальной принадлежности также существует ряд отличий в регулировании и реализации для детей и взрослых. Так, общее право состоит из нескольких важных составляющих: свобода указания национальной принадлежности, право народов определять форму своего государственного существования и политический статус без постороннего вмешательства, право определять вектор социального и культурного развития. Как видно из приведенных категорий, общее право включает в себя и политический вопрос, а дети в силу возраста и объема дееспособности ограничены во влиянии на него, поэтому право

ребенка на определение национальной принадлежности в большей степени заключается в вопросах культуры, социума и семьи.

Следует подчеркнуть, что, как было отмечено выше, обозначенное ограничение не является умалением прав ребенка, поскольку основной задачей детей является получение должного количества знаний для вступления во взрослую жизнь через обучение и совершение ошибок, а не решение вопросов, для погружения в которые им пока что не хватает компетенции и опыта. Напротив, для получения этого опыта в положительном ключе ребенку необходимы все возможные культурные и социальные ресурсы, которые ему может предоставить родное государство и весь мир. Так, пусть ребенок не располагает в полной мере всеми политическими правами, но, во-первых, они не так ему необходимы (пусть и влияют на него), а, во-вторых, повышенное внимание сосредоточено на других сферах, более значимых для его благополучия.

Так какой же комплекс прав представляет собой право ребенка на определение национальной принадлежности?

Прежде всего это право на жизнь, получение воспитания и образования в родной семье в рамках родной культуры. Только в исключительных случаях, когда безопасность ребенка находится под угрозой по тем или иным причинам (чаще всего при неспособности родителей закрыть его базовые потребности или в случае возникновения чрезвычайной ситуации), он может быть изъят из семьи временно или постоянно. При этом ни при каких обстоятельствах он не может быть лишен права на изучение собственной культуры, родного языка, традиций и др. Важным аспектом тут так же является привитие ребенку терпимости и уважения к другим культурам как для расширения его собственного кругозора, так и для гармоничного существования различных этнических групп в мире и сохранения общечеловеческого наследия [2].

Кроме того, в право ребенка на определение национальной принадлежности, безусловно, включено право на свободу от дискриминации по национальному признаку и на беспрепятственное развитие в соответствии с принципами международного права [3]. Акцент на фундаментальности этого права детей также обусловлен

их влиянием на будущее совершенствование международного права и жизни общества в целом.

В заключение хотелось бы обобщить основные тезисы, приведенные в настоящей статье. Общее право на опре-

деление национальной принадлежности и соответствующее право ребенка — это целое и его часть. Вместе с тем нельзя игнорировать характерные черты, присущие детям, при регулировании их прав.

Литература:

1. Всеобщая декларация прав человека. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 04.10.2023).
2. Конвенция о правах ребенка. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 04.10.2023).
3. Декларация прав ребенка. — Текст: электронный // ООН: [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения 04.10.2023).

Защита вещных прав путем подачи иска об освобождении имущества от ареста

Борлаков Анзор Альбертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Некрасов Евгений Ефимович, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье автор исследует спорные вопросы, связанные с применением такого способа защиты гражданских прав как иск об освобождении имущества от ареста.

Ключевые слова: арест имущества, вещные права, иск, исполнительное производство, законный владелец, способы защита гражданских прав, освобождение имущества от ареста, суд.

Дискуссионность вопросов, связанных с основаниями предъявления иска об освобождении имущества от ареста вызвана включение таких норм в различные законодательные акты, которые по-разному определяют условия предъявления иска об освобождении имущества от ареста, а также широким кругом нормативных оснований для наложения ареста на имущество.

Данный иск специально не упоминается ни в главе 20 ГК РФ «Защита права собственности и других вещных прав», ни в общей норме ст. 12 ГК РФ, но в то же время в доктрине традиционно квалифицируется как специальный способ защиты нарушенных гражданских прав. [6]

Согласно п. 1 ст. 119 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»: «1. В случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, на которое обращается взыскание, заинтересованные лица вправе обратиться в суд с иском об освобождении имущества от наложения ареста или исключении его из описи». [2]

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 разъясняется: «40. Арест в качестве исполнительного действия может быть наложен судебным приставом-исполнителем в целях обеспечения исполнения исполнительного документа, содержащего требования об имущественных взысканиях (пункт 7 части 1 статьи 64, часть 1 статьи 80 Закона об исполнительном производстве).

В качестве меры принудительного исполнения арест налагается при исполнении судебного акта о наложении ареста на имущество ответчика, административного ответчика (далее — ответчика, в исполнительном производстве — должника), находящегося у него или у третьих лиц (часть 1, пункт 5 части 3 статьи 68 названного Закона).

Во исполнение судебного акта о наложении ареста на имущество ответчика судебный пристав-исполнитель производит арест и устанавливает только те ограничения и только в отношении того имущества, которые указаны судом.

Если суд принял обеспечительную меру в виде ареста имущества ответчика, установив только его общую стоимость, то конкретный состав имущества, подлежащего аресту, и виды ограничений в отношении его определяются судебным приставом-исполнителем по правилам статьи 80 Закона об исполнительном производстве.

В случаях, когда должник препятствует исполнению судебного акта о наложении ареста на имущество по судебному акту о наложении ареста на движимое имущество должника, в том числе посредством отказа принять арестованное имущество на хранение, судебный пристав-исполнитель вправе передать арестованное имущество на ответственное хранение членам семьи должника, взыскателю либо лицу, с которым территориальным органом ФССП России заключен договор хранения, с учетом требований, установленных статьей 86 Закона об исполнительном производстве». [3]

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. разъясняется: «50. В случае наложения арбитражным судом ареста в порядке обеспечения иска на имущество, не являющееся собственностью должника и не принадлежащее ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, собственник имущества (законный владелец, иное заинтересованное лицо, в частности невладеющий залогодержатель) вправе обратиться с ходатайством об отмене обеспечительных мер в арбитражный суд, их принявший. Такое ходатайство рассматривается арбитражным судом по существу даже в том случае, если заявитель не является лицом, участвующим в деле, поскольку определение арбитражного суда о принятии обеспечительных мер — это судебный акт о его правах и обязанностях (статья 42 АПК РФ).

По смыслу статьи 119 Федерального закона «Об исполнительном производстве» при наложении ареста в порядке обеспечения иска или исполнения исполнительных документов на имущество, не принадлежащее должнику, собственник имущества (законный владелец, иное заинтересованное лицо, в частности невладеющий залогодержатель) вправе обратиться с иском об освобождении имущества от ареста.

Вместе с тем заинтересованные лица не имеют права на удовлетворение заявления об оспаривании постановления судебного пристава-исполнителя об аресте (описи) этого имущества, поскольку при рассмотрении таких заявлений должник и те лица, в интересах которых наложен арест на имущество, будучи привлеченными к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, ограничены в заявлении возражений и представлении доказательств.

Споры об освобождении имущества от ареста рассматриваются в соответствии с подведомственностью дел по правилам искового производства независимо от того, наложен арест в порядке обеспечения иска или в порядке обращения взыскания на имущество должника во исполнение исполнительных документов.

Ответчиками по таким искам являются: должник, у которого произведен арест имущества, и те лица, в инте-

ресах которых наложен арест на имущество. Судебный пристав-исполнитель привлекается к участию в таких делах в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора». [4]

По мнению Мальбина Д. А.: «...Спор по иску об освобождении имущества от ареста носит гражданско-правовой характер и состоит (несмотря на название иска) в споре о праве на имущество, а не в непосредственном освобождении имущества от ареста.... Решением по гражданскому спору суд не вторгается в юрисдикцию иного лица или органа, принявшего решение об аресте, в связи с чем решение суда по иску об освобождении имущества от ареста не освобождает имущество от ареста (несмотря на соответствующее законодательное название иска), но является основанием для принятия органом, принявшим решение об аресте имущества, решения о его отмене». [5]

Синицын С. А. приходит к следующим выводам:

«1. Арест имущества и включение его в опись являются юридическим последствием осуществления органом государственной власти или должностным лицом закрепленной за ним компетенции, в связи с чем, по существу, наложение ареста на имущество является актом индивидуального действия, устанавливающим публично-правовые ограничения в осуществлении субъективного гражданского права. Оспаривание законности и обоснованности принятого решения о наложении ареста компетентным должностным лицом или органом власти не может рассматриваться как спор о праве гражданском в рамках искового производства.

2. Требования заинтересованного лица об освобождении имущества от ареста образуют спор о законности и обоснованности осуществленных органом власти или должностным лицом действий в пределах их компетенции по наложению ареста на имущество». [6]

Таким образом гражданско-правовая природа иска об освобождении имущества от ареста проявляется в том, что он является самостоятельным непоименованным в ст. 12 ГК РФ, вещно-правовым способом защиты гражданских прав, направленным на доказывание вещного права лица на вещь, которую истец требует освободить от ареста.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 02.10.2023.
2. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2023) «Об исполнительном производстве»//Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 02.10.2023.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50
4. «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» //СПС «КонсультантПлюс»
6. Мальбин, Д. А. Повод к иску об освобождении имущества от ареста //Вестник арбитражной практики, 2022. Т. 103. № 6. с. 38-48.

7. Синицын, С. А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. — М.: Инфотропик Медиа, 2015.

Защита прав законного владельца арендованного имущества

Борлаков Анзор Альбертович, студент магистратуры

Научный руководитель: Некрасов Евгений Ефимович, доктор юридических наук, профессор
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье автор исследует спорный вопрос о применимом способе защиты прав арендатора в случае если арендованное имущество находится на законном основании у другого арендатора.

Ключевые слова: аренда, виндикационный иск, владение, законный владелец, защита гражданских прав, земельный участок, убытки.

Дела об истребовании имущества из чужого незаконного владения являются одними из самых сложных и интересных споров. Несмотря на тот факт, что виндикационный иск является одним из древнейших способов защиты, до настоящего времени в практической и в теоретической юриспруденции остаются вопросы, на которые нет однозначных ответов.

Особый интерес вызывает право арендатора на подачу виндикационного иска, если он получил это право от арендатора, которому фактически земельный участок не передавался.

По мнению Хлюстова П. В.: «...с точки зрения теории гражданского права наличие правомочия владения указывает на вещную природу субъективного права. Например, такой подход к квалификации правовой природы субъективного права, включающего правомочие владения, способен объяснить, почему в силу ст. 305 ГК РФ арендатор и иные лица, владеющие имуществом на основании договора, вправе использовать вещно-правовые способы защиты». [3]

Рассмотрим пример из судебной практики. С. Н. обратился в суд с иском к обществу об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возложении обязанности передать земельные участки по договору аренды, взыскании убытков.

В обоснование исковых требований С. Н. указал, что 14 января 2020 г. между К. и С. Н. было заключено соглашение об отступном, в соответствии с которым К. передал С. Н. права аренды на земельные участки. Соглашение было зарегистрировано в установленном законом порядке. Собственником указанных земельных участков является общество, которое уклоняется от передачи земельных участков арендатору С. Н., в связи с чем ему причинены убытки. С. Н. просил суд истребовать из чужого незаконного владения земельные участки по договору аренды от 25 июля 2018 г., возложить на общество обязанность передать арендатору С. Н. в принудительном порядке названные земельные участки, взыскать с общества в пользу С. Н. убытки,

причиненные неисполнением договора аренды от 25 июля 2018 г.

Решением суда в удовлетворении исковых требований С. Н. к обществу об истребовании имущества из чужого незаконного владения, о возложении обязанности передать земельные участки по договору аренды, взыскании убытков отказано.

Определением суда по данному гражданскому делу произведена замена истца С. Н. его правопреемником П.

Апелляционным и кассационным судом общей юрисдикции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части отмены решения суда первой инстанции и принятия нового решения об удовлетворении иска П. к обществу о возложении обязанности передать земельные участки, дело в этой части направила на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав, в частности, следующее.

В соответствии со статьёй 398 ГК РФ в случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь в ... возмездное пользование кредитору последний вправе требовать отобрания этой вещи у должника и передачи ее кредитору на предусмотренных обязательствами условиях.

Действующим законодательством предусмотрен специальный способ защиты арендатора, лишенного возможности использовать вещь по причине того, что ранее она была в целом передана другому арендатору, — требовать возмещения убытков и уплаты неустойки (п. 3 ст. 611 ГК РФ).

Как установлено судом и следует из материалов дела, при заключении соглашения об отступном между К. и С. Н. 14 января 2020 г., а также при последующем заключении 3 февраля 2021 г. соглашения об отступном между С. Н. и П. спорные земельные участки фактически им не передавались, поскольку они находились во владении

и пользовании С. на основании договора уступки прав и обязанностей от 29 августа 2019 г.

Поэтому суду апелляционной инстанции следовало установить, избран ли П. надлежащий способ защиты права с учетом положений вышеназванных норм права и разъяснений по их применению.

В связи с тем, что на момент заключения соглашений об отступном 14 января 2020 г. и 3 февраля 2021 г. арендатором спорных земельных участков и фактическим их пользователем являлся С., суду также следовало дать оценку действиям К., С. Н. и П. на предмет соответствия требованиям закона о добросовестности (статьи 1, 10 ГК РФ). Однако этого судом апелляционной инстанции сделано не было, суд ограничился оценкой действий сторон соглашений на предмет лишь наличия или отсутствия нарушения прав общества, а не С., ошибочно не признав последнего арендатором спорных земельных участков.

Кассационным судом общей юрисдикции, проверившим законность апелляционного определения, допущенные судом апелляционной инстанции нарушения устранены не были. [2]

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой», арендатор, которому не было передано сданное внаем имущество, не может истребовать его у третьего лица, в пользовании которого оно фактически находится.

Гражданский кодекс РФ в ст. 305 формулирует: «Права, предусмотренные статьями 301-304 настоящего Кодекса, принадлежат также лицу, хотя и не являющемуся собственником, но владеющему имуществом на праве пожизненного наследуемого владения, хозяйственного ведения, оперативного управления либо по иному основанию, предусмотренному законом или договором. Это лицо имеет право на защиту его владения также против собственника». [1]

Но в рассматриваемом деле спорные земельные участки фактически С. Н. и П. не передавались, поскольку они находились во владении и пользовании С. на основании договора уступки прав и обязанностей от 29 августа 2019 г. Они не являются фактическими владельцами земельного участка, ни законными, ни незаконными.

Арендатором спорных земельных участков, их законным владельцем и фактическим их пользователем являлся С. на основании договора уступки прав и обязанностей от 29 августа 2019 г.

Поэтому такой способ защиты гражданских прав как виндикационный иск С. Н. и П. использовать не вправе. К действовал недобросовестно, при заключении соглашения об отступном между К. и С. Н. 14 января 2020 г.

Конституционный Суд РФ в своих Постановлениях, неоднократно указывал, что нормы, регламентирующие осуществление участниками гражданских правоотношений, принадлежащих им прав, а также исполнение ими обязанностей, должны интерпретироваться и применяться в свете принципа добросовестности. Данный принцип означает, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники правоотношений должны действовать добросовестно и не извлекать преимуществ из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункты 3 и 4 статьи 1 ГК Российской Федерации). Для гражданских правоотношений это находит отражение, в частности, в том, что стороны обязательства и после его прекращения, а равно при его установлении и исполнении обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, предоставляя друг другу необходимую информацию (пункт 3 статьи 307 ГК Российской Федерации).

При этом пункт 3 статьи 308 ГК РФ предусматривает, что обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц). В рассматриваемом деле таким лицом является С.

Таким образом арендатор, которому не было передано арендованное имущество в связи с нахождением его во владении другого лица на законном основании, не вправе требовать от не исполнившей обязательство стороны передачи арендованного имущества. Такой арендатор вправе специальный способ защиты арендатора, а именно потребовать расторжения договора и возмещения убытков, причиненных его неисполнением.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) //Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 02.10.2023.
2. Определение ВС РФ № 16-КГ22-40-К4/Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. 2023. № 2. Утвержден Президиумом ВС РФ от 19.07.2023 года. //СПС «КонсультантПлюс»
3. Хлюстов, П. В. Энциклопедия правовых позиций Высшего Арбитражного Суда РФ и Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по делам об истребовании имущества из чужого незаконного владения. — М.: Инфотропик Медиа, 2015. 300 с.

Актуальные вопросы развития механизмов защиты прав граждан в сфере долевого строительства и несостоятельности (банкротства) застройщиков

Бородина Анастасия Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Толочкова Надежда Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Вопросы, связанные с реализацией граждан России на конституционное право, закрепленное в статье 40 Конституции Российской Федерации, являются крайне значимыми с социально-экономической и политической точек зрения. Из средств массовой информации часто становилось известно о серьезных фактах социального напряжения, которые были связаны с банкротством застройщиков и утратой гражданами существенных денежных средств в рамках долевого строительства [1]. Так в рамках дела «СУ-155» количество обманутых дольщиков превышало 30000 человек, недостроенными оказались более 155 объектов.

В определенный момент ситуация стала такой серьезной, чтобы создан специальный фонд, который аккумулировал взносы от застройщиков в целях потенциальной защиты прав граждан при их банкротстве. Фонд был создан в 2017 году для защиты прав дольщиков, а сумма взноса составляет 1,2% от суммы каждого договора, согласованного сторонами. В начале 2022 года фонд дольщиков переименовали — теперь права участников долевого строительства защищает публично-правовая компания «Фонд развития территорий» [2].

Таким образом, защита прав граждан в данной сфере — один из приоритетов в части реализации их конституционных прав, а также в сфере стабильного рынка капитального строительства в России, который в настоящий момент также является важнейшим драйвером развития экономики [3] и не может ставиться под удар сомнительных недобросовестных предпринимателей.

Безусловно, на организационном и юридическом уровне делается значительный объем работы в части предупреждения нарушения прав граждан. Так только в 2022 году были приняты решения в отношении 150 проблемных объектов и 8,3 тысяч граждан. В эксплуатацию было введено 57 многоквартирных домов, в которых получили квартиры 7,4 тысячи человек. Еще 15,6 тысяч человек получили возмещение на общую сумму 55,4 млрд рублей [4].

Значительные изменения, направленные на защиту прав граждан в названной сфере, были реализованы благодаря изменению нормативной правовой базы, регулирующей отрасль и документов стратегического планирования.

Во-первых, была утверждена Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года [5], в которой отдельный раздел «Восстановление прав граждан — участников долевого строительства» закрепляет следующие перспективные мероприятия:

— завершение строительства публично-правовой компанией «Фонд развития территорий» и субъектами Российской Федерации проблемных объектов, осуществление выплаты возмещения гражданам;

— ликвидация объектов незавершенного строительства;

— осуществление мониторинга реализации мероприятий по восстановлению прав обманутых граждан — участников долевого строительства в субъектах Российской Федерации;

— использование механизмов комплексного развития территорий для строительства жилищного фонда социального использования и арендного жилья на земельных участках, предоставленных публично-правовой компании «Фонд развития территорий» [5].

Во-вторых, Правительством РФ зафиксирован размер штрафных санкций, взыскиваемых с застройщиков и с участников долевого строительства, на уровне ключевой ставки Банка России, действовавшей по состоянию на 25 февраля 2022 г. [6], что снизило общую финансовую нагрузку как на застройщиков, так и на участников долевого строительства. Данное изменение крайне важно, так создание избыточной финансовой нагрузки на застройщикакратно повышает риски его банкротства.

В-третьих, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23 марта 2022 г. № 442 [7] установлены особенности передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, что также способствует снижению рисков банкротств застройщиков и появления новых обманутых дольщиков. Вышеуказанное постановление, например, закрепляет, что «при отсутствии существенных нарушений требований к качеству объекта долевого строительства застройщик и участник долевого строительства указывают в передаточном акте или ином документе о передаче объекта долевого строительства перечень недостатков (дефектов), подлежащих безвозмездному устранению застройщиком» [7].

Создание механизмов, которые предупреждают претензии участников долевого строительства к застройщику создают возможность к досудебному урегулированию спорных моментов, в том числе с привлечением независимых экспертов.

В-четвертых, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26 марта 2022 г. № 479 [8] утвержден порядок применения штрафных санкций против застройщиков. Например, «проценты, подлежащие уплате участнику долевого строительства в соответствии с частями 2 и 6 статьи 9 Федерального закона «Об участии в до-

левом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» за период со дня вступления в силу настоящего постановления до 30 июня 2023 г. включительно, не начисляются». Данное положение снимает часть финансовой нагрузки с застройщика и позволяет ему избежать банкротства.

Подводя итог, отметим следующие важные аспекты защиты прав граждан в части, касающейся приобретения жилья, в том числе с их участием граждан в механизмах долевого строительства:

— государство уделяет высокое и приоритетное внимание к проблемам потенциального банкротства застрой-

щиков и адресно регулирует законодательство в данной части, что позволяет застройщикам стабилизировать свое финансовое положение и завершить строительство объекта;

— создаются новые инструменты поддержки обманутых дольщиков, данная проблема носит острый социальный характер, потому государством расходуются существенные средства в рамках реализации функций «Фонда развития территорий»;

— постоянно совершенствуется законодательная база и подзаконные акты на уровне Правительства Российской Федерации и министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации.

Литература:

1. Банкротство застройщиков: три самых резонансных дела последних лет. URL: <https://rusbankrot.ru/bankruptcy-and-liquidation/bankrotstvo-zastroyshchikov-tri-samykh-rezonansnykh-dela-poslednikh-let/> (дата обращения: 12.03.2023)
2. Компенсационный фонд долевого строительства. Что бывает при банкротстве застройщика и как дольщики могут защитить свои права. URL: <https://finance.rambler.ru/realty/48084117/> (дата обращения: 12.03.2023)
3. Марат Хуснуллин: вклад строительной отрасли в ВВП по итогам года составит не менее 0,5%. URL: <https://pravdaosro.ru/news/marat-khusnullin-vklad-stroitelnoy-o/> (дата обращения: 12.03.2023)
4. Стройка: итоги года. URL: <https://pravdaosro.ru/analytics/stroyka-itogi-goda/> (дата обращения: 12.03.2023)
5. Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «О Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // Справочная правовая система «Гарант»
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.05.2022 № 890 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 марта 2022 г. № 479» // Справочная правовая система «Гарант»
7. Постановление Правительства РФ от 23 марта 2022 г. № 442 «Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства» // Справочная правовая система «Гарант»
8. Постановление Правительства РФ от 26 марта 2022 г. № 479 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве» // Справочная правовая система «Гарант».

Индивидуальные особенности несовершеннолетнего обвиняемого как предмет доказывания по уголовным делам

Воробьев Владимир Юрьевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье рассматриваются актуальные вопросы установления индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего обвиняемого в рамках доказывания по уголовным делам.

Ключевые слова: несовершеннолетний, доказывание, индивидуальные особенности, развитие.

Среди теоретиков существуют различные классификации, относящиеся к предмету доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Так, по мнению И. С. Смирновой, предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних образуют обстоятельства трёх уровней: к первому уровню от-

носятся положение статьи 73 УПК и общей части УК РФ, второй уровень включает в себя конкретные обстоятельства, которые обусловлены элементами конкретного состава преступления, по которому проводится квалификация по уголовному делу, и, наконец, третий уровень образуют обстоятельства, характеризующие личность не-

совершеннолетнего, его индивидуальную особенность, предусмотренные статьёй 421 УПК РФ [5, с. 32].

Характеризуя обстоятельства, предусмотренные статьёй 421 УПК РФ, мы сталкиваемся с неоднозначной законодательной конструкцией — «иные особенности личности», которая, по сути, характеризует перечень специальных обстоятельств, необходимых при доказывании по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, как открытого перечня. Иными словами, закон не ограничивает правоприменителя в исследовании индивидуальных особенностей личности несовершеннолетнего преступника, что, по мнению некоторых специалистов, является правильным законодательным решением [2, с. 52].

Р. В. Костенко говорит о том, что помимо необходимого критерия достоверности доказательство должно обладать признаком достаточности, то есть на этапе предварительного расследования должен быть собран максимально возможный объём информации, характеризующий личность обвиняемого несовершеннолетнего субъекта. Это будет способствовать безошибочной квалификации и вынесению справедливого приговора [3, с. 17].

Также стоит согласиться с мнением К. А. Авалиани, который говорит о необходимости исследования таких индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, как условия его проживания, взаимоотношения с окружающими, характер воспитания и обучения [1, с. 1]. Автор считает, что на законодательном уровне необходимо отнести к предмету доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних таких обстоятельств, как сведения о семье, характер общения с окружающими, степень воспитания и уровень образования несовершеннолетнего, а также положительные и негативные стороны поведения несовершеннолетнего в домашней среде и в социуме, характер связей с окружающими [1, с. 12].

На наш взгляд позиция К. А. Авалиани является справедливой, но излишне расширенной (конкретной). Считаем необходимым внести в пункт 2 части 1 статьи 421 УПК РФ дополнение, включив словосочетание «условия проживания». Это будет способствовать обязательному исследованию внешних факторов, влиявших на становление личности несовершеннолетнего обвиняемого, и позволит сформировать у суда наиболее полное и объективное представление о личности подсудимого.

В. А. Лазарева обоснованно говорит о том, что предусмотреть все возможные факторы оценки индивидуальных качеств и сфер жизнедеятельности несовершеннолетнего не представляется возможным, в виду многообразия социальных связей и психологических качеств человека [4, с. 67]. Следует согласиться с данной позицией, указав на то, что законодателю необходимо в некоторой степени конкретизировать и расширить перечень обстоятельств, подлежащих установлению при производстве по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего. При этом считаем, что данный перечень должен оставаться открытым, тем самым гарантируя макси-

мальную степень защиты прав и свобод несовершеннолетнего в рамках уголовного судопроизводства.

Резюмируя вопрос об обстоятельствах, характеризующих условия и уровень жизни несовершеннолетнего, считаем возможным их сгруппировать по следующим блокам:

1) Выявление внутрисемейного общения: устанавливается состав семьи, достаточность материального обеспечения, психологический климат в семье, уровень доверительных отношений между членами семьи, степень влияния родителей на несовершеннолетнего и их участия в его личной жизни, организация досуга в семье, особенности увлечений и т. п.

2) Выявление особенностей поведения несовершеннолетнего в стенах образовательной организации или трудового коллектива, в котором он находится, отношение к исполнению своих обязанностей по учебе и работе, наличие взысканий и поощрений.

3) Выявление обстоятельств, которые формируют личностное поведение несовершеннолетнего вне дома и школы (работы): посещение публичных мест, участие в неформальных движениях и пр.

Определённое непонимание вызывают требования ст. 421 УПК РФ об обязательном установлении уровня психического развития несовершеннолетнего, а именно каким образом и кем эта процедура будет осуществлена. При этом УПК РФ не требует обязательного проведения судебной экспертизы в целях установления соответствия уровня психического развития ребёнка его возрасту. Из этого следует, что в случаях сомнения следователя, дознавателя или судьи в степени развитости несовершеннолетнего, должностные лица должны руководствоваться субъективными представлениями о должном уровне развития ребёнка в конкретном возрасте, и, в случае сомнения, назначать соответствующую экспертизу.

На наш взгляд, с целью исключения возможных ошибок правоприменителя необходимо в статье 196 УПК РФ в качестве обязательного основания для назначения судебно-медицинской экспертизы закрепить обстоятельство, в соответствии с которым судебная экспертиза назначается в обязательном порядке для установления уровня психического развития и вменяемости несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Таким образом, сделаем вывод о том, что наличие в УПК РФ специальных обстоятельств, подлежащих установлению при уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетнего обеспечивает достаточность исследования всей необходимой совокупности обстоятельств, характеризующих личность несовершеннолетнего, в целях принятия справедливого решения о привлечении последнего к уголовной ответственности (освобождения от нее), а также назначения наказания, соразмерного содеянному, с учетом предпосылок, послуживших формированию личности несовершеннолетнего и совершения им преступления.

Однако на практике имеют место случаи, когда при проведении предварительного расследования не в полной мере устанавливаются обстоятельства, из которых можно судить о способности несовершеннолетнего самостоятельно и адекватно понимать фактический характер содеянного и осознавать уровень общественной опасности своих действий. В этой связи регламентированный предмет доказывания позволяет в обязательном порядке

установить обстоятельства, характеризующего недостаточное психическое развитие несовершеннолетнего.

Считаем, что необходимо закрепить в УПК РФ обязательное участие специалистов (психологов, педагогов, психиатров) в профессиональную сферу которых будет входить проведение социального исследования личности несовершеннолетнего, а также условий его жизнедеятельности.

Литература:

1. Авалиани, К. А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: автореф. дис.... канд. юрид. наук. Кемерово. 2009. — 19 с.
2. Будякова, Т. П. Малолетние жертвы преступлений против личности // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2011. № 6. с. 52-55
3. Костенко, Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. Краснодар. 2006. — 23 с.
4. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе. М. Юрайт. 2010. — 176 с.
5. Смирнова, И. С. Предмет доказывания по сложному уголовному делу // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 2 (21). с. 32-34.

Порядок привлечения к ответственности вне дела о банкротстве

Газданова Алика Владимировна, студент магистратуры
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматривается анализ оснований и особенностей привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц. Автором изучаются нормы о банкротстве. Анализируется закон о банкротстве, гражданское законодательство и судебная практика его применения.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, контролирующее должника лицо, юридические лица.

Procedure for bringing to responsibility outside the bankruptcy case

Gazdanova Alikha Vladimirovna, student master's degree
North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg)

The article deals with the analysis of the grounds and features of bringing to subsidiary responsibility the controlling debtor. The author studies the rules on bankruptcy. The bankruptcy law, civil legislation and judicial practice of its application are analyzed.

Keywords: subsidiary liability, the person controlling the debtor, legal entities.

Субсидиарная ответственность является разновидностью гражданско-правовой ответственности, данный вид ответственности регламентирован ст. 399 «Ответственность за нарушение обязательств» Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее — ГК РФ), и если общие положения о субсидиарной ответственности содержатся в общей части обязательственного права (глава 25 ГК РФ), то специальные нормы о субсидиарной ответственности юридических лиц регулируются корпоративными нормами и включены в законодательство о юридических лицах.

Все изменения происходят в рамках общей концепции персонализации ответственности лиц, наделенных полно-

мочиями по принятию решений, значимых для юридического лица. Институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц применяется в тех случаях, когда не срабатывает обеспечительная функция уставного капитала и иные гарантии ввиду злоупотребления или недобросовестного поведения таких лиц.

В последнее время в правоприменительной практике появилось довольно много судебных решений, посвященных вопросам привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (руководителей, учредителей, главных бухгалтеров и даже наследников контролирующих лиц) в целях взыскания долгов.

Например, приведем судебную практику:

— Постановление АС ЦО от 15.03.2021 N Ф10–2935/2019 по делу N А09–3179/2017;

— Постановление АС МО от 10.07.2020 N Ф05–8390/2018 по делу N А41–1727/2015;

— Постановление АС УО от 17.01.2020 N Ф09–9012/19 по делу N А60–57845/2017 (Определением ВС РФ от 15.04.2020 N 309-ЭС20–3539 оставлено в силе);

— Определение ВС РФ от 22.06.2020 N 307-ЭС19–18723 (2,3) по делу А56–26451/2016.

Согласно п. 1 ст. 61.19 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), «если после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве лицу, которое имеет право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и требования которого не были удовлетворены в полном объеме, станет известно о наличии оснований для привлечения к субсидиарной ответственности, оно вправе обратиться в арбитражный суд с иском вне рамок дела о банкротстве» [3].

Так же, если недостаточно имущества, когда завершена процедура конкурсного производства или вообще дело прекращено, Закон о банкротстве допускает предъявление заявления о субсидиарной ответственности вне дела о банкротстве. С таким же заявлением также может обратиться уполномоченный орган, даже если его заявление было возвращено, но обязательно только в том случае, когда не соблюдены требования о подаче заявления о банкротстве.

Давайте рассмотрим в каких случаях можно подать заявление по причине недостаточности имущества вне рамок дела о банкротстве, а именно: после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с недостаточностью денежных средств для финансирования судебных расходов; у лиц, имеющих непогашенные требования к должнику.

Когда не соблюден порядок при подаче заявления о банкротстве вне рамок дела о банкротстве возникает: после завершения конкурсного производства или прекращения производства по делу о банкротстве в связи с недостаточностью денежных средств для финансирования судебных расходов; возврата заявления уполномоченного органа в связи с отсутствием финансирования (п. 5 ст. 61.19 Закона о банкротстве).

Согласно п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» только текущие кредиторы могут обратиться в суд с требованием о привлечении к субсидиарной ответственности, даже если был осуществлен возврат заявления уполномоченного органа; у лиц, имеющих непогашенные требования к должнику, при этом такие требования возникли после истечения установленного Законом срока для подачи заявления, и до возбуждения дела о банкротстве должника (возврата

заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом). Здесь необходимо учитывать, что суд будет рассматривать заявление (по прямому указанию закона дело подлежит прекращению) только в случае, если ранее в деле о банкротстве аналогичное заявление не рассматривалось (п. 3 ст. 61.19 Закона о банкротстве).

Например, приведем судебную практику:

Согласно Постановлению Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14.01.2022 N Ф03–6726/2021 по делу N А51–1121/2021 рассматривалось заявление о привлечении участника и руководителя общества к субсидиарной ответственности по их обязательствам, солидарном взыскании задолженности по налогам. Контролирующими должника лицами был причинен фактический вред в виде неуплаты налоговых начислений, произведенных налоговым органом. Данное заявление было удовлетворено, так как установлено, что контролирующие должника лица своими действиями способствовали образованию задолженности по налогам и обязательным платежам в результате совершения фиктивных сделок, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды.

Согласно п. 4 ст. 61.20 Закона о банкротстве, любой из кредиторов, если производство было прекращено из-за отсутствия средств на проведение процедур банкротства, вправе также обратиться вне дела о банкротстве с заявлением о взыскании убытков, причиненных должнику, но уже в пределах суммы требований такого кредитора.

Например, приведем судебную практику: согласно Постановлению Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 15.04.2022 N Ф01–1438/2022 по делу N А29–5645/2021 было рассмотрено заявление о привлечении бывшего директора должника (его единственного участника) к субсидиарной ответственности по обязательствам последнего и о взыскании убытков. Судебным актом с должника в пользу кредитора был взыскан долг. Должник судебный акт не исполнил. Производство по делу о банкротстве должника было прекращено. Кредитор должника утверждает, что понес убытки по вине бывшего директора последнего. В удовлетворении требования отказано, поскольку недобросовестность директора должника либо неразумность его действий не установлена, так как не доказано, что он намеренно уклонялся от погашения задолженности и умышленно действовал во вред кредитору.

В последнее время изменения правового регулирования субсидиарной ответственности лиц, виновных в несостоятельности юридического лица, наблюдались как в законодательной сфере, так и в сфере правоприменения, например, ст. 53.1 ГК РФ, устанавливающая ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, п. 3.1 ст. 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2]. Разъяснения персональной ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо,

давались еще Высшим Арбитражным Судом РФ. Примером этому служат Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» [4], информационное письмо Президиума ВАС РФ от 27 апреля 2010 г. № 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6]. Все эти законодательные и правоприменительные инициативы обусловлены необходимостью преодоления возможных злоупотреблений принципом ограниченной ответственности участников по долгам юридического лица.

С точки зрения правового регулирования, вопросы персонализации ответственности лиц, контролирурующих юридическое лицо, охватывает нормы не только Закона о банкротстве, но и корпоративное законодательство.

Также институт субсидиарной ответственности контролирующего должника лиц за вред, причиненный имущественным интересам кредиторов, в науке рассматри-

вают как механизм противодействия злоупотреблениям корпоративной формой.

«Данный механизм своей целью преследует наиболее полное удовлетворение денежных требований кредиторов в процедурах банкротства и представляет собой типичный законодательный случай «снятия корпоративного покрова», «что демонстрирует интеграцию правового регулирования смежных правовых сфер и порождает многие интересные выводы на стыке корпоративных и банкротных проблем» [7].

Из выше сказанного можно сделать вывод, что институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц применяется в тех случаях, когда не срабатывает обеспечительная функция уставного капитала и иные гарантии, ввиду злоупотребления или недобросовестного поведения таких лиц. Такой подход указывает на необходимость в каждом конкретном случае устанавливать факт наличия недобросовестности поведения контролирующего лица, что в целом исключает нарушение интересов лиц, выбирающих для организации своей деятельности конструкцию юридического лица.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета, № 30, 17.02.1998.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета, № 209-210, 02.11.2002.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность, N 31, 28.08-04.09.2013.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Российская газета, № 297, 29.12.2017.
6. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 N 137 «О некоторых вопросах, связанных с переходными положениями Федерального закона от 28.04.2009 N 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ», N 6, июнь, 2010
7. Шиткина, И. С. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. 2017. N 11. с. 42.

Объединения граждан как субъекты правотворчества

Грачев Даниил Николаевич, студент
Ивановский государственный университет

I. Введение

В современном мире гражданское общество играет ключевую роль в формировании демократического правового государства. Одним из важнейших инструментов гражданского общества являются объединения граждан, которые имеют значительный вклад в правотворчество и защиту прав и свобод граждан.

Объединения граждан — это добровольные, самоуправляемые организации, созданные гражданами для достижения общих целей. Они представляют различные интересы и общественные группы и могут принимать различные формы, такие как общественные организации, профсоюзы, политические партии, благотворительные фонды и другие.

Важность объединений граждан для правотворчества в гражданском обществе заключается в том, что они могут выступать в качестве агентов изменений и представлять интересы меньшинств и уязвимых слоев населения, общественные интересы и права граждан. Благодаря своей деятельности, объединения граждан стимулируют развитие демократии, защищают права человека и гражданина, вносят свой вклад в социальное и экономическое развитие государства.

В данной статье будет рассмотрено разнообразие форм объединений граждан, а также их роль в развитии гражданского общества и защите прав и свобод граждан. Также будут рассмотрены проблемы, связанные с деятельностью объединений граждан и значимость развития диалога между государственными органами и объединениями граждан для развития гражданского общества и решения общественных проблем.

II. Формы объединений граждан

В гражданском обществе прослеживается многочисленное множество организационных форм, которые агрегируют граждан и выполняют разнообразные функции, направленные на реализацию широкого спектра общественных задач. Рассмотрим несколько из них:

1. Общественные организации представляют собой спонтанные и добровольные объединения граждан, созданные с целью удовлетворения общественных и социальных интересов. Эти организации обладают множеством направлений деятельности, включая, но не ограничиваясь, защитой прав потребителей, борьбой с экологическими проблемами, обеспечением охраны здоровья, предоставлением социальной помощи и т.д. Примерами таких организаций могут послужить «Гринпис России», «Ассоциация защиты прав потребителей», и «Российский Красный Крест».

2. Профсоюзы представляют собой объединения работников, основанные с целью защиты и продвижения интересов рабочей силы. Профсоюзы борются за справедливое трудовое вознаграждение, улучшение условий труда, социальные гарантии и противодействуют эксплуатации рабочей силы. Примерами профсоюзов служат «Профсоюз работников здравоохранения», «Профсоюз работников образования» и «Профсоюз металлургов».

3. Политические партии представляют собой политические объединения граждан, имеющих общие политические цели и задачи. Они активно участвуют в политической жизни страны, выдвигают своих кандидатов на выборы, участвуют в формировании правительства и воздействуют на формирование политической агенды. Примерами политических партий могут послужить «Единая Россия», «КПРФ» и «ЛДПР».

4. Благотворительные фонды и аналогичные организации создаются с целью предоставления благотворительной помощи гражданам, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах. Эти организации занимаются сбором средств на лечение, оказание помощи детям-сиротам, поддержание пожилых людей и инвалидов

и многие другие виды благотворительной деятельности. Примерами таких организаций могут служить «Фонд помощи детям-сиротам», «Благотворительный фонд «Рука помощи»», и «Российский фонд детской онкологии».

III. Права объединений граждан

В контексте прав граждан, особое внимание уделяется свободе собраний, объединений и ассоциаций. Данное право предоставляет каждому гражданину возможность собираться с другими гражданами, объединяться и ассоциироваться с целью защиты собственных интересов и выражения собственных взглядов. Эта важная правовая гарантия закреплена в Конституции Российской Федерации.

Свобода собраний, объединений и ассоциаций выражается в разнообразных формах и проявлениях, которые могут включать:

— Мирные протесты и митинги, которые часто организуются гражданскими общественными организациями или политическими партиями с целью выражения общественного мнения по важным вопросам. Эти события служат механизмом для активного участия граждан в общественно-политических дискуссиях и выражения гражданской позиции.

— Разнообразные общественные движения, созданные для решения конкретных проблем и задач. Например, экологические движения стремятся к охране окружающей среды, движения за права животных защищают интересы животных, а движения за права меньшинств преследуют целью обеспечения равенства и защиты прав меньшинств в обществе.

— Различные культурные, спортивные и религиозные организации также считаются формами свободы собраний, объединений и ассоциаций. Эти организации могут объединять людей на основе общих интересов и убеждений, способствуя культурному разнообразию и социокультурной интеграции в обществе.

Следует подчеркнуть, что свобода собраний, объединений и ассоциаций является ключевым элементом демократического общества, обеспечивающим гражданам возможность активного участия в общественной жизни и выражения их гражданских прав и свобод.

Участие в правотворческом процессе

Объединения граждан в России могут участвовать в правотворческом процессе на нескольких уровнях, включая участие в общественных слушаниях, консультациях и обсуждениях проектов законов, а также в подготовке и вынесении заключений по законопроектам. Некоторые организации могут также направлять свои представительства в законодательные органы и участвовать в работе комиссий по законопроектам.

В России также существует институт общественных советов при федеральных и региональных органах исполнительной власти. Эти советы создаются с целью обеспечения участия гражданского общества в процессе принятия решений государственными органами. Объединения граждан могут участвовать в работе таких советов

и вносить свои предложения и замечания по вопросам, затрагивающим интересы и права граждан.

Один из примеров того, как объединения граждан участвуют в правотворческом процессе в России, это работа общественных советов при различных государственных органах. Общественные советы создаются для обеспечения обратной связи между гражданами и властью, а также для участия граждан в процессе принятия решений.

Например, в России существует Общественный совет при Министерстве здравоохранения, который включает в себя представителей общественных организаций, профессиональных сообществ, научных и экспертных организаций. Члены совета обсуждают различные вопросы, связанные с здравоохранением в стране, и вырабатывают рекомендации для министерства.

Также существуют общественные советы при муниципалитетах, региональных и федеральных органах власти, которые позволяют гражданам вносить свои предложения и идеи в процесс принятия решений по важным вопросам.

1. Защита прав и интересов в судебном порядке

Объединения граждан имеют право на защиту своих прав и интересов в судебном порядке, а также на участие в правовых процедурах, связанных с решением общественно-политических вопросов.

2. Обращение к международным организациям за защитой прав:

Защита прав и интересов в судебном порядке — одно из важных прав, которыми обладают объединения граждан. Если организация или сообщество считает, что их права были нарушены, они могут подать в суд и защищать свои интересы. Объединения граждан также имеют право на представительство в суде через своих назначенных представителей.

Обращение к международным организациям за защитой прав — это еще один способ защиты прав и интересов объединений граждан. Многие международные организации, такие как ООН, Европейский Суд по правам человека и другие, имеют процедуры и механизмы для рассмотрения жалоб на нарушения прав человека и свобод, включая права объединений граждан. Обращение к международным организациям может быть особенно полезным, если гражданские права нарушены в странах, где нет эффективной национальной системы защиты прав.

Яркий пример обращения в Европейский суд по правам человека от российского объединения граждан — это дело «Мемориал против России». В 2007 году «Мемориал», российская правозащитная организация, подала жалобу в ЕСПЧ в связи с нарушением прав на свободу ассоциации и свободу выражения мнения. Организация утверждала, что ее право на свободу ассоциации было нарушено из-за того, что государственные органы России отказывались зарегистрировать ее новые региональные отделения, а также ограничивали ее право на выражение своих взглядов в СМИ. В 2013 году Европейский суд удов-

летворил жалобу «Мемориала» и признал нарушение прав организации на свободу ассоциации и свободу выражения мнения, а также признал, что Россия должна выплатить компенсацию «Мемориалу».

IV. Роль объединений граждан в общественной жизни

Объединения граждан играют важную роль в общественной жизни, в частности в развитии гражданского общества и демократии. Они представляют интересы граждан, защищают их права и свободы, и участвуют в развитии общественных отношений.

Одной из важнейших ролей объединений граждан является решение социальных проблем. Они могут оказывать помощь нуждающимся, бороться с безработицей, бедностью, голодом и другими социальными проблемами. Например, многие благотворительные фонды занимаются помощью детям, больным, пенсионерам и инвалидам.

Также объединения граждан защищают права меньшинств и уязвимых слоев населения, в том числе и экологические проблемы. Например, в России существуют объединения граждан, занимающиеся защитой прав животных, охраной природы и экологических проблем.

Более того, объединения граждан могут принимать участие в различных общественных инициативах и действовать в качестве консультантов в правительственных органах. Например, они могут вносить предложения по улучшению законодательства, участвовать в публичных слушаниях и обсуждениях, а также в реализации программ по развитию общества.

Конкретные примеры роли объединений граждан в общественной жизни могут быть различны в зависимости от конкретной ситуации. Вот некоторые из них:

— Вклад в развитие гражданского общества и демократии: Например, Независимая профсоюзная ассоциация России (НПАР) была создана для защиты трудовых прав и интересов работников, а также для укрепления гражданского общества в России. НПАР активно участвует в различных дискуссиях и дебатах о трудовых и социальных вопросах, а также в правовых реформах в России.

— Решение социальных проблем: Общественные организации могут заниматься решением различных социальных проблем, например, помощью бездомным животным или людям в трудной жизненной ситуации. Например, благотворительный фонд «Подари жизнь» занимается сбором средств для помощи детям с онкологическими заболеваниями.

— Решением экологических проблем, например, Краснодарское региональное отделение Российского экологического конгресса (РЭК) занимается защитой экологических прав и интересов населения Краснодарского края.

Таким образом, объединения граждан имеют огромное значение для развития гражданского общества и демократии, решения социальных проблем и защиты прав и свобод граждан. Они способствуют участию граждан в общественной жизни и формированию гражданской идентичности.

V. Проблемы, связанные с деятельностью объединений граждан

Несмотря на существенную значимость, которую приобретают объединения граждан в контексте развития гражданского общества и консолидации демократических процессов, их деятельность подвергается, во многих случаях, ограничениям, которые используются государственными органами, либо она сталкивается с разнообразными трудностями, которые ставят под угрозу ее нормальное функционирование. Некоторые из этих проблем включают в себя следующее:

1. Ограничения на свободу собраний. В определенных странах, включая Российскую Федерацию, объединения граждан сталкиваются с юридическими и административными ограничениями, касающимися свободы собраний. Государственные органы вправе запрещать проведение митингов и демонстраций, ограничивать количество участников, запрещать обсуждение определенных тем, а также ограничивать выбор места проведения мероприятий. Эти ограничения создают значительные трудности для организаций, стремящихся выразить свою позицию по важным общественным вопросам, и вмешиваются в их право на свободное выражение мнения.

2. Преследование активистов. Во многих странах, включая Россию, активисты и лидеры гражданских объединений могут сталкиваться с систематическими преследованиями со стороны государственных органов или других влиятельных структур. Это может включать в себя различные формы давления, шантажа, аресты по политическим мотивам или юридические процессы, призванные подорвать их легальный статус и деятельность. Такие действия создают серьезные препятствия для нормальной работы гражданских организаций и, в некоторых случаях, могут даже привести к их прекращению.

3. Дискриминация на политической основе. В некоторых странах гражданские объединения могут подвергаться дискриминации на основе их политических убеждений. Это может выражаться в отказе в предоставлении правительственных грантов и программ, отказе в регистрации, запрете на их деятельность и т. д. Это создает дополнительные сложности для гражданских организаций и может привести к ухудшению общественного диалога и разделению общества на группы с различными политическими взглядами.

Эти проблемы являются серьезными вызовами для соблюдения прав граждан и свободных объединений в рамках гражданского общества и требуют внимания со стороны правительств, международных организаций и гражданского общества в целом.

VI. Законодательная база для защиты прав и свобод объединений граждан

Для защиты прав и свобод объединений граждан существует законодательная база в разных странах. Она может включать в себя конституционные гарантии, законы о некоммерческих организациях, о массовых меро-

приятиях, о свободе слова и информации и другие законодательные акты.

Например, в России действует Федеральный закон «О некоммерческих организациях», который определяет правовой статус некоммерческих организаций и устанавливает порядок их создания, деятельности и ликвидации. Закон также определяет права и обязанности организаций и граждан в отношении некоммерческой деятельности и защищает их от произвольных действий со стороны государства.

В США право на свободу собраний и ассоциаций гарантировано первой поправкой к Конституции США. Кроме того, в США существует ряд законов, которые регулируют деятельность некоммерческих организаций, например, Закон о некоммерческих организациях 1993 года.

В Европейском союзе деятельность некоммерческих организаций регулируется Законом об ассоциациях, который был принят в 2014 году. Он устанавливает единые правила для создания и функционирования некоммерческих организаций в Европе и обеспечивает защиту прав и свобод граждан.

Таким образом, законодательная база является важным инструментом для защиты прав и свобод объединений граждан. Однако, как уже упоминалось ранее, в некоторых странах законодательство может быть недостаточно эффективным, и организации могут сталкиваться с проблемами при осуществлении своей деятельности.

Значимость развития диалога между государственными органами и объединениями граждан для развития гражданского общества и решения общественных проблем

Для успешного развития гражданского общества и решения общественных проблем необходимо установить конструктивный диалог между государственными органами и объединениями граждан. Это позволяет скоординировать усилия, определить приоритеты и разработать совместные решения.

Развитие диалога может способствовать укреплению доверия граждан к власти и повышению качества жизни в обществе. Объединения граждан могут выступать как представители интересов граждан и общественности, а также помогать государственным органам в принятии решений, учитывающих мнение и потребности граждан.

Примером такого диалога может служить сотрудничество государственных органов и организаций в области экологии. В рамках совместной работы были разработаны меры по снижению уровня загрязнения окружающей среды, проведены общественные слушания, на которых участвовали экологические организации и представители власти, а также разработаны планы действий по улучшению экологической обстановки.

Еще одним примером может служить сотрудничество государственных органов и общественных организаций в области защиты прав детей. В рамках такого сотрудничества были разработаны и приняты законы и программы, направленные на защиту прав детей и содействие их раз-

витию, а также созданы центры социальной поддержки детей и семей.

VII. Заключение

В заключение можно сказать, что роль объединений граждан в гражданском обществе не может быть переоценена. Они играют важную роль в формировании общественного мнения, защите прав и свобод граждан, и решении общественных проблем. Однако, деятельность этих организаций может ограничиваться правительственными органами или они могут сталкиваться с другими проблемами, мешающими их работе.

Значимость развития диалога между государственными органами и объединениями граждан не может быть недооценена. Этот диалог может помочь в решении общественных проблем, обеспечить более эффективную работу государственных органов и объединений граждан, а также укрепить доверие между гражданами и властью.

Развитие законодательной базы для свободной деятельности объединений граждан также очень важно для обеспечения их защиты от незаконных ограничений и преследований. Необходимо улучшить законодательство,

которое регулирует деятельность объединений граждан, чтобы оно соответствовало международным стандартам и обеспечивало свободу собраний, свободу слова, свободу ассоциации и другие права. Примеры успешного взаимодействия государственных органов и объединений граждан можно наблюдать в разных странах. Например, в Швеции существует традиция сотрудничества между государством и организациями гражданского общества в решении общественных проблем. В США гражданские организации имеют влиятельную роль в политической жизни страны. В Японии государство поддерживает развитие некоммерческих организаций и объединений граждан.

В целом, защита прав и свобод объединений граждан и их развитие очень важны для развития гражданского общества и демократии. Необходимо улучшать законодательную базу, развивать диалог между государственными органами и объединениями граждан, и поддерживать успешные примеры взаимодействия. Только тогда гражданские организации смогут полностью выполнять свою роль в обществе, защищать права и свободы граждан и способствовать решению общественных проблем.

Литература:

1. «The Power of Citizenship: Why John F. Kennedy Matters to a New Generation» by Scott D. Reich, published by Palgrave Macmillan, 2013.
2. «Civil Society and the Search for Justice in Russia» by Thomas F. Remington, published by Woodrow Wilson Center Press, 2013.
3. «The Third Sector: Community Organizations, NGOs, and Nonprofits» by Meghan Elizabeth Kallman and Terry Nichols Clark, published by University of Chicago Press, 2018.

Односторонние сделки в гражданско-правовом механизме

Зимодра Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Юридическое определение одностороннего договора, его элементы, как они формируются, конкретные примеры односторонних сделок в повседневной жизни, различия и сходства с двусторонними сделками, возможность их приведения в исполнение и многое другое.

Ключевые слова: односторонние сделки, Гражданский кодекс, двусторонняя сделка, договор, контракт, оферта.

Unilateral transactions in civil law mechanism

Zimodra Ekaterina Andreevna, student master's degree
Ulyanovsk State University

The legal definition of a unilateral contract, its elements, how they are formed, specific examples of unilateral transactions in everyday life, differences and similarities with bilateral transactions, the possibility of their enforcement, and much more.

Keywords: unilateral transactions, Civil Code, bilateral transaction, agreement, contract, offer.

Фундаментальные проблемы гражданско-правового регулирования не могут оставаться без внимания ци-

вилистической науки. Довольно дискуссионная проблематика прослеживается в отношении сущности, средств,

видов гражданско-правового регулирования, требующих системного исследования. Обширным научным исследованием подвергаются вопросы роли и значения диспозитивного регулирования имущественных и личных неимущественных отношений, в рамках которого многие аспекты строения гражданско-правового механизма получают научное переосмысление.

Как верно подчеркивается в современных авторами, «процесс правового регулирования общественных отношений включает не только нормотворческую деятельность, но и самостоятельное применение индивидуальных правовых средств самими субъектами, регулируемых нормами правоотношений» [8]. При этом, «приоритетное место в механизме гражданско-правового регулирования сохраняют сделки как важнейший инструмент автономного гражданско-правового регулирования, которые с точки зрения своей сущности и составляют основу частноправовых отношений» [5]. Также все это серьезно затрудняет обнаружение подлинного значения данной разновидности актов для современного имущественного оборота. Если учитывать, что правоотношение связывает, по меньшей мере, двух участников, тогда стоит подвергнуть критическому анализу концепцию односторонней сделки, в силу которой для ее совершения достаточно волеизъявления лишь одной стороны правоотношения, поскольку она непременно вторгается в имущественно-правовую сферу субъекта, эту сделку не совершающего.

Отметим, что по поводу понятия, роли, значения, а также сущности и содержания односторонних сделок в структуре соответствующего механизма ни в нормативных актах, ни в правовой доктрине, ни в судебной практике, не сложилось единообразных представлений. В рамках классических трактовок, всякая сделка, в которой имеется более одной стороны, именуется договором. Поэтому всякий договор есть сделка, но не всякая сделка — договор. В таком понимании, односторонняя сделка не прослеживается договорной природы.

В рамках некоторых иных концепций, понятия сделки и договора сближаются, в то время как иные правомерные волевые действия являются актами одностороннего волеизъявления, которые не всегда приводят к возникновению прав и обязанностей, поэтому их неверно относить к сделкам.

Предпринимаются попытки найти место сделок в частном праве посредством наделения их статусом элемента автономного гражданско-правового регулирования, которые требуют методологического осмысления.

Многие односторонние сделки порождают правовые последствия в качестве элемента юридического состава — в системном единстве с другими юридическими фактами, что обуславливает их особую роль и значение в соответствующем статусе. Вышеизложенные обстоятельства актуализируют запрос на изучение места, роли и значения односторонних сделок в рамках гражданско-правового механизма.

Понятие сделки дано главой 9 Гражданского кодекса. Исходя из определения, воплощенного в этом нормативном документе, речь идет о действиях организаций и частных лиц, которые после их осуществления создают определенные права или обязанности. «Сделкой также будут являться те действия, которые изменяют или полностью прекращают такие права» [3].

В жизни человека юридические сделки существуют повсюду. Невозможно представить деятельность людей без этого инструмента. Если говорить о бизнесе, то он действительно состоит только из сделок. Каждое действие бизнесмена так или иначе создает или изменяет права и обязанности как самого предпринимателя, так и других. И это означает сделку. По роду своей деятельности бизнесмены ежедневно заключают десятки соглашений и контрактов, и все для того, чтобы совершить свою «главную» сделку, к которой они стремятся — определенный результат.

«В односторонней сделке предлагающая сторона или оферент является единственной стороной, обязанной по договору, в то время как у получателя предложения нет никаких обязательств» [1, с. 66].

Другая сторона или получатель предложения не имеет никаких договорных обязательств по отношению к оференту и может по своему усмотрению что-либо предпринять.

Например, компания предлагает вам купон, дающий скидку в размере 25% от стоимости наклейки, если вы используете купон при покупке продукта.

Компания, предлагающая, обязана предоставить скидку в размере 25%, если лицо, получающее предложение, решит купить товар и использовать купон одновременно.

Получатель предложения не обязан покупать товар или использовать купон, но, если он или она делает это, односторонний договор принимается и формируется, обязывая компанию предоставить скидку.

Односторонний договор можно рассматривать как одностороннее соглашение или соглашение, в котором обязательства в одностороннем порядке переходят от одной стороны к другой.

Согласно юридической школе Корнелла, «односторонний договор определяется следующим образом: односторонняя сделка — это контракт, созданный офертой, который может быть принят только путем исполнения» [4].

Что интересно отметить в этом определении, так это то, что односторонняя сделка «создается офертой». Другими словами, после того, как оферент делает предложение получателю предложения, односторонний договор формируется, когда получатель предложения совершает предполагаемое действие.

Односторонняя сделка может быть сформирована на основе конкретного действия, выполняемого получателем предложения, случайного события или открытого запроса.

Например, если ресторан предлагает вам скидку в размере 25%, если вы заказываете куриные крылышки на выходные, и вы это делаете, компания должна предоставить вам скидку в размере 25%, основанную на конкретном действии.

Если Иван обещает Николаю 1000 рублей в случае победы черной лошади, одностороннее обязательство относится к случайному событию.

Если правоохранительные органы заявляют, что они предоставят вознаграждение в размере 10000 рублей за информацию, ведущую к поимке человека, это открытый запрос.

Односторонняя сделка состоит из определенных элементов.

Во-первых, у вас есть оферент, делающий четкое предложение конкретному лицу или широкой общественности в качестве получателя предложения.

Тогда у вас есть получатель оферты, который не обязан по отношению к оференту делать что-либо, но может выбрать выполнение того, что было запрошено.

Когда действия получателя оферты выполняются в соответствии с офертой, происходит акцепт одностороннего договора.

Оферент становится юридически связанным с получателем предложения в объеме своего обещания.

Конечно, правоотношения могут возникать не только из сделок, но они имеют первостепенное значение в гражданском праве. Невозможно перечислить все имеющиеся договоры, а их исчерпывающий перечень законодательством не предусмотрен. При этом в кодексе в основном перечислены основные, наиболее часто используемые субъектами права соглашения, но также отмечается, что «не запрещается заключать и другие, только если они не противоречат закону» [3].

«Каждая транзакция обладает своим собственным набором специфических свойств и атрибутов, которые, в свою очередь, позволяют отличить ее от явлений, сходных с договорами, но они таковыми не являются. Более того, эти признаки позволяют определить юридический результат действия» [6].

К какому виду гражданского права относятся сделки? Классификация сделок в соответствии с данной законодательной ветвью основывается на количестве лиц, которые в них участвуют. Итак, сделки делятся на односторонние и двусторонние (многосторонние). Такое разделение по количеству сторон законодателем было сделано намеренно — для того, чтобы легче было определить не только, сколько людей в нем участвует, но и какие будут отношения, каков будет их результат.

Если односторонние сделки не подразделяются на подвиды, то двусторонние и многосторонние классифицируются на реальные и консенсуальные. Также проводится разделение вознаграждения на оплаченное и неоплаченное.

Разница между односторонней сделкой и остальными очень существенна. Для совершения действия, тре-

бующего воли только одной стороны, строгих правил не установлено, но строгость заключается в форме волеизъявления. Многосторонний, напротив, может иметь довольно разнообразную форму, определяемую сторонами. Но порядок их совершения регулируется законом более строго.

Чтобы было понятно, что это за односторонняя транзакция, можно привести следующий пример. Лицо, пишущее завещание, заключит одностороннюю сделку, поскольку для этого достаточно только его воли. То же самое касается оформления доверенности, написания заявления супруга о согласии на сделки с недвижимостью.

Двусторонние договоры также легко различить. Один и тот же покупатель в магазине заключает сделку, в которой участвуют две стороны — он и продавец. Если сторон будет еще больше, то это уже будет многосторонний вид. Сделки с участием двух или более сторон по-разному называются контрактами.

Выше приведены примеры того, какими могут быть двусторонние транзакции. Классификация сделок по количеству сторон подразумевает, что действия, совершаемые одним лицом, подразумевают осуществление им принадлежащих ему на основании закона гражданских прав. Естественно, совершение такой сделки создает обязательство только для того лица, которое ее совершает. В остальном это не может создавать ответственности, поскольку согласие этих лиц не было получено. Но третьи стороны могут заключить одностороннюю правильную сделку. В том же примере с доверенностью поверенный не несет никаких обязанностей, но наделен полномочиями от доверителя.

Конечно, есть исключения. Если прямо установлено законом, то при односторонней сделке обязанность может быть возложена на третье лицо. Например, «если лицо действует в интересах других, как это предусмотрено соответствующей нормой гражданского права, то лицо, в интересах которого оно действует, обязано возместить ущерб лицу, совершившему эту одностороннюю сделку. Так же обстоит дело и с завещанием. Лицо, которое пишет завещание, вправе поставить в нем условия для его получения наследниками. Если последние пожелают получить наследство, то им придется выполнить такие требования, то есть выполнить обязательство» [7].

Односторонние сделки являются необходимым и притом специфическим элементом механизма гражданско-правового регулирования. Их особая роль заключается в том, что «они порождают не только субъективные гражданские права и обязанности как двусторонние сделки, но и опосредуют особые правовые образования, нередко именуемые в правовой доктрине секундарными правомочиями» [1, с. 68].

Последние характеризуют правовые возможности лица на начальной стадии развития субъективного права и появляются в силу совершения лицом односторонне-управомочивающих сделок. Регулирующая роль этих сделок, как отмечает С.С. Алексеев, не является существенной,

поскольку они не могут возлагать какие-либо юридические обязательства на других лиц.

Гражданское правоотношение на всех ступенях его динамического развития предполагает строгое равенство сторон, которое должно обеспечиваться и при совершении односторонних сделок. Правовые последствия, вызываемые волеизъявлением одного лица, нередко в определенной форме согласуются лицом, для которого они наступают. Односторонняя сделка в силу приема координации гражданско-правового метода, как правило, должна получить предварительное или последующее согласование со стороны лица, которое, не являясь субъектом данной сделки, принимает ее последствия в своей имущественно-правовой сфере. В этом и проявляется ее важнейший признак как инструмента автономного регулирования частно-правовых отношений. На данной фундаментальной основе следует сформулировать признаки односторонних сделок как актов элемента структуры гражданско-правового механизма.

Наличие такого согласования со стороны иного лица, пусть и не являющегося субъектом сделки, но имеющего в отношении нее определенный интерес, не вызывает сомнений. «Такое согласование предполагает либо совершение определенных активных действий (в том числе ответной сделки), либо выражается в добровольном вступлении в гражданско-правовую связь, которая может быть изменена или расторгнута контрагентом в одностороннем порядке. Реже встречаются ситуации, когда односторонняя сделка совершается совсем независимо от воли лица, в имущественно-правовую сферу которого вторгается. Но и в этих случаях сделка не приводит к нарушению равенства сторон гражданско-правоотношения» [2].

Получателем предложения по контракту может быть указанное лицо или организация, или это может быть даже неизвестное лицо.

Например, если Иван обязуется заплатить Николаю 1000 рублей, если черная лошадь выиграет скачку, адресат предложения четко идентифицируется как Николаю.

Если лошадь выигрывает скачки, Николай по закону имеет право на 1000 рублей.

С другой стороны, если Иван публикует объявление для общественности, в котором говорится, что он заплатит 1000 рублей любому, кто найдет его потерянную собаку, адресат предложения неизвестен.

Это означает, что первый человек, который найдет собаку, будет иметь право получить то, что обещал Иван.

В двусторонней сделке договор составляется, когда у вас есть действующее предложение и оферта, и действительный акцепт получателем предложения.

Принятие происходит, когда происходит «встреча мнений» или «взаимное согласие».

Другими словами, стороны двусторонней сделки не обязательно начали выполнять свои соответствующие обязательства, когда контракт юридически оформлен.

С другой стороны, односторонняя сделка принимается, когда совершается действие.

В примере с потерянной собакой, если Николай обещает заплатить кому-то 1000 рублей, если они найдут его собаку, в тот момент, когда собака найдена и доставлена Ивану, контракт составлен и принят, и Иван должен юридически выполнить свои обязательства.

Если собака не найдена, человек из общественности не может обеспечить выполнение контракта, поскольку он еще не сформирован.

По определению, односторонний контракт — это когда offerent обещает заплатить или берет на себя обязательства перед получателем предложения. Когда оферта будет отозвана в соответствии с применимыми нормами договорного права, offerent больше не будет связан офертой, и оферта утратит силу.

Односторонняя сделка отличается от обычного контракта или взаимного контракта, когда одна сторона берет на себя обязательства перед другой на односторонней или односторонней основе.

Односторонние и двусторонние контракты могут применяться одинаково, когда они юридически оформлены.

Если человек обещает заплатить другому, если будет выполнено определенное действие, или он воздерживается от чего-либо в течение определенного периода времени, а другой человек это делает, offerent обязан соблюдать свое обещание.

Несоблюдение условий одностороннего договора может привести к тому, что получатель предложения подаст гражданский иск о принудительном исполнении договора через суд.

Однако, если контракт не составлен, он не может быть приведен в исполнение.

Например, если правоохранительные органы предлагают вознаграждение в размере 1000 рублей за информацию, которая может привести к аресту лица, лицо не может требовать 1000 рублей, если оно не предоставило информацию, ведущую к поимке предполагаемого лица.

Аналогичным образом, власти не могут обеспечить, чтобы кто-либо из общественности выполнял обязательство по предоставлению информации.

Односторонний контракт составляется и принимается, когда лицо выполняет действие по предоставлению полиции соответствующей информации, ведущей к поимке соответствующего лица.

Если человек пойман, а вознаграждение не выплачено, то контракт может быть приведен в исполнение.

Таким образом, из вышесказанного можно сделать следующий вывод. В механизме гражданско-правового регулирования односторонние сделки стоит наделять статусом элемента автономного гражданско-правового регулирования, обусловленного диспозитивными началами цивилистической отрасли. Автономное регулирование как вид индивидуального гражданско-правового регулирования наблюдается в случаях упорядочения

субъектами собственного поведения на основе частной автономии. Частная автономия заключается в деятельности, осуществляемой обладателем гражданской правосубъектности по свободному усмотрению (в своем интересе, свободной волей, по собственной инициативе) с соблюдением установленных универсальным императивом пределов.

Односторонняя сделка представляет собой волеизъявление одного субъекта либо сонаправленное волеизъявление нескольких субъектов, влекущее в отдельности

или в системном единстве с другими юридическими фактами (в том числе аналогичными волеизъявлениями других субъектов) движение гражданско-правового имущественного отношения как нацеленное на такое движение правомерное действие. Формулируется вывод о том, что даже при совершении односторонней сделки несколькими субъектами наблюдается изъявление ими общей воли. Такое волеизъявление, исходящее от представленной несколькими субъектами стороны сделки, адресовано другим лицам.

Литература:

1. Алексеев, С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования. В кн.: Антология уральской цивилистики 1925-1989. — М., Статут, 2001 г., с. 66, 68
2. Белов, В. А. «Двадцать пятое» постановление Пленума: толкование или ... законодательство? // Вестник экономического правосудия. 2015. № 11. с. 69.
3. Гражданское право. Под редакцией В. А. Белова. М., Москва Юрайт, 2016 г., с. 80-91.
4. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики/Под общ. ред. В. А. Белова. — Москва: Юрайт-Издат, 2007. — 993 с.
5. Груздев, В. В. Автономное гражданско-правовое регулирование... дисс. докт. юрид. наук. Курск. 2022. — с. 122.
6. Желонкин, С. С. Отказ от исполнения как односторонняя сделка/С. С. Желонкин, В. И. Смирнов // Право и экономика. — 2015. — № 1. — с. 46-51
7. Толстой, В. С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве. М., Труды ВЮЗИ, 1966 г., т. 5., с. 135-157.
8. Харитонов, Ю. С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. — Москва: Норма, 2011. — с. 211.

Права и законные интересы бенефициара корпорации

Иванова Анжелика Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ершова Юлия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует такие элементы правового статуса бенефициара корпорации в Российской Федерации как права и законные интересы.

Ключевые слова: бенефициар корпорации, субъективное право, законный интерес, контроль, правовая защита.

Постепенное внедрение доктрины бенефициарной собственности в российское гражданское право стало закономерным результатом развития экономических отношений. Политика деоффшоризации и желание вернуть компании в отечественную юрисдикцию привели, с одной стороны, к необходимости создания благоприятного правового климата, а с другой стороны, попыткам внедрить правовые механизмы противодействия злоупотреблениям со стороны фактического бенефициара корпорации.

Приобретение бенефициарным собственником правового статуса вполне естественный, насколько это можно сказать о правовых явлениях, процесс, когда законодательство и судебная практика следуют уже за сложившимися отношениями. Тем не менее, законодательство

не содержит понятие бенефициара, перечня его прав и обязанностей.

Вопрос об ограниченном действии принципа самостоятельной ответственности юридического лица обсуждался при разработке Концепции развития гражданского законодательства РФ, одобренной Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. [2]. В качестве исключительных обстоятельств нарушения общего принципа самостоятельности юридического лица предлагалось закрепить установление отношений зависимости или контроля, при которых один субъект приобретает право (возможность) определять решения, принимаемые другим.

В частности, авторы Концепции предлагали дополнить п. 3 ст. 56 ГК РФ правилом о субсидиарной виновной

имущественной ответственности лиц, имеющих возможность определять решения о совершении сделок, принимаемые юридическим лицом, перед его контрагентами по сделке (п. 1.8 разд. III Концепции). Похожая идея содержалась в п. 4.1.8 разд. III Концепции применительно к так называемым компаниям одного лица. Нормы об ответственности хозяйственных обществ, контролирурующих дочерние общества, по долгам последних предполагалось унифицировать с ориентировкой на соответствующие положения ГК РФ.

Предложения Концепции были изложены в проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который так и не был окончательно принят в этом виде и разделен на 12 отдельных законопроектов, в которые вносилось множество поправок на протяжении 2012-2023 года [11]. Как итог, среди забытых положений оказались правила о контролирующих лицах, которыми признавались субъекты, прямо или косвенно, самостоятельно или совместно со своими аффилированными лицами имеющие возможность определять действия подконтрольного юридического лица (п. 1 ст. 53.3 Проекта), о лицах, находящихся под общим контролем одного лица (абз. 2 п. 2 ст. 53.3 Проекта) и многие другие. Следовательно, законодатель полностью отошел от первоначальной идеи систематизировать нормы о фактически контролирующих корпорации лицах. Но это не остановило развитие отношений фактического контроля в гражданском обороте [3].

Поскольку зачастую контроль бенефициара имеет опосредованный или вовсе неформализованный характер, то в правовом поле его положение опосредуется законными интересами и, в отдельных случаях, субъективными правами. При этом правовое регулирование явно имеет дисбаланс на стороне норм об обязанностях и ответственности бенефициара.

Что субъективное право, что законный интерес являются формами правового опосредования определенных интересов и их охраны. Они имеют диспозитивный характер, не могут быть противоправными и связаны с такой формой реализации права как использование. Не урегулированные сферы общественных отношений зачастую «наполнены» законными интересами, определяющими меры дозволенного поведения.

В российской юридической практике главным отличием прав и законных интересов является степень их правовой защиты. Права всегда обеспечены средствами правовой защиты; защита законного интереса, не выраженного в уполномочивающей норме, только лишь в отдельных случаях может быть осуществлена имеющимися правовыми средствами.

Именно в этом и заключается такая характеристика складывающейся практики отношений бенефициарной собственности как их многосложность. Использование договорных и корпоративных конструкций, которые носят,

в таком случае, вспомогательный характер, оправдано защищенностью, как минимум, субъективных прав, приобретаемых в силу закрепления их в нормах тех или иных институтов гражданского законодательства.

В.М. Хвостов отмечал, что интересы могут существовать и удовлетворяться вне всякого права, но «во многих случаях право может оказать свою помощь в удовлетворении интересов» [15, с. 461].

Реализация законных интересов лишь в общем виде гарантирована государством, что не предполагает обязанности соответствующих структур устранять препятствия, стоящие на пути удовлетворения субъектом своих законных интересов. Для бенефициарной собственности — это очень верное утверждение, в том смысле, что инструменты защиты интересов бенефициара крайне ограничены, что является обратной стороной выбора в пользу сокрытия реального субъекта корпоративного контроля.

Законный интерес нормой права, в отличие от субъективного права, конкретно не закрепляется. Он ей лишь соответствует. Норма права может охранять и закреплять существование самих законных интересов в целом, но не каждый законный интерес в отдельности. Отсюда вытекает и разная степень их гарантированности. К тому же, влияет на это и отсутствие юридически обязанного лица по отношению к «носителю» законного интереса.

Как писал Н.В. Витрук, особенности содержания законного интереса, в отличие от права, заключается в том, что пределы правомочий интереса четко не сформулированы в конкретных правовых нормах, а вытекают из совокупности правовых норм, действующих правовых принципов, правовых дефиниций [9, с. 109].

Отличают законные интересы и форма их реализации — «доказательственная», что предполагает необходимость для бенефициара всякий раз обосновывать правомерность их реализации.

Бенефициарный собственник как субъект относительно новый для российской правовой реальности действительно находится пока (и нет никаких гарантий, что это положение не сохранится) в той плоскости отношений, где торжествует общий «дух закона», но не формализованные нормы. Существование бенефициарной собственности — очевидный факт, признанный и законодателем, и правоприменителем. При этом, поведение участников корпоративных отношений с элементами бенефициарной собственности не является противоправным само по себе и не запрещено законодательством. Соответственно, очевиден характер правового дозволения, тем более, что злоупотребление им может повлечь вполне реальные и законодательно предусмотренные риски в виде, например, субсидиарной ответственности.

Как указывает Е.П. Губин, фактический контроль не противоправен. Недопустима абсолютизация фактического контроля, связанная с отождествлением такого контроля и противоправного поведения [10].

Следовательно, базовым элементом диспозитивной стороны правового статуса бенефициара являются законные интересы (обладание скрытым контролем над корпоративными решениями, получение экономической выгоды из факта контроля). Субъективные права имеют вспомогательный характер и призваны компенсировать недостаток в средствах правовой защиты законных интересов бенефициара. Этим обусловлена своеобразная «инверсия» правоприменения, обусловленная свойствами и традицией российской правовой системы: практика может «видеть» субъективные права, но не предоставлять правовой защиты интересам бенефициара.

В то же время, выбор сложной корпоративной структуры может быть обусловлен целью избежания юридической ответственности по долгам юридического лица. Например, чтобы обезопасить действительных бенефициаров от негативных последствий принимаемых по их воле недобросовестных управленческих решений, влекущих несостоятельность организации, может быть назначено номинальное контролирующее лицо [5]. Однако принятие норм о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица в деле о банкротстве как раз было призвано устранить подобные злоупотребления принципом ограниченной ответственности юридического лица [6]. По сути, законодатель тем самым согласился с существованием бенефициарной собственности, но обозначил рамки правомерного поведения бенефициаров. В целом же, законность бенефициарной модели управления бизнесом не оспаривается, хотя и оказывает значительное влияние на транспарентность российской экономики [12, с. 64].

Основной интерес бенефициара — получение экономической выгоды. Правовая природа интереса бенефициара в получении выгоды заключается в юридической дозволенности стремления обладать экономическим благом и определенного поведения, направленного на получение и владение таковым. Интерес бенефициара в получении выгоды как законный интерес должен соответствовать ряду признаков:

- правомерность самого стремления к благу и способов реализации интереса в виде соответствия действующему законодательству и правовым принципам;
- законность самого блага, на получение которого направлен интерес;
- принадлежность определенному лицу и отсутствие абстрактного характера, присущего субъективному праву;
- предполагает достижение разумно ожидаемых выгодных имущественных последствий [13, с. 90];
- возможность обратиться в компетентные органы с использованием разумных и применимых средств защиты при отсутствии гарантий защищенности.

Сущность субъективных прав бенефициара укладывается в «теорию интереса», сторонники которой придерживаются мнения о субъективных правах как мере возможного поведения, предназначенной для удовлетворения интересов лица. «Теория интереса» раскрывает субъек-

тивное право с точки зрения субъективных потребностей либо «выгод» лица [14, с. 157].

Субъективное право бенефициара, в отличие от его интереса, соответствует следующим признакам:

- воплощает в себе дозволенность, обеспеченную юридической обязанностью;
- имеет установленные правовой нормой границы;
- четко закреплено в законодательстве, в то время, как законные интересы могут логически следовать из смысла закона;
- конкретно (определен субъект, обязанное лицо, мера поведения);
- юридически обеспечено и гарантировано;
- воплощает юридическую возможность реализации выраженного в нем интереса [4, с. 63, 67-68].

Исходя из названных признаков, понятно, почему обладание скрытым контролем над корпоративными решениями и получение конечной экономической выгоды из факта контроля относится к законным интересам, но не признается субъективными правами бенефициара. Помимо данных признаков, к специфичным свойствам субъективных прав бенефициара корпорации можно отнести:

- второстепенность, поскольку они не определяют сущность отношений бенефициара и корпорации, например, когда контроль основан на родственных отношениях [7];
- вспомогательный характер, поскольку способствуют обеспечению скрытого контроля и получению выгоды, вуалируя отношения бенефициарной собственности законодательно предусмотренными конструкциями, например, взаимное участие подконтрольных лиц в уставном капитале [8];
- вариативность, проявляющаяся в том, что набор субъективных прав зависит от выбранной модели управления и не может быть универсально определен для всех случаев, например, бенефициар может обладать правами акционера, члена совета директоров, стороны договора простого товарищества или доверительного управления и др. Нужно учесть, что вовне, если статус бенефициара не раскрывается, лицо воспринимается как носитель тех прав, чьим формальным статусом оно обладает. Однако внутри корпоративных отношений права, присущие формальному статусу, являются только инструментами обеспечения контроля и перенаправления финансовых потоков в пользу бенефициара;
- реализовать право может как сам бенефициар, так и подконтрольное лицо в его пользу и в его интересе.

Бенефициар приобретает субъективные права, соответствующие системе его контроля. Например, реализуя корпоративную правоспособность и получая корпоративные права в рамках материнской компании, бенефициар создает цепочку подконтрольных ему лиц, дочерних организаций, создает группу. Здесь корпоративные отношения будут обуславливать движение «сверху-вниз», обеспечивать инструменты контроля, наделяя бенефициара

корпоративными правами. Движение активов «снизу-вверх», к бенефициару, может обеспечиваться правами, приобретенными в рамках обязательственных отношений. Однако бенефициар несет определенные риски, корреспондирующие его желанию сохранять анонимность: вероятность нарушения публичного порядка, мнимость и притворность сделок, налоговая ответственность и иные последствия, которые могут наступить при злоупотреблении им своим статусом. Желание придать сложившимся экономическим отношениям правовую форму

иногда приводит к ее использованию не в соответствии с действительным содержанием этой формы [1].

Таким образом, бенефициар, имея основополагающие для его статуса законные интересы, в зависимости от модели корпоративного управления, может обладать теми или иными субъективными правами, относящимися к разным частноправовым институтам. Прикладной, инструментальный характер данных прав обусловлен целями бенефициарной собственности и гарантирует их достижение законным способом.

Литература:

1. Каменков, Н. В. Проблемы инверсивного держания/Н. В. Каменков. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 11.
3. Ломакин, Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения/Д. В. Ломакин. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).
4. Малько, А. В. Субъективное право и законный интерес/А. В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1998. — № 4. — с. 58-70.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2023 г. по делу № А40–303933/2018. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/182cc950-0d5c-4139-9d89-60ac814c9ebc> (дата обращения: 28.08.2023).
6. Попов, М. Г. Основания привлечения контролирующих должника лиц к ответственности/М. Г. Попов. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 марта 2022 г. по делу № Ф08–1962/2022. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4e81c709-6956-4cf0-8168-6ab15a64194a> (дата обращения: 28.08.2023).
8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21 апреля 2022 г. по делу № А60–27174/2019. — URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2cffd5dd-d447-49e6-9b3a-bfadcf70d262> (дата обращения: 28.08.2023).
9. Права личности в социалистическом обществе/Н. В. Витрук, В. А. Карташкин, И. А. Ледях, Г. В. Мальцев [и др.]; Отв. ред.: В. Н. Кудрявцев, М. С. Строгович. — М.: Наука, 1981. — 272 с.
10. Предпринимательское право России: итоги, тенденции и пути развития: монография/Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан и др.; Отв. ред. Е. П. Губин. — Текст: электронный // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).
11. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество»: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 28.08.2023).
12. Сычев, П. Г. Проблемы транспарентности российской экономики и их отражение в уголовном судопроизводстве/П. Г. Сычев // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2013. — № 12 (147). — с. 56-75.
13. Ульянов, А. В. О гражданско-правовой охране интересов субъекта правоожиданий/А. В. Ульянов // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 8 (81). — с. 87-98.
14. Филипсон, К. Ю. Общая характеристика и особенности субъективного права/К. Ю. Филипсон // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2019. — № 3 (36). — с. 154-163.
15. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права. Хрестоматия: учебное пособие/В. Н. Хропанюк. — М., 1998. — 944 с.

История развития налогового контроля в России

Ильясова Нина Павловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Неровная Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Челябинский государственный университет

В статье проводится анализ исторического становления налогового контроля в России, основные этапы его развития. Дается характеристика и детерминанты формирования налогового контроля в России, что в свою очередь предоставляет возможность охарактеризовать как деятельность налоговых органов в России, так и налоговую систему в целом.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые органы, налоговая система, должности, зарождение.

Важную роль в обеспечении задач и целей государства играет финансовая сфера, которая в свою очередь имеет определенный баланс и источник формирования с последующим расходованием. В государстве существует институт в лице налогового контроля для осуществления надзора по своевременной и полной уплате установленных законом налогов и сборов, посредством которых формируется и пополняется бюджет страны. Конституция РФ устанавливает в статье 57 обязанность граждан уплачивать установленные законом налоги и сборы [1]. В связи с этим возникает необходимость рассмотреть и проанализировать налоговый контроль в современной России, его историческое становление и развитие, в том числе функции для реализации которых он был создан в ретроспективном анализе.

Налоговый контроль неразрывно связан с развитием и становлением государства и общества, что в свою очередь обуславливается необходимостью существования и правильном регулировании хозяйственно общественной деятельности государства.

Начиная анализ исторического становления налогового контроля в России, необходимо углубиться в корни истории российского государства — Древнюю Русь. Общественно — хозяйственная жизнь в обществе того времени зависела исключительно от воли князя и его решений. На Руси налогового контроля, в современном его виде, — не существовало, как и налоговых органов. Пробразом налогового контроля являлись действия, совершаемые князем (единоличный налоговый орган), которые заключались в экспедициях князя на подконтрольные территории для сбора дани и податей, имеющие определенный интервал совершения и порядок. В результате развития общества и усиления роли князя, становилось проблематично осуществлять полномочия самостоятельно, в результате чего часть его полномочий, в том числе и по сбору дани, делегируются должностным лицам, приближенным к князю.

Начиная с XI в., на Руси зарождается институт должностей, осуществляющих различные функции, в том числе и сбор податей в государстве, к таким должностям относились: данщики, таможенники и верующие. Что позволяет обозначить значимость этого этапа для зарождения должностей налогового контроля в России. Внутренние меж-

доусобицы на Руси сменились на монголо-татарское иго, что в определенной степени изменило существующий прообраз налогового контроля. Сбор дани и податей осуществлялся представителями захватчиков, в лице чиновников (баскаков).

Данный этап нужно считать значимым, в связи с тем, что зарождается институт учета лиц, на которых лежала обязанность по уплате налогов и сборов, то есть ведется соответствующая база данных налогоплательщиков.

К XIV в. в ходе восстановления государственности и самостоятельности России, а также упадка междоусобиц и централизации власти в руках одного правителя, меняется система сбора налогов и подати. В указанный период вводится институт «кормления» — на местах назначались лица и их помощники, которые не получали официальное жалование, а могли сами осуществлять сборы с населения, что со временем перерастало в самоуправство и поборы с населения.

В результате усиления роли органов, осуществляющих налоговые полномочия, зарождаются должности профильного направления: казначеи, дьяки и подьячие, в их полномочия входили: сбор оброков и ведение учетных записей. В истории России, до 1464 г. не существовало специальных учреждений финансового типа. В процессе развития государства в 1655 году был учрежден Счетный приказ — орган государственной власти, осуществляющий контроль по поступающим в казну средствам, а также расходами государственных учреждений. На данном этапе можно выделить ряд особенностей: отсутствие системы и организации налогового контроля и деятельности лиц, осуществляющих сбор налогов, тотальный государственный контроль за налогообложением в стране.

Особое внимание необходимо уделить началу правления императора Петра I, именно в этот период наступает следующий этап развития налогового контроля в России — устанавливается система организации и ведения налогообложения в стране.

При Петре I в составе России были образованы новые административно-территориальные единицы (губернии), возглавляли губернии на местах должностные лица, назначаемые императором в лице губернаторов, их деятельность сводилась к контролю за своевременностью и пол-

нотой уплаты налогов и сборов с подконтрольных им территорий. Правление Петра I ознаменовало начало нового этапа на пути развития и совершенствования налоговой системы с усилением развития налогового контроля.

До начала правления Екатерины II, кардинальных преобразований в системе налогообложения не осуществлялось. За время своего правления она реализовала значительное количество замыслов по усилению контроля за налогообложением в стране и ее деятельность стремительно была направлена на построение организации сбора налогов и податей, а также ведение учета посредством учреждения уполномоченных органов в государстве. В 1773 г. Екатериной II была создана экспедиция о государственных доходах — одно из центральных государственных финансовых учреждений в России. Его деятельность базировалась на сборе сведений государственных доходов, но в дальнейшем была осуществлена реорганизация данного учреждения. Оно было разделено на 4 экспедиции, осуществляющих контроль в сфере налогов: о доходах — контролировала сбор, доставку и сохранность денежных средств; о расходах — отвечала за их правильное распределение; для свидетельства счетов — о ревизии счетов; четвертая проверяла деятельность трёх других [4, с. 131-133].

После восшествия на престол Александра I в 1801 году система налогообложения в России претерпевает изменения и в 1803 г. по указу императора были учреждены 12 министерств, одним из таких стало — министерство финансов России. Указанный орган осуществлял контроль за всеми доходами государства и системой налогообложения. На местах контроль за налогами велся казенными палатами, которые находились в ведении министерства финансов. Помимо учреждения специально — уполномоченных органов налогового контроля, в России происходит централизация и усиленное развитие налогового контроля. На данном этапе, в отличие от нынешнего создаются и действуют специально уполномоченные органы, осуществляющие налоговый контроль, а не только должности, что определяет положительную характеристику этого периода в области сборов налогов и их контроля; происходит усиление системы и организации налоговой системы.

Расширение Минфина привело к созданию в аппарате министерства — Департамента податей и сборов, в обязанности которого входило взимание прямых и косвенных налогов с населения. Впоследствии происходила реорганизация департамента и выделения на его основе нескольких департаментов, ведавших налогами в государстве.

На местах казенные палаты осуществляли контроль за прямыми и косвенными налогами. Также, действовало Губернское окружное акцизное управление, которое ведало акцизными сборами. Во время правления Александра III министром финансов Н.Х. Бунге реформируется система службы налоговых органов. В результате

чего, в 1855 году были учреждены должности податных инспекторов. Осуществляемыми ими полномочиями, в настоящее время, наделены современные налоговые органы России (проведение проверок, ведение учета налогоплательщиков и др.). До 1917 года податные инспекторы были основой налогового контроля в России, но после Октябрьской революции 1917 г. и прихода к власти большевиков — издаются Декреты Совета Народных Комиссаров, в результате чего, вся система органов, реализующих полномочия в области налогового контроля, была упразднена и ликвидирована.

После учреждения Наркомфина РСФСР в 1917 году на его базе и в его подчинении создавались соответствующие отделы и подразделения налогового контроля. В 1921 происходит замена подразверстки продовольственным налогом. В этот же период закладываются основы налоговой системы советского государства — Центральное налоговое управление Наркомфина РСФСР реорганизовано в Управление налогами и доходами. В 1922 году издается «Положение о взимании налогов и сборов» от 14.07.1922 г. Руководствуясь им была утверждена организационная система налоговой службы в РСФСР. Контроль за сбором налогов и иных платежей на местах реализовывали, подобные имперскому типу — инспекторы и их помощники (агенты). В период зарождения Советского государства и изменения системы налогообложения, а также Гражданской войны, сбор налогов приобретает классовый характер, направление которого осуществляется в отношении «зажиточных» граждан [6, с. 130].

Налоговые органы в советский период имели определенный спектр полномочий, который можно считать специальным, это обуславливалось тяжелым экономическим состоянием в обществе. Налоговые органы помимо взимания доходов осуществляли изъятие денежных сумм и эквивалентных им натуральных продукты. Верховное положение в системе налогового контроля принадлежало Наркомфину.

Стоит отметить, что законодательного закрепления такого института налогового права как «налоговый контроль» в Советский период также не устанавливалось, а налоговый контроль являлся одной из функций органов налоговой службы. В период в 30-40-х г. система нэпа упразднялась. Реформы налоговой политики в 30-е годы усложнили налоговую систему, это выразилось в множественности налоговых ставок, их было более 400. На налоговую систему также действовали и реформы в других отраслях государства, например, произошло очередное деление и установлены административно — территориальные единицы в СССР: областные, районные и городские, в каждой из которых действовали свои уровни налоговых инспекций. На данные органы возлагался учет налогоплательщиков и сбор доходов в различных направлениях.

В 60-е годы реализуются изменения налоговой системы в системе централизованных и децентрализованных фондов. В 1960 году была предпринята попытка постепен-

ного снижения, вплоть до отмены, налогов с заработной платы рабочих и служащих, что в свою очередь по предположениям государства носило положительный характер, в том числе и экономический. В результате происходящих изменений инспекции были объединены со службой государственных доходов, произошло усиление и реорганизация структурных подразделений налоговых органов. Особенностью советского периода развития налогового контроля можно выделить участие в сборе налоговых отчислений обычных граждан и организаций, не являющихся государственными, что было обусловлено недостаточностью кадров. Особо значимым моментом является выплата заработной платы работникам указанных организаций за счет собранных налогов. При этом важно выделить отрицательную сторону данного явления — присвоение денежных средств и самоуправство указанных лиц.

Система налогообложения в таком виде просуществовала практически неизменно до начала перестройки. После распада СССР в 1991 г. в стране складывался новый уклад, и уже Россия перешла к рыночной экономике, что требовало серьезных изменений и построения новой системы налогообложения, в том числе и трансформации налоговых органов. В 1991 г. Указом Президента Российской Федерации № 218 образована самостоятельная Государственная налоговая служба РФ и через месяц утверждается Положение о данном органе.

В 1998 г. Госналогслужба России преобразована в Министерство РФ по налогам и сборам. Новая налоговая система была направлена на контроль в рыночной экономике. [8, с. 180]. Принятый в 1998 г. Налоговый кодекс РФ устанавливал мероприятия налогового контроля, одними

из которых являлись в соответствии с п. 1 ст. 87 налоговые проверки: камеральные и выездные [2]. На современном этапе развито взаимодействие налоговых органов с правоохранительными органами при реализации форм налогового контроля, что в свою очередь повышает эффективность данного института. Налоговая система определяется фискальным характером, т.е. обеспечивает государство финансовыми ресурсами с помощью перераспределения национального дохода, а также является важным инструментом экономической политики государства [7, с. 4].

Таким образом, зарождение института налогового контроля начинается со времен Древней Руси, существовавшего без уполномоченных органов, а только административно уполномоченных лиц, и лишь к концу XIX века учреждаются органы с полномочиями в налоговой сфере, в том числе и налоговый контроль. Также, на сегодняшний день законодатель установил понятие налоговый контроль — деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленном НК РФ.

Актуальным является вопрос о расширении понятия налоговый контроль, раскрытие данного термина не только в доктрине, но и на законодательном уровне — введение дополнений в статью 82 НК РФ, а также усиление взаимодействия органов налогового контроля с правоохранительными органами для эффективности налогового контроля. На сегодняшний день анализ осуществления налогового контроля налоговыми органами свидетельствует об его эффективности и упорядоченности нормативного закрепления в РФ и его значительных отличиях от предыдущих исторических этапов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ, № 31, 03.08.1998, ст. 3824. — Текст: непосредственный.
3. Яковлева, Е. С. История развития налогового контроля в России/Е. С. Яковлева // Международный научный журнал «символ науки» № 04-3/2017. — 134 с. — Текст: непосредственный.
4. Миллер, Н. В. История налогообложения в России/Н. В. Миллер // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2010. — № 1. — 21 с. — Текст: непосредственный.
5. Гасимова, А. Б. Налоговый контроль в период становления советского государства (1917-1960 гг.)/А. Б. Гасимова // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана, № 12, — 2017. — 131 с. — Текст: непосредственный.
6. Масуелян, А. К. генезис системы государственного налогового контроля в РФ/А. К. Масуелян // «Экономика и бизнес». — 2014. — 7 с. — Текст: непосредственный.
7. Баташева, Ф. А. История развития современной налоговой системы РФ/Ф. А. Баташева // Молодой ученый. — 2015. — № 1 (81). — 180-181 с.

Договор займа в системе кредитных обязательств

Исаева Елена Владимировна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Кредитно-заемные отношения играют важную роль в развитии экономики государства. Они позволяют фирмам и частным лицам получать доступ к дополнительным финансовым ресурсам для инвестиций, расширения бизнеса и потребительских нужд. Кредиты способствуют увеличению оборота средств в экономике, что может стимулировать рост производства, занятости и общего благосостояния. Однако эффективное управление кредитами и контроль за долгами также важны, чтобы избежать финансовых кризисов и проблем. В условиях современной экономической среды, договоры займа занимают центральное место в системе кредитных обязательств. Этот вид соглашений не только способствует обеспечению доступа к финансовым ресурсам, но также оказывает существенное влияние на динамику экономического развития. Настоящая статья направлена на исследование ключевых аспектов договоров займа в контексте их роли в общей системе кредитных отношений.

Ключевые слова: договор займа, кредитные обязательства, финансовые ресурсы, правовые аспекты, экономическое развитие, условия договора, структура займа.

Agreement loan in system credit obligations

Credit and loan relations play an important role in the development of the state economy. They allow firms and individuals to gain access to additional financial resources for investment, business expansion and consumer needs. Loans contribute to an increase in the turnover of funds in the economy, which can stimulate the growth of production, employment and general welfare. However, effective credit management and debt control are also important to avoid financial crises and problems. In the conditions of the modern economic environment, loan agreements occupy a central place in the system of credit obligations. This type of agreement not only contributes to ensuring access to financial resources, but also has a significant impact on the dynamics of economic development. This article is aimed at studying the key aspects of loan agreements in the context of their role in the overall system of credit relations.

Keywords: loan agreement, credit obligations, financial resources, legal aspects, economic development, terms of the agreement, loan structure.

Статья 807 Гражданского кодекса Российской Федерации определяет договор займа как соглашение, по которому одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги, иные вещи, имеющие родовую принадлежность. В свою очередь, заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег или количество вещей того же рода и качества. Этот тип договора займа представляет собой распространенную практику в финансовых отношениях и служит основой для многих кредитных сделок [1].

Форма договора займа. Договор займа, как правило, заключается в письменной форме, но также возможно заключение и устного договора, в случае, если сторонами являются граждане и общая сумма займа не превышает 10 минимальных размеров оплаты труда. Важным моментом является то, что, если договор не заключен в письменной форме — это не делает его недействительным, но лишает его стороны права ссылаться на свидетельские показания в суде.

В силу своих специфических особенностей соглашение, помимо гражданского законодательства, регулируется такими правовыми актами как: ФЗ «О банках и банковской деятельности», ФЗ «О Центральном банке РФ» и др.

Предметом договора займа могут выступать как наличные деньги, так и безналичные средства. Это явля-

ется общепринятым практическим подходом и регулируется законодательством во многих странах. «Договор займа на безналичные средства может включать переводы по банковским счетам, электронные денежные средства и другие формы финансовых операций» [2, с. 145].

Договор займа считается заключенным в момент передачи денег или других вещей. Это отражает реальный и конкретный характер этого типа соглашения. Фактическая передача средств или вещей является ключевым моментом, подтверждающим намерения сторон и осуществление самой сделки.

Такой принцип поддерживает прозрачность и четкость в отношениях между займодавцем и заемщиком, а также служит основой для определения обязательств и прав каждой из сторон в рамках договора займа.

Исполнение договора займа предусматривает множество особенностей, поэтому остановимся на более важных из них.

Согласно пункту 1 статьи 810 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), если в договоре не указаны сроки возврата определенной суммы, займодавец имеет право потребовать ее возврата в течение 30 дней со дня предъявления требования. Это отличается от общих оснований, установленных законодательством, согласно ко-

торым суммы, не имеющие определенного срока возврата, должны быть возвращены в течение 7 дней [1].

Таким образом, если в договоре не установлены сроки возврата определенной суммы, займодавец имеет право потребовать ее возврата в течение 30 дней со дня предъявления требования, вместо общего срока в 7 дней.

На практике возникает коллизия, так как в ст. 161 ГК РФ установлено, что «сделки должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения, сделки юридических лиц между собой и с гражданами и сделки граждан между собой на сумму, превышающую десять тысяч рублей, а в случаях, предусмотренных законом, — независимо от суммы сделки». [5, с. 385].

Досрочный возврат займа действительно может быть спорным моментом, так как он может вызвать отрицательные последствия для займодавца. В соответствии со статьей 810 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), займодавец может потерять часть дохода, на который он рассчитывал, включая проценты.

Однако, стороны могут предусмотреть условия относительно досрочного погашения займа в самом договоре. Если договором предусмотрена возможность досрочного возврата и урегулированы последствия для займодавца, то досрочный возврат будет считаться законным и обязательным для сторон.

Если договор не предусматривает возможность досрочного погашения или не урегулированы его последствия, стороны могут решить этот вопрос путем переговоров или обращения в суд для разрешения спора.

В целом, регулирование досрочного возврата займа требует ясного заключения и согласования условий между сторонами, чтобы избежать споров и неопределенности. Желательно включать соответствующие положения в сам договор займа, чтобы участники сделки имели ясное представление о своих правах и обязанностях [6, с. 490].

Ранее в главу о договоре займа были включены положения об облигации и векселе (ст. ст. 815, 816 ГК РФ) как способах оформления заимствования. Однако с 01.07.2018 года эти положения утратили свою силу ввиду принятия Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Кредитный договор регулируется главой 42 «Кредит» Гражданского кодекса РФ. Он заключается между кредитором (банком или другой кредитной организацией) и заемщиком (физическим или юридическим лицом) и предполагает предоставление заемщику определенной суммы денег в качестве кредита. Кредитные договоры подразумевают обычно более крупные суммы, долгосрочные сроки погашения и возможность выплаты процентов за пользование кредитом.

Договор займа, в свою очередь, регулируется главой 41 «Заем» Гражданского кодекса РФ. Он заключается между займодавцем и заемщиком и подразумевает предо-

ставление заемщику определенной суммы денег взаймы с обязательством возврата данной суммы. Договор займа обычно характеризуется более небольшими суммами, краткосрочными сроками и нерегулярностью выплат процентов [1].

Резюмируя все вышесказанное, хочется отметить, что договор займа действительно имеет ряд особенной в части исполнения. Целесообразно говорить о таких особенностях как, например: сроки исполнения, объем, процентное содержание, учет ставки рефинансирования, санкции, предусмотренные ст. 395 ГК РФ и многое другое.

Онлайн займы представляют собой кредитные услуги, предоставляемые через интернет. Их особенность заключается в том, что клиенты могут получить займы онлайн без посещения банковского филиала или другого финансового учреждения.

Онлайн-займы (интернет-займы) регулируются несколькими законодательными актами. Одним из основных документов, регулирующих деятельность микрофинансовых организаций (МФО), является Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Согласно данному закону, предоставление займов физическим лицам на коммерческой основе возможно только через МФО, зарегистрированные и получившие лицензию на осуществление микрофинансовой деятельности. МФО должны соответствовать определенным требованиям, указанным в законе, включая размер уставного капитала, наличие надлежащих условий для работы и системы управления рисками [3].

Закон также устанавливает ограничения на размеры займов, процентные ставки и другие параметры, которые должны быть прозрачными для заемщиков. Микрофинансовая организация обязана предоставить заемщику информацию о размерах займа, сроке его погашения, процентной ставке, комиссиях и иных платежах.

Помимо этого, в 2020 году вступил в силу Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)». Он устанавливает требования к информированию потребителей о предоставляемых им услугах, наличие договора потребительского кредита и прочую защиту прав заемщиков [2].

Однако несмотря на правовое регулирование, иногда в сети возникают незаконные или мошеннические онлайн-займы, поэтому важно быть предельно внимательным при выборе МФО и производить займы только у надежных и лицензированных организаций.

Таким образом, договор займа в системе кредитных обязательств представляет собой договор между займодавцем и заемщиком, в котором стороны определяют условия предоставления и возврата денежных средств.

В системе кредитных обязательств заемщик обязуется вернуть займодавцу сумму, предоставленную взаймы, вместе с установленными процентами в определенный срок. Договор займа может быть заключен как между физическими лицами, так и между юридическими лицами.

Договор займа включает следующие основные условия:

— сумма займа: указывается сумма, которую займодавец предоставляет заемщику.

— проценты и комиссии: определяется процентная ставка, по которой начисляются проценты на заем, а также возможные комиссии за предоставление займа.

— срок займа: указывается период, в течение которого заемщик обязан возвратить займодавцу сумму займа и проценты.

— порядок возврата займа: определяются способ и форма возврата займа (ежемесячный платеж, погашение в конце срока и т. д.).

— обеспечение займа: в некоторых случаях заем может быть обеспечен залогом имущества или другими средствами.

— последствия неисполнения: договор может содержать положения о штрафах или других последствиях, если заемщик не выполняет свои обязательства по возврату займа.

В случае задержки или невыполнения платежей по договору займа, кредитор может предпринять правовые меры для получения задолженности, включая судебное преследование и взыскание долга.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) (ред. 18.03.2019, с изм. 28.04.2020) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 4. Ст. 410
2. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. 03.04.2020) «О потребительском кредите (займе)» // Российская газета. 23.12.2013. № 289.
3. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. 02.12.2019) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Российская газета. 07.07.2010. N 147.
4. Вавин, Н. Г. Договор займа по Гражданскому кодексу. Догматический очерк с приложением соответствующего законодательного материала/Н. Г. Вавин. — Москва: Огни, 2022. — 322 с.
5. Подхолзин, Б. А. Договоры, обязательства, сделки. Юридический комментарий. Судебная практика. Образцы договоров/Б. А. Подхолзин. — М.: Ось-89, 2021. — 686 с.
6. Тихомирова, Л. В. Договор займа. Официальные разъяснения, судебная практика, образцы документов/Л. В. Тихомирова. — М.: Тихомиров М. Ю., 2022. — 670 с.

Некоторые особенности новых форм информационного обеспечения гражданского процесса

Искакова Анастасия Игоревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ткачёва Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автором освещены особенности применения новых форм информирования субъектов гражданского судопроизводства о состоянии и движении гражданского дела. Анализируются отдельные проблемы информационного обеспечения в условиях цифровизации правосудия.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд, формы информационного обеспечения, электронный документооборот, портал «Госуслуги», российское судопроизводство.

С 2022 года действуют изменения в ГПК РФ, согласно которым судебное извещение в электронном виде направляется посредством единого портала государственных и муниципальных услуг либо системы электронного документооборота участника процесса с использованием системы межведомственного электронного взаимодействия (абз. 1 ч. 7 ст. 113 ГПК РФ).

Кроме того, информация о принятии искового заявления, заявления к производству суда, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия размещается судом в установленном порядке в информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет» не позднее чем за пятнадцать дней до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, если иное не предусмотрено ГПК РФ, а по делам с сокращёнными сроками рассмотрения — не позднее чем за три дня до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия (абз. 2 данной части ст. 113 ГПК РФ).

Анализ судебной практики показывает, что суды стали воспринимать публикацию сведений на официальном сайте как надлежащее извещение участников гражданского судопроизводства. Со ссылкой на ч. 7 ст. 113 ГПК РФ суды, в частности, пишут, что лица, участвующие в деле,

были извещены о рассмотрении дела размещением информации на официальном сайте суда [1,2], упоминаний об иных формах извещения не содержится. По нашему мнению, это неверная позиция. Оба абзаца части седьмой статьи 113 ГПК РФ следует воспринимать в единстве, а также в совокупности с другими частями. Как представляется, размещение информации о ходе дела на официальном сайте суда не должно быть единственным способом извещения участников процесса. Ещё в 2016 году законодатель возложил на органы публичной власти обязанность т.н. «самоизвещения», то есть самостоятельного отслеживания ими движения дела на официальном сайте суда после получения первого судебного извещения. Это был первый шаг перехода к повсеместному использованию исключительно информационных технологий [4, с. 107-108]. Между тем, такой подход последовательно критикуется в научной литературе [8, с. 168]. Возложение подобной обязанности под угрозой санкций в виде неблагоприятных процессуальных последствий вряд ли оправдано, особенно в условиях несвоевременной актуализации информации на сайте суда и в ГАС «Правосудие», а также при возможности технических и сетевых неполадок. Известно, что в ряде муниципалитетов России (особенно, в районах, далёких от административного центра) до сих пор стоит проблема устаревшей техники, не говоря уже о том, что в некоторых районах технической оснащённости вовсе нет. Безусловно, у органов публичной власти есть право заявить ходатайство о направлении им судебных извещений и вызовов без использования сети «Интернет», но только при отсутствии технической возможности (которое ещё нужно доказать) (абз. 3 ч. 2.1. ст. 113 ГПК РФ), а это увеличивает сроки рассмотрения дела.

Поэтому и для граждан, и для органов публичной власти способ извещения путём размещения информации о движении дела на официальном сайте суда должен быть дополнительным, применяемым вместе с судебной повесткой, СМС-сообщением или судебным извещением в электронном виде, направляемым через портал государственных и муниципальных услуг или систему межведомственного взаимодействия. Интересно, что постановлением Пленума Верховного Суда РФ сказанное относится лишь к уголовному процессу: «размещение информации, связанной с рассмотрением судом уголовного дела, на официальном сайте соответствующего суда в сети «Ин-

тернет» является дополнительным способом информирования участников уголовного судопроизводства о времени и месте судебного заседания» [6].

При этом потенциал портала «Госуслуги» в сфере судебных извещений и вызовов представляется серьёзным. Помимо возможности фиксации получения адресатом извещения, посредством портала государственных и муниципальных услуг лицо аутентифицируется, что фактически сводит к минимуму возможность доставки письма иному лицу. Важно отметить, что для получения судебных извещений на портале «Госуслуг» также необходимо согласие лица на получение уведомлений, которое можно дать в специальном разделе меню портала [7]. Через портал суд может отправить сторонам не только судебные извещения, но и прилагаемые к ним документы и запросы [3, с. 259]. Корреспонденция отправляется в формате переносимого документа (PDF), заверенного электронной подписью. Отчёт о доставке данных документов также заверяется электронной подписью.

Любопытно предложение Ю.В. Малинского о разработке отдельного мобильного приложения «Российское судопроизводство», которое должно быть предназначено как для отслеживания изменений законодательства и новостей судебной системы, так и для подачи заявлений и обращений (в том числе с медиафайлами). Цель такого приложения — обеспечение оперативной связи с судами по вопросам движения гражданского дела, а равно взаимодействие судов с участниками судопроизводства [5, с. 27-28]. Сама по себе идея создания специального программного обеспечения для взаимодействия судов и граждан и организаций представляется полезной, но следует учитывать, что любые поправки в законодательство (как изменяющие существующее положение, так и создающие новые правоотношения) должны строиться на основе принципов гражданского процессуального права.

Таким образом, считаем, что, во-первых, информирование субъектов гражданского процесса о движении дела на портале «Госуслуги» или сайте суда не должно являться единственным способом судебного извещения, во-вторых, обязанность публичных органов по «самоизвещению» также должна быть смягчена в сторону возможности выбирать удобный способ отслеживания информации о ходе дела.

Литература:

1. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 20 декабря 2022 г. по делу № 33-10143/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 14 июня 2022 г. по делу № 33-3-4619/2022 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Беланова, Г.О., Ярошенко А.Ф. Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, посредством использования информационных технологий // Молодой учёный. 2020. № 21. с. 258-260.
4. Луконина, Ю.А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты: дис... канд. юрид. наук. — Саратов, 2023. 239 с.

5. Малинский, Ю. В. Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1. с. 25-32.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.
7. Суды начнут рассылать повестки через портал госуслуг // «Российская газета», 26 июня 2023 г. [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 21.08. 2023 г.)
8. Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов. Ч. 1: монография/кол. авторов; под ред. С. Ф. Афанасьева, В. Ф. Борисовой. — М.: РУСАЙНС, 2022. 200 с.

Некоторые аспекты правового регулирования национальной платежной системы Российской Федерации

Исмагилова Лена Мидхатовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Ефимцева Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, доцент
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена правовому регулированию национальной платежной системы Российской Федерации. Актуальность данной темы исследования в современных условиях заключается в острой необходимости обобщения проблем современной теории платежных систем и критического анализа мирового опыта платежных технологий. Целью работы является выявление проблемных вопросов, связанных с регламентацией функционирования национальной платежной системы России. В частности, в статье раскрываются определение понятия национальной платежной системы и иные связанные с этим понятием категории. Научная новизна заключается в том, что изучение проблем правового регулирования отечественной платежной системы способствует повышению ее конкурентоспособности на товарных рынках, в том числе на международных рынках с такими системами, как Visa и MasterCard. Настоящее научное исследование основано на теоретическом методе, который включает в себя в первую очередь юридический анализ, позволяющий детально изучить материал, разделив его на части.

Ключевые слова: национальная платежная система, сделка, платеж, кредитная организация, Национальный банк, банковская карта.

Some aspects of the legal regulation of the national payment system of the Russian Federation

Ismagilova Lena Midkhatovna, student master's degree

Scientific adviser: Yefimtseva Tatyana Vladimirovna, doctor of legal sciences, associate professor
Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law University named after Kutafin

The article is devoted to the legal regulation of the national payment system of the Russian Federation. The relevance of this research topic in modern conditions lies in the urgent need to generalize the problems of modern theory of payment systems and critical analysis of the world experience of payment technologies. The purpose of the work is to identify problematic issues related to the regulation of the functioning of the national payment system of Russia. In particular, the article reveals the definition of the concept of the national payment system and other categories related to this concept. The scientific novelty lies in the fact that the study of the problems of legal regulation of the domestic payment system contributes to increasing its competitiveness in commodity markets, including international markets with systems such as Visa and MasterCard. This scientific research is based on a theoretical method, which primarily includes a legal analysis, which allows you to study the material in detail.

Keywords: national payment system, transaction, payment, credit institution, National Bank, bank card.

Введение санкций против России привело к замедлению операций по пластиковым картам международных платежных систем Visa и Mastercard, выпущенными частично российскими банками. В связи с этим руководство

нашей страны приняло решение ускорить ввод в эксплуатацию национального платежного центра (НПЦ).

С урегулированием рынка платежных услуг происходит правовая регламентация осуществления переводов денежных средств при их движении в рамках финансовой системы государства при работе как с централизованными, так и с децентрализованными фондами денежных средств [2, с. 72].

Платежная система в широком смысле — это совокупность финансовых институтов, осуществляющих системную деятельность в сфере проведения платежей и расчетов в экономике и (или) ее отдельных секторах на основе установленных норм и правил в целях обеспечения устойчивого макроэкономического развития и социально-экономической эффективности субъектов [5, с. 19].

Национальная платежная система (НАПС) — организационно-техническая структура, которая обеспечивает процессинг (обработку транзакций) по банковским картам в рамках нашей страны, без доступа к зарубежным процессинговым центрам. В июле 2014 года был сформирован оператор НПС — национальная система платежных карт «МИР» (НСПК «МИР»), на нее были возложены задачи по обслуживанию и внедрению НПС, а также продвижению отечественной банковской карты «МИР» [1].

Главную роль в национальной платежной системе играет оператор (НСПК), который устанавливает правила системы и контролирует их выполнение участниками.

Элементами НПС являются субъекты НПС (субъекты и участники ПС), непосредственно обслуживающие платежный оборот, а также платежная инфраструктура, под которой понимаются организации, чья деятельность непосредственно направлена на обеспечение жизнедеятельности всей системы в целом. Между элементами НПС возникают функциональные взаимосвязи двух типов: между однопорядковыми элементами, что обеспечивает отношения координации между ними, и между Банком России и остальными элементами НПС в виде отношений субординации для обеспечения целостности системы [3, с. 12].

Комплексный подход к построению полноразмерной концепции НПС Российской Федерации нашел свое место в Федеральном законе № 161-ФЗ. До его принятия на территории Российской Федерации со стороны государства осуществлялся децентрализованный контроль в отношении большого количества различных платежных систем, в той или иной мере связанных с проведением государственных, оптовых и розничных платежей (например, системы взаимных расчетов по корреспондентским счетам в банковском секторе) [4, с. 46-47].

Правовое обеспечение является одним из важнейших условий функционирования национальной платежной системы. Развитие прозрачного, многогранного и надежного правового механизма национальной платежной системы является основой, позволяющей определить права и обязанности всех субъектов национальной платежной си-

стемы. Такой правовой механизм устанавливается общим и специальным законодательством, договорами, международными договорами и иными различными положениями. Возникающие правовые отношения, в первую очередь связаны с разрешением споров, которые связаны с использованием платежных инструментов, предоставлением различных платежных услуг, механизмами организационными, расчетами, связанных с окончанием платежа и процедурами управления передачей платежных обязательств.

Эффективный и надежный правовой механизм, обеспечивающий функционирование национальной платежной системы определенно снижает правовую неопределенность и риски для ее участников. Основными уровнями этого правового механизма выступают следующие два. К первому уровню следует отнести общие законы, которые в некоторой степени поддерживают платежные системы, и к которым относятся законы, регулирующие финансовые, кредитные и залоговые отношения, включая условия кредитования (право неисполнения обязательств, ставки, продолжительность), создание, осуществление и приоритет прав на заложенное имущество, права заемщиков, законы об использовании цифровых подписей и электронном документообороте, законы, регулирующие имущественные и договорные отношения, законы о банкротстве.

Второй уровень составляют специальные законы для платежных систем (например, законы о счетах, чеках, электронных платежах, валютном регулировании); законы, связанные с начислением и расчетом платежных обязательств (новости, расчет, уведомления, завершение платежа, взаимозачет); законы, касающиеся платежных споров и процедур неисполнения обязательств, определяющих приоритет соглашения о совместном несении расходов по гарантиям и расчетам, платежных требований, подтверждение электронных платежей, механизмы разрешения споров (арбитраж), приоритет залоговых прав при расчетах по кредитам; законы о банках и банковской деятельности, в том числе о Банке России; законы, касающиеся поведения поставщиков платежных услуг, формирования рынков (доступ и участие в системах платежной инфраструктуры, заключение и проведение клиринговых и расчетных операций, правила выдачи и использования электронных документов, ценообразование на ее услуги, соглашение о защите заинтересованных сторон от рисков); законы об инфраструктурных услугах для рынка ценных бумаг (передача, встречная передача ценных бумаг, завершение передачи прав и расчетов, определение порядка учета).

В случае, когда обеспечение платежных систем не развито должным образом или развито не полностью, национальные центральные банки стран должны и могут внести свой вклад в мониторинг статистики изменений в области правового регулирования и выявления важных правовых вопросов, которые могут оказывать влияние на национальную платежную систему. Эта необходимость

особенно актуальна в контексте значительных претерпевающих изменений функционирования инфраструктуры и новых рыночных механизмов. Национальный центральный банк должен помочь оценить необходимость реформирования изменений в конкретном законодательстве, нормативных правовых актах, конкретный аспект национальной платежной системы.

Нормативная база должна определять обязанности и роли участников, пользователей платежных систем, правила и процедуры функционирования платежных систем. По мере развития национальной платежной системы нормативная база должна совершенствоваться и обновляться, создавая тем самым предпосылки для внедрения новых технологий, расчетов между участниками национальной платежной системы и платежных инструментов.

В настоящее время мировое сообщество является свидетелем глобального процесса реформирования нормативно-правовой базы, касающейся функционирования национальных платежных систем. Как правило, этот метод связан с регулированием платежных систем и электронных платежных средств для крупных расчетов в режиме реального времени. Конечно, существует глобальная тенденция к международной унификации нормативных правовых актов.

Что касается Российской Федерации, то правовые нормы являются основой институциональных механизмов национальной платежной системы нашей страны. В сферу функционирования правовых норм входит предоставление платежных услуг субъектами национальной платежной системы России пользователям, формирование субъектами национальной платежной системы России, использование субъектами национальной платежной системы платежной инфраструктуры и платежных средств и других систем. Кроме того, косвенно элементы платежной инфраструктуры относятся к сфере регулирования национальной платежной системы России, где субъекты национальной платежной системы могут обладать обязательными, материальными и иными правами, включая права интеллектуальной собственности.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона № 161-ФЗ «О Национальной платежной системе» законодательство РФ о национальной платежной системе основывается на Конституции РФ, международных договорах РФ и состоит из настоящего закона и других федеральных законов. В целях регулирования отношений в национальной платежной системе Правительство РФ и федеральные органы исполнительной власти могут принимать нормативные правовые акты, а Банк России может принимать нормативные правовые акты (в пределах своих полномочий в случаях, предусмотренных Законом № 161-ФЗ и другие федеральные законы). В этом Законе содержатся основные правовые нормы, касающиеся национальной платежной системы России.

Организационная и правовая основы национальной платежной системы определяют порядок предоставления платежных услуг (порядок денежных переводов и исполь-

зования электронных платежных инструментов), регламентирует деятельность субъектов национальной платежной системы, требования к их функционированию и организации, а также определяет порядок контроля и мониторинга в национальной платежной системе. Закон № 161-ФЗ содержит определения ряда терминов, относящихся к национальной платежной системе России, в том числе таких, как «платежная система», «национальная платежная система», «платежная услуга», «денежный перевод», «оператор платежной системы» и другое.

Другим важным источником правовых норм, регулирующих правоотношения в национальной платежной системе Российской Федерации, являются Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ и Федеральный закон № 14-ФЗ от 26 января 1996 года. Первая часть регулирует основные вопросы гражданско-правовых отношений, включая гражданские права и обязанности физических и юридических лиц, объекты гражданских прав, сделки, имущественные права, общие положения об обязательствах и т.д. безналичные расчеты, открытие и ведение банковских счетов, предоставление кредитов и т.д.

Еще два не менее важных для национальной платежной системы России источника — Федеральный закон № 86 — ФЗ от 10 июля 2002 года «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федеральный закон № 395-1 от 2 декабря 1990 года «О банках и банковской деятельности». В соответствии с Законом № 86-ФЗ, одной из пяти основных целей Банка России является «обеспечение эффективного и бесперебойного функционирования платежной системы». Для достижения этой цели Закон устанавливает функции и полномочия Банка России в отношении организации наличных расчетов и безналичных расчетов, регулирования банковских операций, надзора за кредитными организациями и т.д. Федеральный закон № 395-1 является основным законом, регулирующим деятельность кредитных организаций. Он устанавливает перечень банковских операций и сделок, которые кредитные организации имеют право осуществлять вне рамок банковских операций. Данный нормативный акт устанавливает разделение кредитных организаций на банки и небанковские кредитные организации, которые отличаются способностью осуществлять определенные банковские операции, а также устанавливает правила регистрации кредитных организаций и лицензирования банковских операций, регулирует отдельные вопросы межбанковских операций и расчетов кредитных организаций, общие вопросы бухгалтерского учета в кредитных организациях и осуществляет мониторинг деятельности кредитных организаций и т.д.

Среди других законов, непосредственно связанных с национальной платежной системой России, федеральные законы № 103-ФЗ от 3 июня 2009 года «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами», № 115-ФЗ от 7 августа 2001 года «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем» должны быть

указаны доходы, полученные преступным путем, и финансирование терроризма», от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», от 17 мая 2007 г. № 82-ФЗ «О Банке развития» от 7 февраля 2011 года, ФЗ «О клиринге и клиринговой деятельности» от 7 февраля 2011 года N 7-ФЗ, от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации», от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Что касается других нормативных правовых актов, непосредственно связанных с национальной платежной системой России, то хотелось бы особо отметить Постановление Правительства РФ от 13 июня 2012 года № 584

«Об утверждении Положения о защите информации в Национальной платежной системе». Настоящий нормативный акт устанавливает требования к защите информации, персональных данных и иной информации о методах защиты информации, которые подлежат обязательной защите операторами денежных переводов, банковскими платежными агентами и субагентами, операторами платежных систем и операторами услуг платежной инфраструктуры в платежных системах в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Итак, в заключение отметим, что основной задачей совершенствования законодательства Российской Федерации о национальной платежной системе является устранение или сведение к минимуму неопределенности правового поля, которая может вызвать или привести к правовым коллизиям.

Литература:

1. Захарян, А.В. К вопросу оценки эффективности использования финансовых ресурсов/Захарян А.В., Мелкумян Г.А., Лисицкая В.А., Красная А.В. // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2018. — № 10-1. — с. 100-107.
2. Хазова, Е.В. Правовой режим национальной платежной системы в Российской Федерации: перспективы развития/Е.В. Хазова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. - № 8 (57) август. - с. 71-77.
3. Суродеев, Ю.В. Финансово-правовое регулирование национальной платежной системы Российской Федерации/Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. — 2016. с. 26.
4. Чепачков, Д.А. Развитие национальной платежной системы: государственное регулирование и операционное функционирование: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. — Санкт-Петербург, 2019. — 210 с.
5. Коробейникова, О.М. Модернизация и интеграция платежных систем в Современной России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10. — Волгоград, 2015. — 385 с.

Правовая регламентация тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений

Кацкель Евгения Леонидовна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье предпринимается попытка анализа правовой регламентации тайны переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений. Освещается регулирование тайны связи, а именно право каждого гражданина на тайну переписки, тайну телефонных переговоров, тайну почтовых и иных сообщений. В статье излагаются взгляды на реализацию принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров. Определено, что действующее законодательство предполагает недопущение распространения против воли человека сведений, которые могут подорвать его репутацию. Проведенное исследование показало, что сведения об абонентах сотовых сетей связи, их установочные данные (регистрационно-учетные документы), информация о номерах телефонов, времени соединения, продолжительности, носят справочный характер и не нарушают конституционного права и могут быть предоставлены следственному органу по его запросу.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, законность, информационно-телекоммуникационные сети, уголовно-процессуальный принцип тайны переписки, правовое государство, тайна связи, сообщения в мессенджерах, социальных сетях.

Актуальность рассматриваемой тематики заключается в том, что уголовно-процессуальный принцип тайны

переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных и иных сообщений вытекает из ст. 8 Конвенции о защите

прав человека и основных свобод. В свою очередь, статья 23 Конституции России устанавливает право каждого человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Вопросы соблюдения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений входят в предмет исследований известных российских ученых и практиков Э. В. Самородовой, А. О. Узунова, Л. Е. Щетнева, В. К. Николаевой и многих других.

При рассмотрении общей формулировки термина «тайна связи» мы понимаем, что в законе данное понятие отсутствует.

Тем не менее, если обратиться к литературе и к законодательным актам, обнаруживается, что имеется некоторое число вариантов объяснения данной категории. Так, убедительным доказательством правового характера содержания формулировки категории «тайна связи» являются положения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)», в п. 4 которого говорится, что «нарушение тайности будет считаться таковым в ситуации, если доступ к сведениям произошел без ведома лица, чью тайну они имеют, при неимении легитимных оснований для ограничения конституционного права людей» [1].

По результатам всего вышеперечисленного, а также на основании позиции законодателя, Е. А. Лукашева дает характеристику права на тайну связи в рамках статьи 138 УК РФ, заявляя, что в Конституции оно будет закрепляться в трех направлениях [4, с. 378]:

— как основное самостоятельное право (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ);

— как действующая гарантия права на неприкосновенность частной жизни, семейную и личную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ);

— как одна из основ правового статуса личности (ст. 64 Конституции РФ).

А. О. Узунов полагает, что «гарантируя эти права, государство таким образом реализовывает конституционное право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Подобный вопрос в настоящее время является более чем актуальным, так как современное развитие общества, включающее в себя цифровизацию и введение нанотехнологий, представляет собой то, что должно учитываться законодателем и гарантиро-

ваться, ведь это уже неотъемлемое право каждого человека» [7, с. 176].

О. В. Белянская отмечает, что «ст. 13 УПК в соответствии со ст. 23 Конституции РФ устанавливает ограничение права на тайну переписки, переговоров и сообщений, допускается оно только на основании судебного решения» [2, с. 5]. А это значит, что даже в неотложных ситуациях противозаконно проводить прослушивание и запись переговоров, накладывать арест на сообщения.

Телефонные и иные переговоры обвиняемого могут контролироваться и записываться при ряде условий:

1) наличие достаточных оснований полагать что сведения, содержащиеся в переговорах, могут иметь значение для уголовного дела;

2) возбужденное уголовное дело по преступлению характера средней тяжести, тяжкое и особо тяжкое;

3) наличие судебного решения.

О. М. Денисенко указывает, что «УПК РФ четко регламентирует порядок проведения контроля и записи переговоров, получения судебного решения, оформления протокола следственного действия, обеспечивая тем самым законность ограничения конституционного права. Однако в законе не регламентировано каким образом органам предварительного следствия обращаться в телефонные компании за интересующей информацией» [3, с. 133].

При этом стоит отметить, что «сведения об абонентах сотовых сетей связи, их установочные данные (регистрационно-учетные документы), информация о номерах телефонов, времени соединения, продолжительности, носят справочный характер и не нарушают конституционного права и могут быть предоставлены следственному органу по его запросу» [5, с. 42].

Информация же, содержащаяся в протоколах соединения переговоров, тексте сообщений уже носит охраняемую законом тайну и могут быть истребованы только на основании судебного решения.

В контексте изложенного, стоит отметить, что гарантированное Конституцией РФ право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ) выступает одним из важнейших постулатов демократического общества и свободы частной жизни человека, составляющих его личную или семейную тайну. Нарушение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений влечет уголовную ответственность по ст. 138 УК РФ.

Литература:

1. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 // СПС Консультант Плюс. — URL: <https://www.consultant.ru/document/cons>
2. Белянская, О. В. Защита персональных данных пользователей как часть процесса по противодействию распространению недостоверной информации/О. В. Белянская // В сборнике: Распространение недо-

верной информации как угроза безопасности граждан, общества и государства. Сборник материалов международной научной конференции. Под общей редакцией В. А. Брусенцевой, Е. В. Шаповалова. — Воронеж, 2023. — с. 5-10.

3. Денисенко, О. М. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений по ст. 138 УК РФ/О. М. Денисенко // В сборнике: Проблемы совершенствования прокурорской деятельности и правоприменительной практики. Сборник статей материалы двух конференций. — Иркутск, 2021. — с. 133-138.
4. Лукашева, Е. А. Права человека: учебник для вузов/Е. А. Лукашева. — Москва: Норма, 1999. — 573 с.
5. Самородова, Э. В. К вопросу о противодействии фейковым новостям в цифровом пространстве/Э. В. Самородова // МЕДИ@ЛЬМАНАХ. — 2021. — № 6. — с. 42-52.
6. Степанова, Д. Ю. Некоторые оперативно-розыскные мероприятия, проводимые оперативными сотрудниками с использованием сети Интернет/Д. Ю. Степанова // Вестн. Томск. ин-та повыш. квалиф. работников ФСИН России. — 2020. — № 4 (6). — с. 64-69.
7. Узунов, А. О. Объект и предмет нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений/А. О. Узунов // В сборнике: Право и законность: вопросы теории и практики. сборник материалов XII Всероссийской научно-практической конференции. — Абакан, 2022. — с. 176-177.
8. Ульянов, М. В. Преступления в сфере компьютерной информации: возможности уголовно-правового воздействия и предупреждения/М. В. Ульянов // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — 4 (35). — с. 102-108.
9. Щетнев, Л. Е. Правовая охрана конституционных прав человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий/Л. Е. Щетнев, В. К. Николаева // Вестн. Владим. юрид. ин-та. — 2021. — № 4 (61). — с. 122-126.

Принцип диспозитивности в гражданском процессе в Российской Федерации

Кирпичева Алёна Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассмотрен принцип диспозитивности — его особенности и некоторые аспекты исторического развития. Проведен анализ положений гражданского процессуального законодательства в области различных вариаций проявления данного принципа, а также исключения из него. В заключении автор приходит к выводу о том, что необходимо зафиксировать законом принцип диспозитивности в гражданском процессе.

Ключевые слова: гражданский процесс, диспозитивность, принципы гражданского процесса, принцип диспозитивности.

Принципы гражданского процессуального права до сих пор продолжают вызывать интерес со стороны ученых. В настоящее время значительное количество работ посвящены изучению принципов гражданского процесса, а также реализации в правоприменительной практике. К их числу также относится и принцип диспозитивности, который отражает права и свободы гражданина.

Исследуемый принцип является одной из важных основ каждой правовой системы, регулирующей основы разрешения споров и конфликтов, что предполагает, что судебные разбирательства основаны на воле сторон и учитывает интересы каждой из них, то есть участники гражданского процесса вправе определить условия и порядок разрешения своего спора. Данные положения также продиктованы ст. 46 Конституции Российской Федерации, где закреплено, что «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1].

В процессуальной науке принцип диспозитивности является общепризнанным, поскольку именно он отвечает за ходом и развитием гражданских дел, а также за переходом из одной стадии гражданского процесса в другую. Как утверждает Н. А. Чечина, «диспозитивность находится в разных понятиях гражданских процессуальных норм. Из-за этого и происходит истинная утрата необходимой определенности, которая есть в любом научном понятии. Но главное помнить и знать, что принцип диспозитивности есть, хоть мы его и не ощущаем, но он есть в каждом законе и действии. Без этого принципа гражданский процесс не может ни начаться, ни продолжиться, ни закончиться» [11, с. 53-56].

Несмотря на то, что принцип диспозитивности напрямую не закреплен в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — ГПК РФ), он пронизывает большинство норм, к примеру, в ст. 3 ГПК РФ

закреплено право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав [3].

Как справедливо утверждает А. А. Демичев «принцип диспозитивности укрепляют нормативно-руководящие положения гражданского судопроизводства, которые являются началом процесса инициативных граждан, заинтересованных в каком-либо деле» [7, с. 5-8]. Данным автором также выделены характеристики данного принципа, к числу которых относит:

«в процессуальных отношениях права и равенство определяются для соответствующих категорий субъекта; возможность точного осуществления прав и выбора граждан в судопроизводстве» [7, с. 8-10].

Для более детального анализа принципа диспозитивности, рассмотрим его проявления его отдельных аспектов в рамках гражданского процесса.

Так, первоначальным проявлением является непосредственное возбуждение гражданского процесса по инициативе лиц, участвующих в деле. В соответствии со ст. 4 ГПК РФ «суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося за защитой своих прав, свобод и законных интересов. Гражданское дело может быть возбуждено по заявлению лица, выступающего от своего имени в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» [3].

Также одним из аспектов принципа диспозитивности является то, что участники гражданского разбирательства реализуют свои процессуальные права, предусмотренные в ст. 35 ГПК РФ. Кроме того, сторону могут воспользоваться специальными правами, закрепленными в ст. 39 ГПК РФ — «истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований либо отказаться от иска, ответчик вправе признать иск, стороны могут окончить дело мировым соглашением» [3].

Следующей составляющей является то, что по общему правилу суд принимает решение по заявленным истцом требованиям (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ [3]), а также то, что истец самостоятельно определяет ответчиков по делу. В судебной практике встречаются случаи, когда основанием обжалования решения суда первой инстанции является то, что судом не были привлечены определенные лица в качестве ответчиков.

К примеру, в кассационном определении судебной коллегии по гражданским делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 ноября 2023 года по делу № 88-17512/2021 рассматривалась кассационная жалоба по гражданскому делу по иску гражданина к ПАО «Совкомбанк» о взыскании задолженности по кредиту с наследников. В качестве одного из доводов выступало том, что, по мнению истца, суд необоснованно не привлек в качестве ответчиков еще двух наследников. В свою очередь, в данном случае суд не усмотрел никаких оснований

для отмены судебных актов нижестоящих инстанций, поскольку «с учетом принципа диспозитивности гражданского процесса только истец определяет к кому предъявлять иск. требований к данным лицам истцом не заявлено, при этом, исходя из предмета заявленных истцом требований и их обоснования, основания для процессуального соучастия, установленные ч. 3 ст. 40 ГПК РФ, в данном случае отсутствовали» [5].

Как уже ранее было отмечено, принцип диспозитивности напрямую не закреплен в ГПК РФ, в связи с чем, анализируя положения гражданского процессуального законодательства, можно выделить некоторые исключения из него [8, с. 74].

Во-первых, по общему правилу суд не вправе выходить на пределы заявленных требований, между тем, ч. 3 ст. 196 ГПК РФ установлено, что «суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом» [3], то есть в данном случае происходит отступление от принципа диспозитивности. К примеру, согласно ч. 4 ст. 166 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) «суд вправе применить последствия недействительности ничтожной сделки по своей инициативе, если это необходимо для защиты публичных интересов, и в иных предусмотренных законом случаях» [2].

Во-вторых, исключением из принципа диспозитивности является ситуация, при которой подается заявление в соответствии со ст. 46 ГПК РФ в целях защиты «законных интересов недееспособного или несовершеннолетнего гражданина в этих случаях может быть подано независимо от просьбы заинтересованного лица или его законного представителя» [3]. К примеру, решением Нижнеилимского районного суда Иркутской области удовлетворено заявление прокурора Нижнеилимского района Иркутской области в защиту интересов несовершеннолетней, находящейся на воспитании в детском доме. Требование заявление о выселении ее матери, лишенной родительских прав, которая систематически разрушала жилое помещение, закрепленное за несовершеннолетней. Установив наличие обстоятельств, на которые ссылался прокурор, суд на основании выселил ответчицу из квартиры без предоставления другого жилого помещения [4].

В-третьих, лицо не может по своей инициативе выбрать вид судопроизводства, в рамках которого будет рассматриваться спор.

Необходимо отметить, что дискуссионным является вопрос о круге субъектов, на которых распространяется действие принципа диспозитивности в рамках гражданского процесса. Можно выделить несколько подходов, сложившихся в литературе: принцип распространяет свое действие только на стороны [6, с. 25]; согласно второй позиции к субъектам относятся — все лица, участвующие в деле [10, с. 105]; в рамках последней позиции выделяют в качестве субъектов — суд, стороны, третьи лица, заявители и заинтересованные лица [9, с. 37]. Как видится,

самым логичным является второй подход, поскольку положения ГПК РФ предусматривают различные права для каждого из лиц, участвующих в деле.

Таким образом, исходя из проанализированного материала, можно прийти к выводу о том, что необходимо

четко закрепить в рамках гражданского процессуального законодательства дефиницию принципа диспозитивности, определив его содержание, предусмотрев сферу его действия в отношении лиц, участвующих в гражданском процессе.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301; 2023. — № 31 (Часть III). — Ст. 5777.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2023. — № 26. — Ст. 4687.
4. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации рассмотрения судами дел по заявлениям прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних детей, подпадающих под категорию лиц, которые имеют право на дополнительную социальную защиту в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Информационно-правовой портал «Гарант. ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12062703/> (дата обращения: 01.10.2023).
5. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 ноября 2021 г. № 88-17512/2021 // Официальный сайт. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_or=doc&number=11087172&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения: 01.10.2023).
6. Гукасян, Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1970. 35 с.
7. Демичев, А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 7. с. 5-10.
8. Курас, Т.Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). с. 69-77.
9. Семенов, В.М. Принципы советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1965. 45 с.
10. Учебник гражданского процесса/Е.В. Васьковский. Краснодар, 2003. 464 с.
11. Чечина, Н.А. Принципы советского гражданского процессуального права // Актуальные проблемы теории и практики гражданского процесса. 1979. № 5. с. 50-58.

Полиграф как средство получения процессуально значимой информации по уголовному праву

Козловская Ангелина Андреевна, студент магистратуры;
Шарапова Айсылу Ниязовна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В данной статье рассматривается вопрос использования полиграфа в качестве средства получения процессуально значимой информации по уголовному праву.

Ключевые слова: полиграф, уголовное право, процессуально значимая информация, детектор лжи, преступления, допрос, суд, правдивость, доказательства, ответственность, невиновность, вина

Polygraph as a means of obtaining procedurally relevant information on criminal law

Kozlovskaya Angelina Andreevna, student master's degree;
Sharapova Aysylu Niyazovna, student master's degree
Kazan (Volga region) Federal University

This article discusses the use of a polygraph as a means of obtaining procedurally relevant information on criminal law

Keywords: polygraph, criminal law, procedurally significant information, lie detector, crimes, interrogation, trial, truthfulness, evidence, responsibility, innocence, guilt

В современном мире различные научно-технические средства играют важную роль, поэтому часто технические средства используются в уголовном процессе как средство сбора и проверки информации, а также получения доказательств. Достаточно широкое распространение получил такой технический прибор как полиграф или детектор лжи. В общем виде полиграф представляет собой техническое средство, предназначенное для проведения психофизических исследований и синхронной регистрации физических процессов и получение результатов в цифровом виде, предназначенном для оценки достоверности информации [4].

Развитие новых сфер науки и техники позволило существенно улучшить технику «снятия» информации при помощи полиграфа. Использование бесконтактных датчиков позволяет проводить проверку без физического контакта с телом испытуемого, что делает процесс более безопасным и эффективным [5].

Прибор под названием «полиграф» используется для выявления возможной скрываемой информации у людей путем контроля их физиологических реакций на задаваемые вопросы. Генеральная прокуратура РФ провела анализ практики использования этого прибора при расследовании преступлений и выяснила, что он стал применяться не только при проведении оперативных мероприятий, но и для получения новых доказательств путем проведения психофизиологических исследований в виде заключения эксперта или специалиста.

Широкое распространение получили новые технические средства, такие как полиграф или детектор лжи. Это устройство предназначено для проведения психологиче-

ских исследований и одновременной записи физиологических процессов.

Принцип работы полиграфа заключается в том, что задаваемые вопросы вызывают неконтролируемые физиологические изменения, которые записываются специальным устройством. Физиологические изменения могут быть выражены в учащенном сердцебиении, дыхании, повышенном потоотделении, активности кожи, указывающие на психологическое напряжение и эмоциональные всплески.

Применение полиграфа должно осуществляться добровольно, с использованием безвредных для здоровья технических средств. Для проведения исследования необходим компетентный специалист, который обладает необходимыми знаниями и опытом работы с этим прибором.

В практике работы зарубежных правоохранительных органов проверка на полиграфе является распространенной процедурой. Она проводится как подозреваемым и обвиняемым, так и свидетелями, потерпевшими, истцами и ответчиками. Несмотря на то, что общественное мнение развитых зарубежных стран уделяет большое внимание защите прав и свобод человека, нет неразрешимых юридических, моральных или профессиональных проблем в связи с проведением испытаний на полиграфе [1].

Комплексная оценка и анализ экспертом-психологом психологического состояния опрашиваемого лица могут быть использованы в качестве косвенных доказательств, подтверждающих причастность данного лица к расследуемому преступлению.

Именно поэтому особое значение приобретает предложение о применении полиграфа как инструментального

метода тестирования в качестве дополнительного способа (метода) исследования, проводимого в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом в рамках судебной экспертизы, т.е. как одного из методов психологического исследования, применяемого при ее производстве [3].

Отсутствие законодательной регламентации применения полиграфа затрудняет его использование в уголовном процессе. Несмотря на то, что в 2010 году был внесен проект Федерального закона «О применении полиграфа», который предусматривал регламентацию некоторых положений, он до сих пор не принят. Законопроект не содержит полного перечня лиц, участвующих в опросе на полиграфе, их прав, обязанностей и ответственности, а также не определяет порядок использования полиграфов для опросов в оперативно-розыскной деятельности. Законопроект не предусматривает права использования полиграфов предпринимателями, а также не устанавливает порядок подготовки и деятельности в целом полиграфологов. Создание Межведомственной комиссии по опросам с применением полиграфа не было осуществлено.

Также возникает вопрос о возможности использования результатов исследования с использованием полиграфа

в качестве доказательства по уголовному делу. Согласно статье 88 УПК РФ доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости и достоверности. Анализ вышесказанного приводит к выводу, что однозначно говорить о достоверности результатов исследования с использованием полиграфа невозможно. Следовательно, как доказательства эти результаты (заключение специалиста) рассматриваться не могут, но могут иметь вспомогательное значение.

Сейчас законодательство не регулирует использование новых методов исследования, которые появляются в большом количестве. Эти методы используются правоохранительными органами для раскрытия преступлений. Доказательства в уголовном процессе — это факты, которые устанавливаются через фактические данные, такие как показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, заключения экспертов и другие документы. Источниками доказательств являются показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых, заключения экспертов и другие документы.

Таким образом, создание процессуального порядка испытаний на полиграфе требует тщательного анализа накопленного опыта оперативно-розыскной деятельности, спешка в этом деле явно противопоказана.

Литература:

1. Варламов, В. А. Противодействия полиграфу и пути их нейтрализации / В. А. Варламов, Г. В. Варламов. — Краснодар: Картика, 2018. — 108 с
2. Васильев, А. В. Проблемы использования полиграфа в расследовании преступлений // Молодежь и системная модернизация страны. — 2020. — с. 34-36
3. Гаужаева, В. А. Методические основы проведения исследований на полиграфе // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 1. — С 57-60.
4. Ермаков, А. Г., Золотенко В. А., Кобозев И. Ю., Шаповал В. А. Теория и практика применения полиграфных устройств в органах внутренних дел. Психологическая экспертиза с использованием полиграфа: учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2018. — 209 с.
5. Шоронов, О. В., Коновалов А. Н. Полиграф в правоохранительных органах // Вестник Пензенского государственного университета. — 2018. — № 4 (8). — С 40-44.

Эстоппель и доктрина законных ожиданий: общее и различное

Колеватова Виктория Руслановна, студент магистратуры

Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Киров)

В статье автор исследует соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий, выявляются их общие и различные черты, анализируются теоретические и практические вопросы возможного внедрения доктрины законных ожиданий через призму принципа поддержания доверия к закону и государству.

Ключевые слова: эстоппель, доктрина законных ожиданий, принцип поддержания доверия.

Эстоппель изначально зародился в английской правоприменительной практике, как институт процессуального права. В дальнейшем получил свое развитие в нормах материального права не только Англии,

но и в праве стран, относящихся к континентальной правовой семье. Наибольшее распространение эстоппель получил в международном праве, в рамках которого признан общепризнанным принципом, который

применяется и по сей день в спорах между государствами.

В Российской Федерации отправной точкой реализации эстоппеля в российской судебной практике следует считать Постановление Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/1013. Именно с этого периода времени российские суды сначала высших инстанций, а в настоящее время всех инстанций, ссылаются в судебных актах на запрет непоследовательного поведения.

Эстоппель — это правовой принцип, согласно которому лицо лишается права ссылаться на какие-либо факты в обоснование своих требований, если его предыдущее поведение свидетельствовало о том, что оно придерживается иной, противоположной позиции. По своей конструкции он схож с другими институтами гражданского права, такими как злоупотребление правом и подтверждение сделки.

Сам по себе эстоппель — явление достаточно новое и малоизученное для российского права. Вследствие отсутствия универсального определения, закрепленного на законодательном уровне, вопросы об эстоппеле, основаниях и критериях его применения являются достаточно дискуссионными в современном гражданском праве. Несмотря на это, его реализация на практике получила достаточно широкое применение.

Еще одним правовым средством, с помощью которого достигается правовая определенность, выступает доктрина защиты законных ожиданий, которая также направлена на пресечение непоследовательного поведения.

Доктрина защиты законных ожиданий, или *legitimate expectation*, впервые была сформулирована Лордом Денником в деле *Schmidt v Secretary of State*, 1968 г. В указанном деле Денником было указано следующее: «По мимо права и интереса у лица также есть законные ожидания» [2]. Свое распространение доктрина законных ожиданий получила как в странах общего, так и континентального права.

В английском праве защита законных ожиданий является реакцией английского правопорядка на необходимость защиты прав и законных интересов граждан от возможного произвола и злоупотреблений, возникающих, в том числе, при чрезмерно изменчивой политике органов власти, базируется на основе принципа естественной справедливости.

В доктрине английского права защита законных ожиданий является дискуссионным вопросом. Ряд исследователей считает, что орган публичной власти не может раз и навсегда связать себя определенным обещанием, данным частному лицу. Противники защиты ожиданий считают, что такой подход привел бы к невозможности адаптации к стремительно меняющимся социальным условиям, а любое изменение его политики в любом случае являлось бы действием, выходящим за рамки полномочий органа власти. По мнению М. А. Кондрашовой, ожидание частного лица, основанное на конкретном обещании органа государственной власти дей-

ствовать определенным образом, несомненно, является законным.

Аналогичный правовой институт можно встретить также, например, во французской правовой доктрине — «*protection de la confiance legitime*», в немецком праве — «*Vertrauensschutz*», в нидерландской юридической литературе.

Проанализировав зарубежную литературу, а также судебную практику, можно сделать вывод, что доктрина защиты законных ожиданий применяется в следующих ситуациях: 1) при защите добросовестной стороны, которая вправе рассчитывать на определенные правовые последствия исходя из существующей нормы права, а также на защиту от внезапного изменения мнения или действий государственного органа; 2) в результате незаконного бездействия государственного органа, уклонения от исполнения возложенных на них обязанностей как в силу закона, так и по предписанию суда.

Вопрос о соотношении эстоппеля и доктрины законных ожиданий является актуальным для отечественной цивилистики, поскольку доктрина законных ожиданий все еще не исследована отечественной наукой.

Проводя разграничение между доктриной и эстоппелем, следует отметить, что обе конструкции способствуют реализации принципа правовой определенности, а также содержат общую идею, согласно которой одна сторона путем ясного и однозначного обещания создает у другой, доверившейся стороны, определенное ожидание. Указанные конструкции также имеют общую задачу — восстановление нарушенных прав.

Однако, несмотря на схожесть конструкций, каждая из них имеет самостоятельную природу. В отличие от эстоппеля, доктрина защиты законных ожиданий:

— применяется только в публично-правовых отношениях. Доктрина, с одной стороны, не ограничивает свободу органов государственной власти и местного самоуправления в лице их должностных лиц в принятии решений, направленных на достижение общего блага, а с другой — защищает интересы частных лиц, поскольку позволяет учесть не только факт неожиданного изменения решения или практики органа публичной власти, но и обусловленность такого изменения интересами общества;

— в основе доктрины защиты законных ожиданий лежит публичный интерес, в основе эстоппеля — частный. Отсюда же различия в субъектном составе: доктрина защиты законных ожиданий предполагает наличие отношений между органами, должностными лицами, основанных на власти и подчинении, а эстоппель — наличие отношений между частными лицами, основанных на равенстве сторон, автономии воли. Также необходимо отметить, что доктрина законных ожиданий является институтом, обеспечивающим баланс частных и публичных интересов.

— служит для защиты слабой стороны от осуществления органами государственной власти своих дискреционных полномочий, от возможности бесконтрольного

усмотрения должностного лица, выступает основанием для обжалования властно-распорядительных актов, если они не соответствуют законным ожиданиям лица. Доктрина законных ожиданий направлена на защиту ожиданий заинтересованных лиц в отношении стабильности осуществления полномочий органами власти, а эстоппель направлен на защиту равных сторон, то есть никакая из сторон не является «слабой» либо «сильной», стороны равны;

— последствие применения доктрины законных ожиданий состоит в том, что лицо получает то право, на приобретение которого оно законно рассчитывало, а последствие применения эстоппеля состоит в отказе в судебной защите тех прав, которые приобретены в результате нарушения запрета на изменение предшествующей линии поведения;

— доктрина законных ожиданий учитывает интересы не только лица, чьи законные ожидания могут быть нарушены принятым решением, но и интересы общества, на защиту которых направлена деятельность органа государственной власти или местного самоуправления.

Как указывает, М. А. Кондрашова, отечественному правопорядку доктрина законных ожиданий в ее традиционном понимании неизвестна. Автор отмечает, что в российской науке под «доктриной законных ожиданий» понимается «принцип защиты доверия», который так же, как и эстоппель, напрямую не закреплен в нормах закона. М. А. Кондрашова подчеркивает, что «аналог доктрины законных ожиданий в виде принципа защиты доверия должен быть предусмотрен на законодательном уровне, что явилось бы катализатором эффективности применения данного принципа как средства защиты прав добросовестных лиц от произвольного изменения органами публичной власти ранее принятых решений или практики, а следовательно, способствовало бы повышению общего уровня доверия граждан к деятельности органов власти» [1].

Доктрина защиты законных ожиданий в российском праве получила выражение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации в виде принципа поддержания доверия к закону и действиям государства.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, последовательно подтверждаемой им в своих постановлениях (например, постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 29 января 2004 года № 2-П, от 20 апреля 2010 года № 9-П, от 27 марта 2012 года № 8-П, от 1 июля 2015 года № 18-П и др.), изменение за-

конодателем ранее установленных условий приобретения какого-либо права должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Данный принцип предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм. Законные ожидания граждан заключаются в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и реализовываться.

Обращаясь к вопросу соотношения эстоппеля и принципа поддержания доверия, как аналога доктрины законных ожиданий, стоит отметить следующее. Применение эстоппеля к правоотношениям с участием публичной власти приведет к тому, что органы и должностные лица не будут свободны в принятии решений, будут связаны ранее данными обещаниями, решениями, практикой и политикой, что может негативно сказаться на эффективности реализации властных полномочий в целях достижения общественного блага. То есть при реализации доктрины законных ожиданий речь идет об общественном благе, для достижения которого и были созданы органы власти, определены их компетенция и полномочия. Доктрина законных ожиданий, в отличие от принципа эстоппеля, позволяет учесть то, что на первый взгляд противоречивое и непоследовательное решение может служить общественному благу и принести пользу для общества в масштабах, несоизмеримых с ущербом отдельно взятого лица. Отсюда следует, что эстоппель не применим в публичных правоотношениях.

Таким образом, проанализировав конструкции эстоппеля и доктрины законных ожиданий, приходим к следующему. Обе конструкции являются средствами защиты только добросовестных лиц, способствуют реализации принципа правовой определенности, направлены на пресечение непоследовательного поведения. Несмотря на кажущуюся схожесть, каждая из конструкций имеют свою самостоятельную природу и различия между собой: от субъектного состава до правовых последствий, которое лицо претерпевает вследствие недобросовестного поведения. Доктрина законных ожиданий в традиционном смысле в настоящее время в российском праве не закреплена, однако вопрос о соотношении эстоппеля и указанной доктрины является достаточно дискуссионным в юридической науке.

Литература:

1. Соотношение эстоппеля и доктрины законных ожиданий (Кондрашова М. А.) («Вестник гражданского права», 2020, N 3) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 30.09.2023).
2. The common law and Europe/The Hamlyn lectures, 2013/Cambridge University Press in Spring 2014 [Электронный ресурс] — URL: <http://www.nottingham.ac.uk/hrlc/documents/specialevents/laws-lj-speech-hamlyn-lecture-2013.pdf> (дата обращения: 15.09.2023).

Миграция населения в России: понятие и классификация

Коршунова Валерия Александровна, студент магистратуры
Владивостокский государственный университет

В настоящей статье рассматриваются теоретические аспекты миграции населения, такие как понятие и классификация. Разработано определение миграции населения и выделены ее основные виды. Показано отличие миграционного процесса от иных видов территориального перемещения населения.

Ключевые слова: миграция населения, перемещение, миграционные процессы, типы миграции, международная миграция, незаконная миграция.

Современная ситуация в мире отличается масштабностью миграционных процессов. Миграция — неотъемлемая часть сегодняшнего глобализованного мира. Согласно данным исследования Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, наибольшее число мигрантов по состоянию на 2020 год проживает в США и достигает 51 миллиона человек. Россия является одной из крупнейших стран по приему мигрантов. Число мигрантов, которые проживают в России составило 12 миллионов человек. При этом Россия также входит в пятерку лидеров по числу граждан страны, проживающих за рубежом. Россиян, проживающих за пределами родины, насчитывается 11 миллионов человек [1]. Российская экономика нуждается в иностранных рабочих и специалистах, система образования — в иностранных студентах, а инновационное развитие требует высококвалифицированных специалистов и профессионалов из-за рубежа.

Государства обсуждают вопросы миграции не только на двустороннем, региональном, но и, в последнее время, на глобальном уровне. При этом, миграция продолжает носить стихийный, во многом неконтролируемый характер и оказывает отрицательное воздействие на социальные, экономические, этнокультурные и иные процессы в России. Это связано с тем, что существующее нормативно-правовое регулирование миграционных процессов на территории страны не успевает за стремительно развивающимися миграционными отношениями и очевидно еще недостаточно. Чтобы координация и международное сотрудничество были успешными, необходим общепонятный язык. Таким образом, анализ такого основополагающего термина, как «миграция», является особенно значимым.

В настоящее время, в действующем законодательстве Российской Федерации, а также и международном отсутствует определение понятия «миграция населения», но в научной литературе имеется достаточно много определений этого понятия и они не являются идентичными.

В соответствии с большой советской энциклопедией под миграцией населения следует понимать такое его перемещение, которое связано с переменой места жительства [2, с. 208]. Такая формулировка включает чрезмерно расширительное толкование и относит к миграции населения любое переселение человека с целью поменять

место постоянного проживания, даже в пределах одного населенного пункта. Автор полагает, что для целей правового регулирования и научного употребления указанное определение малоприспособно и для более полного понимания сущности такого сложного и динамичного процесса, как миграция населения, необходимо обратиться к мнениям некоторых представителей науки, изучающих данный вопрос.

Так, например, отечественный демограф В.И. Переведенцев рассматривает миграцию населения в широком смысле как комплекс любых перемещений людей в пространстве, а в узком смысле — как комплекс перемещений людей по территории, которые неразрывно связаны со сменой места жительства на более или менее продолжительный период [3, с. 9]. Как видно,

В.И. Переведенцев отнес к миграции населения в широком смысле все ежедневные перемещения людей.

Наиболее авторитетным является мнение профессора Л.Л. Рыбаковского, который также сформулировал определение миграции населения в узком и широком смысле. В узком смысле под этим явлением он понимал комплекс регистрируемых безвозвратных перемещений, происходящих между различными населенными пунктами. А в широком понимании миграция населения выступает, как комплекс фиксируемых разными способами безвозвратных и возвратных передвижений между разными населенными пунктами [4, с. 83]. Такая точка зрения представляется наиболее верной, поскольку миграция населения — это не любое территориальное перемещение людей, а только то, которое соответствует определенным условиям. Прежде всего, оно должно проходить из одного населенного пункта в другой. Во-вторых, фиксация этого перемещения должна быть в обязательном порядке.

Кандидат юридических наук В.И. Евтушенко в своей научной работе предлагает под миграцией понимать пространственно-территориальное передвижение субъекта права за пределы населенного пункта, где было его постоянное место жительства, на срок не менее 24 часов [5, с. 77].

Таким образом, учитывая изложенное, можно предложить следующее понятие миграции населения — это процесс, который включает в себя фиксированное тем или иным способом перемещение людей, связанное

с пересечением ими внешних или внутренних территориальных границ с целью перемены места постоянного или временного проживания независимо от причин, вызывающих такое перемещение и продолжительности.

Такие критерии, как регулярность, мотив, продолжительность и иные, которые используются некоторыми авторами при формулировке определения «миграция населения» нельзя отнести к общим признакам этого явления, поскольку являются критериями классификации имеющегося разнообразия территориальных перемещений. Стоит отметить, что единая общепризнанная классификация миграционных перемещений отсутствует. Рассмотрим некоторые из них.

Так, такие известные демографы, как В. А. Ионцев, М. Б. Денисенко, Б. С. Хорев выделили такие критерии разграничения миграции населения, как: тип, вид и форма.

В связи с тем, что территориальные перемещения происходят, как в рамках одной страны, так и между странами, они выделили следующие типы миграции населения: международную (межгосударственную) и внутреннюю (внутригосударственную).

Международная миграция включает в себя эмиграцию и иммиграцию. Эмиграция заключается в том, что гражданин выезжает из одной страны в другую на постоянное (или длительное) проживание, чаще всего, с изменением гражданства. Иммиграция подразумеваем въезд иностранцев в страну с целью длительного или постоянного пребывания и в большинстве случаев, получения гражданства.

Основными видами миграции являются: переселение (безвозвратная, стационарная) и сезонная, маятниковая [6, с. 8].

Важно отметить, что вопрос об отнесении маятниковых перемещений (осуществляемых в короткие сроки) к видам миграции является дискуссионным. Если исходить из определения миграции, упомянутого выше, поездки населения на работу, либо учебу нельзя отнести к миграции, поскольку перемещение происходит без смены места жительства.

По форме В. А. Ионцев, М. Б. Денисенко и Б. С. Хорев выделяют миграции: организованные и неорганизованные.

Организованная миграция осуществляется с помощью частных и общественных организаций либо при поддержке государства. Она играла важную роль в развитии разных стран, в том числе и России. К примеру, население на Дальнем Востоке формировалось много лет благодаря переселению людей из густонаселенных западных регионов страны на восточные окраины, организованному царским правительством. После этого правительство Советского Союза использовало различные формы организованных переселений.

Безусловно, рассмотренная классификация является движением вперед в научном понимании миграционных перемещений, но она не является исчерпывающей.

Если в качестве критерия рассматривать причины миграции, то она подразделяется на: экологическую, экономическую, этническую, политическую и родственную (по семейным обстоятельствам).

Политическая возникает в связи с различными преследованиями и чрезвычайными ситуациями, которые несут политический характер, например войны, политические депортации, революции. Экономическая миграция возникает из-за низкого уровня жизни, желания найти хорошую работу. К ней относятся трудовая, а также челночная миграция. Между тем, трудовая миграция включает миграцию высококвалифицированных и низкоквалифицированных рабочих рук.

Движущей силой экологической миграции является ужасное состояние окружающей среды отдельных регионов (например, наводнение, радиационное заражение территории).

Исходя из мотива перемещения, можно выделить миграцию вынужденную и добровольную. При добровольной миграции лицо перемещается по собственной инициативе, а при вынужденной перемещение осуществляется вследствие ситуаций, угрожающих жизни или здоровью индивида.

С точки зрения законности выделяют миграцию: законную (легальную) и незаконную (нелегальную).

Легальная миграция совершается с соблюдением действующего законодательства тех государств, по территории которых происходит перемещение. А незаконная миграция, как следует из названия, совершается с нарушением действующего миграционного законодательства. Как правило, она относится к международной миграции, но может происходить и внутри страны, например, в СССР был ограничен въезд в приграничные территории страны для жителей из других регионов.

Необходимо обратить внимание, что между разными видами миграций отсутствует абсолютная обособленность, поскольку один вид может перейти в другой. В частности, мигрант, временно выехавший в иностранное государство на заработки, через некоторое время может получить разрешение на постоянное проживание, то есть временная миграция станет постоянной.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что в действующем национальном законодательстве не закреплено определение такого основополагающего понятия, как «миграция населения», а также среди ученых отсутствует единство мнений по этому вопросу. Необходимо совершенствовать миграционное законодательство России, в том числе посредством определения в нем основополагающих понятий («миграция населения», «незаконная миграция» и др.). Это важно, как с теоретического, так и с практического соображения, поскольку позволило бы создать единый подход к учету разных видов мигрантов и управляющему воздействию на миграционные процессы.

Литература:

1. Россия входит в пятерку лидеров как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом. — Текст: электронный // Новости ООН: [сайт] — 2021. — 15 января. — URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392> (дата обращения: 19.09.2023).
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т./под. ред. А.М. Прохорова. — 3-е изд. — Москва: Советская энциклопедия, 1974. — 615 с.
3. В.И. Переведенцев. Методы изучения миграции населения: монография/В.И. Переведенцев. — Москва: Наука, 1975. — 231 с.
4. Рыбаковский, Л.Л. К уточнению понятия «миграция населения» // Социологические исследования. — 2016. — № 12. — с. 78-83.
5. Евтушенко, В.И. Миграция: критерии понятия // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 4. — с. 70-77.
6. Денисенко, М.Б. Миграциология/М.Б. Денисенко, В.А. Ионцев, Б.С. Хорев. — Москва.: МГУ, 1989. — 96 с.

Деятельность правоохранительных органов по контролю за оборотом наркотических средств

Кузнецов Юрий Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Шульга Сергей Витальевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский гуманитарный университет

В данной статье автор рассматривает деятельность правоохранительных органов по контролю за оборотом наркотических средств и приводит статистическую отчетность о совершенных преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации.

Ключевые слова: правоохранительные органы, незаконный оборот, наркотические средства.

В настоящее время наркотические вещества являются одними из самых опасных. Употребление наркотических средств приводит к тяжелым последствиям для здоровья и общественного благополучия. Государство ведет борьбу с незаконным оборотом наркотических средств для защиты общества от их разрушительного влияния.

Согласно статистическим данным, на территории Российской Федерации с 2010 года начали появляться виды наркотических, психотропных средств и прекурсоров, похожих по своей структуре и эффекту, оказываемому на человека известными и распространенными по всему миру наркотическими веществами, но имеющих гораздо более низкую стоимость. Увеличение незаконного оборота таких наркотических средств и запрещенных веществ обуславливалось низкой ценой сбыта и простотой производства. Небольшие изменения химической формулы производимого наркотического вещества позволяют не попадать под существующие запреты. Данная проблема была разрешена путем раннего выявления вновь создаваемых наркотических средств, обладающих схожими свойствами и выработан механизм запрета на использование указанных веществ без разрешения, а также путем криминализации незаконного оборота аналогов наркотических средств и психотропных веществ.

В 2019 году на территории Российской Федерации число зарегистрированных несовершеннолетних лиц с диагнозом «наркомания» увеличилось и составило 640 тысяч человек.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ представляет угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Одна из ключевых задач в работе правоохранительных органов — это защита личности [13].

В настоящее время Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД России (далее — ГУНК МВД России) является подразделением в структуре МВД, занимающееся исполнением федерального законодательства в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. ГУНК МВД России реализует государственную политику и осуществляет нормативно-правовое регулирование в данной сфере. На данный момент ведомством разработана и успешно реализуется Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года.

Главной задачей ГУНК МВД России является осуществление мер по пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Ведомство в пределах компетенции осуществляет выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с незаконным оборотом нар-

котических средств, осуществляет контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, противодействует их незаконному обороту.

Важной задачей является координация деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

Ведомство ведет активную работу по блокировке сайтов в сети «Интернет», предоставляющих доступ к услугам по приобретению запрещенных веществ и пропагандирующих их употребление.

В качестве примера результативной работы подразделения можно привести задержание администратора крупнейшего онлайн-магазина наркотиков «Гидра».

Согласно статистическим данным за 2016 год, МВД России было выявлено 200 тысяч преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Грамотно спланированная деятельность ведомства позволила изъять из незаконного оборота большое количество наркотических и психотропных веществ.

В 2022 году МВД России было выявлено 177 тысяч противоправных деяний в рассматриваемой сфере, что меньше в сравнении с показателями 2021 года (179 тысяч). В результате работы сотрудников ведомства изъято более 20 тонн запрещенных веществ, за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств осуждено 80 тысяч лиц. Так, в 2022 году преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств составили 9% от общего числа преступлений. Также снизилось число преступлений, совершаемых лицами в состоянии наркотического опьянения.

Среди регионов с наибольшими темпами прироста числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, выделяются Ямало-Ненецкий АО (59,6%), Новосибирская область (51,8%), Алтайский край (33,3%). Наибольший удельный вес указанных преступлений зарегистрирован в Республике Ингушетия (17,6%), РСО-Алания (17,4%), Кабардино-Балкарская Республика (16,5%) [11].

На сегодняшний день перед органами МВД стоит ряд важных задач по ликвидации преступных сообществ, организующих нарколаборатории, выявление лиц, осуществляющих сбыт и распространяющих наркотические и психотропные вещества в том числе с использованием IT-технологий.

По-прежнему сохраняют свою актуальность ряд существенных проблем квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые возникают на практике в деятельности органов внутренних дел, наделенных полномочиями на производство предварительного расследования соответствующих преступлений.

Имеются также и проблемы, связанные с пробельностью уголовно-правового регулирования в сфере проти-

водействия незаконному обороту наркотических и психотропных веществ.

1. Ответственность за хищение прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, растений, их содержащих, а также их частей.

Так, в статье 229 УК РФ был обнаружен существенный пробел уголовно-правового регулирования: в качестве предмета хищения и вымогательства не упоминаются прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ, растения, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, их части, содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ.

В связи с этим в настоящее время неясным остается вопрос о том, как подобные деяния необходимо квалифицировать в соответствии с УК РФ. В этом отношении из данной проблемы позволяет выбраться только толкование приобретения как более общего понятия относительно получения веществ путем хищения и вымогательства (пункт 6 Постановления Пленума № 14).

Поэтому, если лицо совершает хищение или вымогательство прекурсоров, оно, в зависимости от наличия или отсутствия цели сбыта, подлежит ответственности либо по статье 228.3 УК РФ как за их приобретение, либо по статье 228.4 УК РФ за неоконченный сбыт прекурсоров (по мнению Пленума — за покушение).

Вместе с тем такое решение существенно затрудняет процесс квалификации, поскольку изменяется, например, момент окончания преступления, ведь в случае хищения правомерно говорит о некотором «вариативном» моменте окончания, зависящем от формы хищения (например, при разбое — с момента нападения, а не с момента получения), как и при вымогательстве, которое окончено с момента предъявления соответствующего требования о передаче.

При этом приобретение признается окончанным только с момента собственно получения соответствующих предметов.

Поэтому мы предлагаем норму статьи 229 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 229. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а равно прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ»

1. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а равно прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, со-

державных прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ —».

Таким образом, мы полагаем, что указанная проблема квалификации может быть разрешена только посредством совершенствования системы регламентации ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а именно преступления, предусмотренного статье 229 УК РФ.

2. Посредничество в приобретении и сбыте наркотических средств и психотропных веществ.

Как нами уже было отмечено ранее, при рассмотрении вопросов международно-правовых стандартов регулирования уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, одним из прямо нереализованных международно-правовых обязательств Российской Федерации в данной сфере является отсутствие в УК РФ самостоятельной нормы об уголовной ответственности за посредничество в незаконном приобретении или сбыте наркотических средств и психотропных веществ (и, следовательно, аналогов, растений, прекурсоров и т. д.).

В этом отношении интерес представляет то, как на практике разрешается с учетом положений действующего уголовного закона вопрос квалификации таких посреднических действий.

Ранее, с 2006 по 2015 г., существовали официальные разъяснения по вопросу квалификации действий таких лиц, а именно в абзаце 4 пункта 13 Постановления Пленума Верховного Суда № 14 было указано, что действия посредника в сбыте или приобретении наркотических средств следует квалифицировать как соучастие в сбыте или в приобретении наркотических средств, в зависимости от того, в чьих интересах (сбытчика или приобретателя) действует посредник.

Эти разъяснения подвергались критике. Так, А. Горелик отмечал, что посредник оказывает содействие и сбытчику, и приобретателю [3].

А. Бриллиантов, в свою очередь, обратил внимание, что данные Верховным Судом разъяснения не позволяют решить вопрос о том, какую уголовно-правовую роль выполняет посредник [2].

В 2012 г. Президиумом Верховного Суда РФ был утвержден Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в котором указывалось, что если посредник приобретает наркотическое средство по просьбе и за деньги приобретателя этого средства и передает ему данное средство, то такое лицо является пособником в приобретении наркотического средства [6].

Однако и данная правовая позиция являлась небесспорной, поскольку позволяла считать, что действия лица, приобретающего наркотик для другого, имеют меньшую общественную опасность, чем действия лица, приобретающего наркотик для себя [1].

30 июня 2015 г. пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда № 14 был изложен в новой редакции

и из него исключено разъяснение, касающееся правил квалификации действий лица, приобретающего наркотическое средство для другого.

Верховный Суд обоснованно делает акцент на том, что так называемый посредник выполняет роль исполнителя преступления, и одновременно обращает внимание, что правовое значение имеет не то, в чьих интересах посредник действует, а по чьему поручению.

Более близка к истине, как представляется, позиция В. Винокурова и Д. Токманцева, полагающих, что судебная практика в свете новых разъяснений может пойти по пути квалификации действий лица, посредничающего в приобретении наркотических средств, как соисполнительства в незаконном приобретении таких средств [12].

Это подтверждается и примером из судебной практики. Согласно приговору Шадринского районного суда, «Клюкин А. В. незаконно приобрел и хранил без цели сбыта наркотическое средство — смесь, в состав которой входит <...> в крупном размере, в количестве <...> грамма. Часть указанного наркотического средства подсудимый приобрел по просьбе другого лица <...> Указанные действия Клюкина А. В. свидетельствуют, что он владел наркотическим средством общим объемом в крупном размере, вне зависимости от того, что часть наркотического средства была приобретена по просьбе другого лица, у которого в дальнейшем изъята. Таким образом, действия подсудимого ошибочно квалифицированы как два преступления, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 228 УК РФ, поскольку он совершил одно преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств. При таких обстоятельствах суд исключает ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 228 УК РФ как ошибочно вмененную статью уголовного закона. С учетом изложенного суд квалифицирует действия Клюкина А. В. по ч. 2 ст. 228 УК РФ — незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств, совершенные в крупном размере» [10].

В этой связи мы полагаем необходимым включение в УК РФ самостоятельной нормы о преступлении, заключающемся в посредничестве в незаконном приобретении или сбыте наркотических средств и психотропных веществ, установив при этом ответственность более строгую нежели за приобретение и менее строгую нежели за сбыт по аналогии с нормами о посредничестве во взяточничестве.

3. Приобретение наркотических средств или психотропных веществ с целью последующего сбыта.

Приобретение в целях сбыта стало оцениваться Пленумом как покушение на сбыт, хотя ранее признавалось приготовлением к сбыту [14].

Налицо явная пенализация (ужесточение ответственности), произведенная праворазъясняющим органом даже без корректировки уголовного закона [4].

Отмеченное подтверждается и судебной практикой.

Так, в 2014 г. согласно приговору Кызылского городского суда «Самдан Ю. А. совершила приготовление к незаконному сбыту наркотических средств в крупном раз-

мере при следующих обстоятельствах. 14 июля 2013 года у Самдан Ю. А. в городе <...> из корыстных побуждений возник преступный умысел на незаконный сбыт наркотического средства — гашиш в крупном размере. Самдан ежедневно с 14 июля 2013 года по 28 июля 2013 года в период времени с 19 часов до 23 часов на поле за южным ограждением <...>, расположенного по адресу: <...>, известным ей способом незаконно приобрела с целью сбыта 15 спрессованных фрагментов наркотического средства — гашиш, общей массой 47,9 грамма, масса при первоначальном исследовании 48,0 грамма, что согласно законодательству относится к крупному размеру. Незаконно приобретенное наркотическое средство — гашиш Самдан ежедневно помещала в полимерный пакет и хранила при себе в кармане своей куртки находясь в городе <...> *в целях последующего сбыта*» [8]. Действие виновной квалифицировано по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и назначаемое наказание не могло составлять более половины от максимального в санкции (по правилам ч. 2 ст. 66 УК РФ).

Вместе с тем в 2020 г. практика в соответствии с новым подходом Пленума идет по иному пути. Так, приговором Пензенского районного суда Денисов А. А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 — п. п. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (то есть в покушении на незаконный сбыт при квалифицирующих признаках) при аналогичных обстоятельствах: подсудимый приобретал наркотические средства с целью их последующего сбыта, но сбыт осуществить не успел по независящим от него обстоятельствам [9].

Данное обстоятельство породило в уголовно-правовой науке новый виток дискуссий относительно признания источниковой природы постановлений Пленума Верховного Суда для уголовного права (что, на наш взгляд, уже давно *de facto* и практически *de jure* так).

Также такое решение привело и к вопросам практического свойства, связанным, как бы странно это не казалось, с обратной силой уголовного закона.

В этом отношении констатируем, что правовая позиция Пленума изменилась в сторону ужесточения наказания за определенное деяние — приобретение с целью сбыта [12].

Следовательно, по общему правилу, такие положения не могут применяться к лицам, совершившим подобные деяния то внесения соответствующих изменений в Постановление Пленума.

И действительно, согласно письму заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2015 № 7-ВС-4284/15 [7] судам было предписано применять новые разъяснения только к деяниям, совершенным после внесения данных изменения в Постановление Пленума, что по сути приравнивает его положения к уголовному закону.

Мы не поддерживаем такое вольное лавирование Пленума среди нормативных установлений уголовного закона и полагаем, что приобретение наркотических средств или психотропных веществ с целью их последующего сбыта само по себе не является началом выполнения

объективной стороны сбыта соответствующих веществ, а представляет собой классический случай создания условий для совершения преступления, то есть приготовления к преступлению (часть первая статьи 30 УК РФ).

С учетом принципа экономии уголовной репрессии и в связи с вышеизложенным мы предлагаем вернуться к старой редакции разъяснения Пленума Верховного Суда о том, что приобретение веществ с целью их сбыта, в случае если действий, непосредственно направленных на сбыт, совершено не было, необходимо квалифицировать как приготовление к сбыту.

4. Момент окончания в ситуации оперативно-розыскного мероприятия и сбыта путем закладок.

В пункте 13.1 Постановления Пленума № 14 содержится крайне дискуссионное правило определения момента окончания сбыта веществ, когда даже в ходе изъятия вещества при выполнении оперативно-розыскного мероприятия преступления рекомендуется признавать оконченным [5].

То же самое правило распространяется и на закладки: сбыт таким путем Пленум признает в том же пункте (по его обобщенному смыслу) оконченным с момента формирования такой закладки.

Мы не согласны с такой позицией Пленума.

Оперативно-розыскная деятельность, встраиваясь в механизм преступного деяния, и пресекая его совершение, «разрывает» умысел сбытчика на собственно непосредственный сбыт веществ, тогда как закладка формирует лишь «потенциальный» сбыт, когда лицо действительно совершает все возможное для того, чтобы его реализовать, но в действительности сбыта не происходит, например, в случае раскрытия этой закладки сотрудниками правоохранительного органа.

В данном случае применима логическая аналогия: такое правило квалификации является все равно что правилом квалификации убийства как оконченного с момента насыпания яда в бокал.

Такой подход лишает лицо и права на добровольный отказ от совершения преступления (статья 31 УК РФ), что существенно снижает значимость данного превентивного и поощрительного уголовно-правового механизма.

5. Контрабанда, совершенная должностным лицом?

Пункт «б» части второй статьи 229.1 УК РФ содержит в качестве квалифицирующего признака указание на должностное лицо, совершившее деяние с использованием своего служебного положения.

Как мы уже отмечали, в этом случае налицо явный дефект юридической техники, поскольку такая формулировка не позволяет вменить более тяжкий состав лицу, которое свое служебное положение использовало (например, лицо, выполняющее управленческие функции по смыслу главы 23 УК РФ), но не являющемуся должностным.

В этой связи пункт «б» части второй статьи 229.1 УК РФ подлежит корректировке путем унификации указанного в ней признака с такой формулой: «деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения».

Литература:

1. Аниканов, А.К. Квалификация незаконного приобретения наркотического средства для другого лица // Уголовное право. 2018. № 2. с. 11-15.
2. Бриллиантов, А. О правовой оценке роли посредника // Уголовное право. 2006. № 5. с. 16.
3. Горелик, А. Актуальные вопросы ответственности за незаконный оборот наркотических средств // Российская юстиция. 2007. № 12. с. 45.
4. Карпова, Н.А. Неоконченная преступная деятельность (понятие и проблемы квалификации): учебное пособие/отв. ред. Н.Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2017. с. 45.
5. Морозов, С.Л. Особенности квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, при подмене предмета преступления в ходе оперативно-розыскной деятельности // Уголовное право. 2018. № 2.
6. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 10.07.2015 № 7-ВС-4284/15. URL: http://genproc.gov.ru/documents/jurisprudence/supreme_court/doc02181420150716144510.pdf
8. Приговор Кызылского городского суда (Республика Тыва) № 1-130/141-373/2014 от 24 июля 2014 г. по делу № 1-373/2014 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dLD A4zsVwKYR/>
9. Приговор Пензенского районного суда (Пензенская область) № 1-86/2020 от 28 сентября 2020 г. по делу № 1-86/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/4Pitzu kNNxmu/>
10. Приговор Шадринского районного суда (Курганская область) № 1-97/2015 от 31 июля 2015 г. по делу № 1-97/2015 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6cp7U9I7yfmQ/>
11. Сведения ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России» // [https://xn — b1aew.xn — p1ai/reports/item/35396677/](https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/)
12. Токманцев, Д.В., Винокуров В.Н. Новые правила квалификации незаконного приобретения и незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право. 2016. N 1. с. 62-67.
13. Юрман, М. А. Совершенствование нормативного правового регулирования отношений в сфере контроля за оборотом прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2018. № 18. с. 31.
14. Яни, П.С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения // Законность. 2020. № 6.

Проблемные вопросы квалификации посредничества во взяточничестве

Курдюмов Рустэм Васильевич, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье предпринята попытка раскрыть основные причины разделения посредника во взятке от других форм соучастия в противоправных деяниях, ввиду того, что законодатель криминализировал действия посредника в отдельный состав преступления. Статья раскрывает содержания понятия посредника во взяточничестве и содержит обобщение мнений учёных, поскольку проблема вызывает споры и дискуссии в теории и практике по коррупционным преступлениям. Автор обозначает, что представляет собой посредничество во взяточничестве и чем данное понятие отличается от мнимого посредничества и мошенничества.

Ключевые слова: посредник, посредничество во взяточничестве, мнимое посредничество, взятка, коррупция.

В соответствии со ст. 291.1 УК РФ, посредничеством во взяточничестве признаются:

1. непосредственная передача взятки в значительном размере по поручению взяткодателя или взятокополучателя;
2. иное способствование взяткодателю и (или) взятокополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере [1].

На практике возникает вопрос, кем является посредник и чем посредник отличается от пособника в соучастии. Посредник есть лицо, которое связывает взятокополучателя и взяткодателя, он не имеет собственного интереса во взятке, действует в интересах ее сторон, не используя в качестве взятки свое имущество. Посредником во взяточничестве в определенных обстоятельствах может являться подчиненный, передавший взятку по поручению

своего руководителя, который при таких обстоятельствах может отвечать по УК РФ как взяткодатель по ст. 291 УК РФ. Сам посредник находится между двумя сторонами взяткодатель и взяткополучатель.

Смысл действий посредника заключается в содействии в достижении (консультации, советы, организация переговоров и встреч) и реализации (физическая непосредственная передача вознаграждения) соглашения между взяткодателем и взяткополучателем. Действия посредника не могут быть квалифицированы как посредничество в получении или даче взятки в незначительном размере из-за отсутствия соответствующего состава преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ. В данном случае действия посредника будут квалифицированы как пособничество в покушении на получение взятки (ч. 3 ст. 30, ст. 290 УК РФ) или как пособничество в покушении на дачу взятки (ч. 3 ст. 30, ст. 291 УК РФ). Нужно заметить, что посредничество во взяточничестве, предусмотренное ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, имеет, так сказать, второстепенное значение по отношению к даче и получению взятки. Соответственно, в зависимости от моментов окончания таких составов преступлений, как дача и получение взятки, посредничество формально может быть разделено на следующие стадии преступлений.

На основании этого посредник представляет интересы той стороны, от имени или по распоряжению которой он действует. Автор данной статьи выделяет три основных этапа посредничества во взяточничестве:

- 1) обещание или предложение передачи взятки;
- 2) организация достижения соглашения о размере незаконного вознаграждения и способа её передачи;
- 3) физическая передача взятки

Действия посредника имеют сходство с объективной стороной дачи и получения взятки, но сам посредник не даёт и не принимает взятку по смыслу ст. 290 и ст. 291 УК РФ. Он передаёт предмет взятки. Дав обещание или сделав предложение быть посредником в криминальной сделке торговлей властью, посредник умышленно создаёт условия для совершения коррупционного преступления. Например, П.С. Яни считает, что обещание и предложение посредничества во взяточничестве является частным случаем помощи и содействия взяткодателю/взяткополучателю в достижении и реализации соглашения между ними по передаче — получению взятки без поручений взяткодателя и/или взяткополучателя [9]. В данном случае посредник действует от своего имени и по собственной инициативе, но в интересах одной из сторон. Посредник здесь сам хочет и желает стать объективной частью преступления. Однако на практике есть и второй вариант (достаточно распространённый), когда взяткодатель или взяткополучатель (руководитель) сам ищет посредника в передаче незаконного вознаграждения (подчинённого). В этом случае посредник действует по поручению и в интересах сторон дачи — получения взятки. Логично, что и посредник, который способствовал до-

стижению либо реализации соглашения между взяткодателем и (или) взяткополучателем о получении или даче взятки, в последнем случае также не подлежит уголовной ответственности [5].

Иную точку зрения высказывает В.Н. Борков. В ч. 5 ст. 291.1 УК РФ предусматривается ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве. Подобное поведение можно охарактеризовать как приискание соучастников преступления. Заметим, что в целях усиления охраны наиболее важных общественных отношений законодатель иногда переносит юридический момент окончания преступлений на более ранние этапы реализации умысла. Судя по санкциям, соответствующим пятой и первой частями ст. 291.1 УК РФ, законодатель признал обещание или предложение посредничества более опасным преступлением, нежели собственно посредничество [4]. Здесь Полагается, что данное предложение или обещание посредничества уже включено в состав ч. 1 ст. 291.1 УК РФ и является разновидностью помощи взяткодателю и/или взяткополучателю. Также Борков описывает нарушение принципа справедливости в рамках применения ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. Так как, если сумма взятки менее 25 тыс. рублей, то вменить данную норму мы не можем, и субъекты преступления избегают ответственности за свои деяния.

Так, следует обратить внимание на содержательные и интересные публикации Крылова Е. относительно ч. 5 ст. 291.1 УК РФ. По утверждению Крылова, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за «обнаружение умысла» лица, которое только собирается принимать участие в преступлении. А почему тогда нет уголовной ответственности этапа за обещания совершить деяния, предусмотренными другими статьями Уголовного кодекса РФ? Значит ответственности за обещание не должно быть и вовсе. О.С. Капинус полагает, что законодатель нельзя криминализировал обещание или посредничества (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) вне зависимости от размера взятки и таким образом преодолел запрет уголовной ответственности за приготовление к преступлениям средней тяжести применительно ко взяточничеству [8].

Разумеется, что все это мнения имеют безусловное право на существование. В этом то и заключается один из спорных моментов, зачем дважды устанавливать уголовную ответственность за противоправное деяние? В этой связи нельзя не отметить, что в юридической теории и правоприменительной практике встречаются проблемы отграничения посредника во взяточничестве от соучастника в даче — получении взятки, то здесь многие юристы приводят радикальные и парадоксальные мнения по данному вопросу. К примеру Аникин А.А. считает, что действия посредника во взяточничестве есть исполнение большей части объективной стороны дачи — получения взятки. Здесь наблюдается схожесть объективной и субъективной сторон преступления и данные действия нужно квалифицировать по ст. 291 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ [3]. Но с точностью, да наоборот рассуждает

Краснопеева Е. Она утверждает, что посредник является пособником в совершении преступления. Он не обладает признаками организатора, исполнителя и подстрекателя. По мнению Краснопеевой посредник, организовавший условия для совершения дачи — получения взятки, является организатором и его действия необходимо квалифицировать по ст. 291 УК РФ [8].

Но есть ещё одна проблема квалификации посредничества во взяточничестве. Она кроется в первую очередь в самом тексте ч. 1 ст. 291.1 УК РФ, где в основном составе посредничества во взяточничестве указывается, что это передача взятки или иное содействие взяткодателя или взяткополучателю в достижении/реализации соглашения между ними о получении/даче взятки в значительном размере. Размер взятки является основным критерием разграничения, то тогда посредничество в меньшем размере *de — facto* и *de — jure* декриминализовано, как считают некоторые юристы. Однако, это не совсем именно так. Физическое посредничество в любом размере, несмотря на не совсем четкое разъяснение Пленума Верховного Суда, практика расценивала как пособничество в получении либо даче взятки [4].

В п. 13.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» говорится, что посредничеством во взяточничестве признается не только непосредственная передача по поручению взяткодателя или взяткополучателя, а также по поручению лица, передающего право или получающего предмет коммерческого подкупа, денег и других ценностей, но и иное содействие в достижении или реализации соглашения между этими лицами о получении и даче взятки либо предмета коммерческого подкупа (например, организация их встречи, ведение переговоров с ними). К примеру Аникин А. А. считает, что действия посредника во взяточничестве есть исполнение большей части объективной стороны дачи — получения взятки. Здесь наблюдается схожесть объективной и субъективной сторон преступления и данные действия нужно квалифицировать по ст. 291 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ [3].

В ч. 5 ст. 291.1 УК РФ говорится об обещании или предложении посредничества во взяточничестве. По мнению ряда учёных, обещание является интеллектуальным содействием в совершении преступления и обещание выделено законодателем для предотвращения квалификации виновных по ст. 159 УК РФ (Розовская Т.И., Пешков Д.В.). Однако автор настоящей статьи не согласен с такой точкой зрения. Так как у субъекта имеется умысел не на передачу взятки, а на её обращение в свою пользу. Здесь на лицо все признаки мошенничества, потому что есть наличие ввода взяткодателя/взяткополучателя в заблуждение, касаясь обещания передать взятку. Следуя из данного тезиса, становится ясно, что объектом посягательства является не работа государственного аппарата власти, а общественные отношения в сфере собственности. Обещание и/или предложение посредниче-

ства должны быть прямы, ясны и конкретны. Напрямую или опосредованно быть волеизъявлением к конкретному лицу. Например гражданин Сажин, действуя по поручению/от имени Сумина, обвиняемого по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя Пухова, предложил этому следователю, с которым был знаком, за прекращение дела взятку в крупном размере. Они договорились, что взятку Пухову от Сумина передаст также Сажин, что после и свершилось.

Исходя из этого, посредник берёт на себя роль организатора, исполнителя и пособника. Иными словами, посредник может быть кем угодно в рамках соучастия в совершении преступления. Так как посредник организует встречу с взяткодателям и взяткополучателем, передаёт предмет взятки, может выступать с личной инициативой в качестве передаче посредника, способствует совершению получения — даче взятки, как было описано в примере выше. За исключением подстрекательства. Подстрекателем посредник во взяточничестве по мнению автора быть не может, так как желание дать — получить взятку возникает непосредственно взяткодателям — взяткополучателем. По уголовно-правовой второй доктрине посредник является «соучастником», что в свою очередь требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ. Но такой путь нарушает принцип справедливости, потому что посредник будет нести двойную ответственность за одно и то же преступное деяние. Возникает коллизия норм уголовного законодательства. Здесь уже рассматривается создаёт применение общих и специальной норм (ст. 290, ст. 291 УК РФ и ст. 291.1 УК РФ соответственно). А по юридическому правилу при конкуренции общей и специальной норм применяется специальная норма. Исходя из мнений ряда учёных юристов-правоведов и правоприменительной практики можно сделать ряд выводов.

Особое внимание необходимо обращать на размер взятки при квалификации посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и его отграничении от предложения пособничества в даче/получении взятки (ч. 5 ст. 33 УК РФ и ст. 290 и 291 УК РФ). Размер должен быть значительным, для этого необходимо внимательно читать содержание ст. 291.1 УК РФ. Важно помнить, что посредник во взяточничестве является самостоятельной фигурой в совершении преступления. Он действует от имени и/или поручению взяткодателя/взяткополучателя. И именно поэтому была введена ст. 291.1 УК РФ в качестве специальной нормы для квалификации действий посредника. Ведь пособничество в даче/получении взятки описывается в ст. 290 и ст. 291 УК РФ.

Законодатель ввёл для посредника отдельную статью в Уголовном кодексе РФ, а Верховный Суд в свою очередь разъяснил, что есть посредник во взяточничестве. Для предупреждения и пресечения ошибок в юридической теории и правоприменительной практике краеугольным камнем стоит задача в разъяснении соответствующим должностным лицам текста и смысла изменений, которые вносит законодатель в Уголовный кодекс РФ.

И сделано это для более простого применения закона для правоохранительных органов и судов, дабы было больше конкретики и меньше ошибок при квалификации действий посредника во взяточничестве. На практике происходят ошибки из-за неправильного использования ст. 291.1 УК РФ и это объясняется недостатком опыта

применения данной нормы. А также для указания того, что посредник во взяточничестве представляет собой общественную опасность ввиду своей высокой латентности из-за чего посредника, а вместе с ним взяткодателя и взяткополучателя очень трудно выявить при расследовании коррупционных преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
3. Аникин, А. Ответственность за взяточничество по новому УК // Законность. 1997. № 6. с. 32-35.
4. Борков, В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4
5. Гарбатович, Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011.
6. Капинус, О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011 № 2. с. 24
7. Капинус, О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011 № 2. с. 24
8. Краснопеева, Е. Квалификация посредничества и соучастия во взяточничестве // Законность. 2002. № 2. с. 35-37.
9. Яни, П. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2.

Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве при отграничении от соучастия в получении и даче взятки

Курдюмов Рустэм Васильевич, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье указываются, какие сходства и отличия имеет фигура посредника во взяточничестве от других форм соучастия в преступлениях. Предпринята попытка отделить посредничество во взяточничестве от соучастия в даче и получении взятки. Приводится соотношение законодательства и понимания коррупционных преступлений советского периода с современным законодательством и объективными реалиями. Производится разбор и анализ случаев из правоохранительной практики на предмет отграничения коррупционного посредничества от соучастия в получении и дачи взятки. Анализируются мнения учёных — правоведов по отличию посредничества во взяточничестве от соучастия в иных коррупционных деяниях.

Ключевые слова: посредник, коррупция, посредничество во взяточничестве, взятка, соучастие во взяточничестве.

Посредничество во взяточничестве представляет собой непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере, а также содействие взяткодателю/взяткополучателю в достижении или реализации соглашения между ними о получении и дачи взятки в значительном размере.

Ключевой момент заключается в том, что посредник передаёт взятку взяткодателю/взяткополучателю, действуя по поручению взяткодателя/взяткополучателя.

В юридической теории и правоприменительной практике возникают множественные споры и дискуссии по определению места фигуры посредника во взяточничестве. Как в теории, так и в практике нет общего единого мнения в понимании места посредника как самостоятельного участника преступления или соучастника. Мнения и аргументы экспертов и учёных имеют полное право на существование, ведь именно в таких дискуссиях и обсуждениях появляется единый вектор понимания и решения данной проблемы. Посредник является самостоятельной фигурой или это всё же одна из форм соучастия в преступлении? Уголовный кодекс РСФСР

1960 года не давал определения понятия «посредничества во взяточничестве».

В пункте 8 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве» говорится, что посредник отграничивается от взяткодателя/взяткополучателя тем, что действует по их поручениям и только непосредственно передаёт предмет взятки. В то же время Верховный Суд СССР в данном пункте постановления дополнительно указывает на разносторонние действия посредника, посредством которых посредник, как таковой, может являться соучастником в даче, либо получении взятки, что в свою очередь влияет на уголовно — правовую квалификацию деяний посредника — соучастника. На первый взгляд возникает неопределённость в понимании места и роли посредника. Кем является посредник: соучастником или исполнителем самостоятельного преступления?

В пункте 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве» разъясняется, что посредник только передаёт предмет незаконного вознаграждения, но в тот же момент указывается, что если должностное лицо убедил подчинённого дать взятку другому должностному лицу, а подчинённый в свою очередь согласился на выполнение сего действия, тогда должностное лицо будет являться взяткодателем — организатором (мнение автора статьи), а подчинённый будет соучастником (исполнителем) в даче взятки. К тому же деяния должны квалифицироваться по направленности умысла лиц, преступающих закон. По смыслу закона законодатель относит к видам посредничества во взяточничестве только физическую передачу предмета взятки от взяткодателя к взяткополучателю.

К примеру, Б.В. Волженкин считает: «В отличие от взяткодателя — лица, заинтересованного в соответствующих действиях взяткополучателя, — посредник, передающий взятку по его поручению, не добивается за счет этого материального вознаграждения совершения или не совершения должностным лицом каких-либо действий по службе в своих интересах. Посредник представляет чужие интересы, выступает не от своего имени и не в коем случае не может быть инициатором дачи взятки. Решение о даче взятки принимает взяткодатель, а посредник лишь осуществляет его волю. К тому же передаваемые им материальные ценности, как правило, не являются собственностью посредника» [4, с. 247]. Здесь исключена интеллектуальная составляющая посредничества.

Иную точку зрения имеют Аникин А.А. и Хабаров А.В. Суть их мнения заключается в том, что принципиальные различия в действиях взяткодателя/взяткополучателя и посредника не имеют места, поскольку посредник исполняет большую часть объективной стороны коррупционного деяния и поэтому является соисполнителем преступления [5, с. 20; 6, с. 288]. П.С. Яни размышляет иначе. Он включает в дополнение к посредничеству физическому ещё интеллектуальное посредничество. П.С. Яни отмечает, интеллектуальное посредниче-

ство в виде организации встреч и переговоров считается окончательным независимо от достижения либо реализации соглашения, даже если посреднику не удалось добиться соглашения между сторонами [7, с. 41]. Суть интеллектуального посредничества заключается в организации встреч между взяткодателем и взяткополучателем, советами, ведением переговоров между сторонами преступления. И данные перечень примеров на практике правоохранительными органами и судами толкуется как расширительный, что в свою очередь упрощает процесс работы правоохранительным органам в осуществлении расследования коррупционных преступлений и судам в осуществлении правосудия по данному виду преступлений.

Ведение переговоров, организация встреч, советы по передаче взятки — это признаки пособничества (любые действия по доведению до сведения другой стороны планируемой коррупционной сделки необходимой информации, исходящей от взяткодателя или взяткополучателя), как размышляет Б.В. Волженкин [8, с. 214].

В Уголовном кодексе РФ законодатель закрепил физическое и интеллектуально-информационное посредничество во взяточничестве, что указано в самом определении понятия «посредничества во взяточничестве». Также это подтверждается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», где в п. 13.2 разъясняется, что посредничество во взяточничестве включает в себя не только непосредственную передачу предмета взятки, но и иное способствование в достижении и реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем. Считаем верным, стало проще квалифицировать деяния, связанные с участием посредника в коррупционных преступлениях.

Например, М и Н дали взятку должностному лицу через посредника за совершение заведомо незаконных действий, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере; и совершил посредничество во взяточничестве, то есть непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя и иное способствование взяткодателю в достижении и реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем о получении и даче взятки, в крупном размере, при следующих обстоятельствах. М и Н, не желая, чтобы их родственник О был привлечен к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 238 УК РФ и подвергнут уголовному наказанию, решили передать взятку в виде денег должностному лицу — руководителю Яшкульского МСО Ш за заведомо незаконное действие, а именно за незаконное прекращение уголовного преследования в отношении их родственника О, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ. Далее, в указанный период времени, М и Н, группой лиц по предварительного сговору для реализации своего преступного умысла предложили И, осуществлявшему защиту прав и интересов обвиняемого О, выступить посредником во взяточничестве должностному лицу — руководителю Яшкульского МСО Ш путем

непосредственной передачи взятки и иного содействие в достижении и реализации соглашения между ними о даче взятки, выраженного в ведении переговоров с последним от имени М и Н, на что адвокат И ответил согласием. Согласно преступному замыслу и распределенным ролям, адвокат И, выступая в качестве посредника в даче взятки должностному лицу, должен был достигнуть договоренности с руководителем Яшкульского МСО Ш относительно передачи последнему взятки в виде денег за прекращение уголовного преследования в отношении О и конкретных сроков прекращения уголовного преследования, а также осуществить непосредственную передачу взятки. В свою очередь, М и Н должны были подыскать и вручить адвокату И денежные средства, предназначенные в качестве взятки. При этом М, согласно отведенной ему роли, в день передачи взятки должен был проконтролировать и убедиться в достигнутой между адвокатом И и руководителем Яшкульского МСО Ш договоренности о передаче последнему взятки в виде денег, а Н должен был в момент передачи взятки руководителю Яшкульского МСО Ш вручить указанные денежные средства выступающему посредником адвокату И. В данном примере четко прослеживается распределение ролей между участниками преступного деяния. В то же время М и Н являются взяткодателями, уже есть группа лиц по предварительному сговору, так имеются 2 взяткодателя. Посредником выступал И, с которым М и Н обговорили процесс совершения преступления и распределили роли. Адвокату И инкриминировали посредничество во взяточничестве группой лиц по предварительному сговору в крупном размере. И выполняя посреднические функции, исполнил также действия непосредственного исполнителя в передаче предмета незаконного вознаграждения, но и действия пособника. Пособнические действия заключались в переговорах с руководителем Яшкульского МСО.

Следующий пример. Ф совершил покушение на посредничество во взяточничестве в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору при следующих обстоятельствах. Глава строительной компании Г был осведомлен от других лиц, что проектная документация по строительству 16-этажного дома составлена с нарушениями градостроительного и земельного законодательства. Г в свою очередь, действуя умышленно, противозаконно, из корыстных побуждений, по предварительному сговору с другими лицами сформировал умысел на дачу взятки в особо крупном размере. Г было известно, что копия проектной документации строительства вручена чиновнику городской администрации Х. Х был не менее заинтересован в окончании строительства, чем Г. У Г в подчинении находился Ф, который в свою очередь имел тесные контакты с Х мог организовать встречу с Г. Ф знал М и Б — подчинённых Х, которые друг другу доверяли. После встречи Г и Ф с М и Б у Г сформировался умысел на привлечение Ф, М и Б в качестве посредников для осуществления встреч и переговоров, хранения и передачи всей суммы незаконного вознаграждения для Х,

чтобы Х признал постройку дома законной. Ф, М и Б дали своё согласие на участие в преступном деянии. После переговоров Х обратился в УФСБ России. В момент передачи денежных средств Ф, М и Б были задержаны сотрудниками УФСБ России. Ф не смог довести преступление до конца по независящим от него обстоятельствам. Во втором примере так же имеет место быть распределение ролей, где Г является организатором дачи взятки, Ф, М и Б — исполнители и пособники, то есть посредники в даче/получении взятки.

В обоих примерах нет и не может быть соучастия в преступлении в том виде, в котором соучастие существует в рамках ст. 33 УК РФ. Разбирая роли всех участников преступления в обоих примерах, можно установить, что должностное либо заинтересованное лицо является организатором не только дачи взятки, но и подстрекателем посредничества во взятке (склонение и/или уговор подчинённого или адвоката на совершение преступления). Посредники, по логике русского языка и собственных действий, становятся исполнителями посредничества и пособниками дачи/получения взятки. В результате данного тезиса, в квалификации преступления имеет место быть совокупность преступлений. Однако в диспозициях ст. 290-291.1 УК РФ законодателем прямо указано определение понятий «получение взятки», «дача взятки», «посредничество во взяточничестве». В противном случае лица — участники будут нести ответственность за преступления, которые не совершали. Г из второго примера не передавал взятку, он её пытался совершить дачу взятки ст. 291 УК РФ. Передача взятки попадает по ст. 291.1 УК РФ — посредничество. С точностью наоборот ситуация наблюдается у посредников, которые желали именно передать предмет взятки, а не дать взяткополучателю. Это очень важный момент в постановке слов при описании диспозиции и определения понятия «дача, получение взятки и посредничества во взяточничестве». «Поиск отличий, — правильно указал В. Борков, — необходимо искать с ч. 1 ст. 290 УК РФ, где наиболее полно описаны признаки взяточничества» [9, с. 12].

Анализируя юридическую теорию и правоохранительную практику, делаем вывод о том, что соучастия в коррупционных преступлениях нет. Это прямо указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В п. 16 говорится, что все участники получения взятки, независимо от их ролей в деянии несут уголовную ответственность без ссылки на ст. 33 УК РФ. По смыслу закона и по сложившейся практике применения данное решение Верховного Суда РФ относится не только к взяткополучателям, но и к взяткодателям. Такое применение законодательства очень сильно облегчило служебный процесс правоохранительным органам и судам в установлении деяния и его квалификации в соответствии с УК РФ. Пленум ВС РФ разъяснил и закрепил волю законодателя по «отмене» соучастия в коррупционных преступлениях ст. 290-291.1 УК

РФ. Это позволило более быстро квалифицировать данные преступные деяния и устанавливать роли участников преступления. По мнению автора статьи, такое решение принято на основании повышенной латентности деяний, свя-

занных с коррупцией. Посредник совмещает в себе роли исполнителя, подстрекателя и пособника. По логике законодателя и Верховного Суда РФ посредник является самостоятельным участником коррупционных деяний.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 N 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»
4. Волженкин, Б. В. Служебные преступления. М., 2000. с. 247
5. Аникин, А. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2009. № 3. с. 20
6. Хабаров, А. В. Противодействие коррупции в сфере публичного управления: Учебное пособие. Тюмень, 2007. с. 288
7. Яни, П. С. Физическое посредничество во взяточничестве // Законность. — 2014. — № 11. — с. 41-45
8. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. с. 214
9. Борков, В. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. с. 12

Место мировых судей в судебной системе Российской Федерации

Кушель Екатерина Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Круковский Владимир Евгеньевич, кандидат юридических наук, зав. кафедрой
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор исследует место института мировых судей в структуре судебной системы Российской Федерации
Ключевые слова: мировые судьи, судебная система Российской Федерации

Прежде чем определять место мировых судей в отечественной судебной системе, следует уяснить понятие «судебной системы» и выделить ее характерные черты.

Судебная система — это упорядоченное построение судов, осуществляющих судебную власть путём отправления правосудия, в соответствии с их компетенцией, имеющих общие задачи, цели, организованных и действующих на единых демократических принципах. [4, с. 86]

Судебная система Российской Федерации представляет собой совокупность всех судов, действующих на территории Российской Федерации, и устанавливается Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ».

Вопросы организации и деятельности судов регулируются также федеральными конституционными законами от 21.07.1994 «О Конституционном Суде Российской Федерации», от 28.04.1995 «Об арбитражных судах в Российской Федерации», от 23.06.1999 «О военных судах Российской Федерации», Законом РФ от 26.06.1992 «О статусе судей в Российской Федерации», от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»,

федеральными законами от 17.12.1998 «О мировых судьях в Российской Федерации», от 30.05.2001 «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации», от 14.03.2002 «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации».

Анализ этих базовых нормативных актов позволяет выделить следующие характерные черты судебной системы:

- единство судебной системы;
- зависимость судебной системы от государственного устройства;
- учет административно-территориального устройства субъекта Федерации и численности населения;
- построение судебной системы с учетом компетенции судов;
- наличие судебных инстанций и звеньев судебной системы.

Действующая судебная система построена в первую очередь на принципе федерализма. Поэтому все суды подразделяются на суды федеральные и суды субъектов РФ.

Федеральные суды создаются и упраздняются на основании федеральных законов. Федеральные суды дей-

ствуют на основании только федерального законодательства, в то время как деятельность судов субъектов РФ регулируется ещё и законами того субъекта РФ, где они действуют. Федеральные судьи назначаются на должность федеральными органами государственной власти, судьи субъектов РФ — законодательным (представительным) органом субъекта РФ или избираются народом. Материальное обеспечение федеральных судов осуществляется из федерального бюджета, а судьи субъектов РФ финансируются за счёт средств субъекта РФ (сами же судьи получают заработную плату из федерального бюджета).

К Федеральным судам относятся:

1. Конституционный Суд РФ — является судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

2. Верховный Суд РФ — является высшим судебным органом по гражданским делам, делам по разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным на территории РФ.

3. Федеральные суды общей юрисдикции: апелляционные суды общей юрисдикции; кассационные суды общей юрисдикции; верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов; районные суды. Осуществляют судопроизводство по уголовным, гражданским, административным делам.

4. Военные и специализированные суды — осуществляют судебную власть в Вооружённых силах РФ, других войсках, воинских формированиях федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

5. Федеральные арбитражные суды: арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов РФ, суд по интеллектуальным правам — рассматривают экономические споры, а также иные дела, отнесенные к их компетенции.

К судам субъектов Российской Федерации относятся:

1. Конституционные (уставные) суды, которые могут создаваться для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации, конституции (устава) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации.

2. Мировые судьи субъектов РФ — рассматривают гражданские, административные и уголовные дела в качестве суда первой инстанции.

Все суды также можно разделить в зависимости от специализации:

Суды общей юрисдикции — разрешающие споры о праве, которые регулируются самыми различными отраслями права: уголовным, гражданским, администра-

тивным. Согласно Федеральному конституционному закону от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» к ним относятся:

- кассационные суды общей юрисдикции;
- апелляционные суды общей юрисдикции;
- верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов;
- районные суды;
- мировые судьи;
- гарнизонные военные суды;
- окружные (флотские) военные суды;
- кассационные военные суды;
- апелляционные военные суды.

Суды специальной юрисдикции — разрешающие строго определённые споры о праве, т.е. узкую категорию дел (например, экономические споры между юридическими лицами или проверяют законы на соответствие Конституции РФ). Понятие «специальная» юрисдикция не является законодательно закреплённым, однако наличие судов общей юрисдикции даёт основания полагать, что существуют судебные органы со специальной юрисдикцией:

- Конституционный Суд РФ;
- конституционные (уставные) суды;
- арбитражные суды округов;
- арбитражные апелляционные суды;
- арбитражные суды субъектов РФ;
- Суд по интеллектуальным правам.

Упразднение Высшего арбитражного суда РФ в 2014 г. возложило дополнительные полномочия на Верховный Суд РФ, который теперь не относится к судам общей юрисдикции. Верховный Суд Российской Федерации (статья 126 Конституции РФ) является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам, образованным в соответствии с законом, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью этих судов и даёт разъяснения по вопросам судебной практики.

Судебная система основана на принципе специализации судей, а не судов, поэтому в России отсутствуют ювенальные суды, административные, торговые, налоговые, их наличие существенно изменило бы судебную систему в сторону её расширения и увеличения численности судей. Однако могло бы уменьшить количество дел, рассматриваемых одним судьёй, так как в этом случае каждый суд имел бы свою подсудность и судьи в нём специализировались бы только на одной категории дел.

Одной из главных характеристик судебной системы является понятие «судебное звено». Оно лежит в основе подразделения судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Судебным звеном являются суды, наделенные одинаковой компетенцией, с одинаковой структурой и занимающие одинаковое место в судебной системе. К примеру,

мировые судьи и районные (городские) суды образуют первое звено судов общей юрисдикции. Но районный суд является вышестоящей инстанцией по отношению к мировым судьям, действующим на территории соответствующего судебного района. Областные и соответствующим им суды — второе звено, Верховный суд РФ — третье и самое высшее звено. Суды первого звена рассматривают основной объем судебных дел. Суды второго и третьего звеньев (вышестоящие) правомочны проверять законность и обоснованность решений судов первого звена (нижестоящего). [3, с. 215]

Суды, имеющие одинаковую компетенцию, занимают равное положение в судебной системе. Такое положение принято называть звеном (уровнем) судебной системы.

В связи с введением института мировых судей ряд ученых не выделяют их в качестве отдельного звена. К. Ф. Гуценко считал: «Суды субъектов Российской Феде-

рации... не образуют подобного рода систем (подсистем), поскольку... учреждаемые там мировые судьи не являются взаимосвязанными или взаимоподчиненными органами». [2, с. 61] Не обосновывая своей позиции, Э. П. Григонис полагает, что «мировые судьи как судьи субъектов РФ не могут быть каким-либо звеном судов общей юрисдикции». [1, с. 25]

Вряд ли следует соглашаться с подобными суждениями. Они противоречат основополагающей идее единства судебной системы и влекут за собой изолированность мировой юстиции. Представляется, что мировые судьи логично вписываются в качестве первоначального звена в судебную систему России. Мировые судьи как судьи общей юрисдикции имеют более чем необходимую организационную и процессуальную взаимосвязь с федеральными судами общей юрисдикции и вне контакта с ними существовать не могут.

Литература:

1. Григонис, Э. П. Правоохранительные органы. СПб., 2001. с. 25.
2. Гуценко, К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. М., 2005. с. 61.
3. Климов, О. Ю. Судебная реформа в России: Проблемы совершенствования процессуального законодательства/О. Ю. Климов. — М.: Городец, 2013. — 452 с.
4. Марьина, Е. В. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие/Е. В. Марьина. — Самара: Издательство Самарского университета, 2020. — 144 с.

Понятие и правовое регулирование ликвидации хозяйственных обществ

Маврицын Алексей Сергеевич, студент

Научный руководитель: Куркина Наталья Васильевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

За санкционные месяцы в России были закрыты 113,5 тыс. коммерческих предприятий. Эта цифра на 17,55 выше, чем за аналогичный период 2021 года, как сообщает на свое электронном ресурсе консалтинговая сеть FinExpertiza, ссылаясь на данные ФНС страны. При этом зарегистрировано в указанный период было только 78,6 тыс. новых компаний, т. е. менее 70% от числа ликвидированных [7].

Соответственно, статистика свидетельствует об увеличении количества ликвидированных хозяйственных обществ, при этом их количество не восполняется, что требует усиления внимания к проблеме ликвидации организаций, корректировки норм правового регулирования исследуемого вопроса.

Ключевые слова: ликвидация, хозяйственное общество, акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью.

The concept and legal regulation of liquidation of business companies

Mavritsyn Alexey Sergeevich, student

Scientific adviser: Kurkina Natalya Vasilyevna, candidate of legal sciences, associate professor
Russian State Social University (Moscow)

During the sanctions months, 113.5 thousand commercial enterprises were closed in Russia. This figure is 17.5% higher than the same period in 2021, as the FinExpertiza consulting network reports on its electronic resource, referring to the data of the Federal

Tax Service of the country. At the same time, only 78.6 thousand new companies were registered in the specified period, i. e. less than 70% of the number of liquidated ones [7].

Accordingly, statistics indicate an increase in the number of liquidated business entities, while their number is not replenished, which requires increased attention to the problem of liquidation of organizations, adjustment of the norms of legal regulation of the issue under study.

Keywords: liquidation, business company, joint stock company, limited liability company.

Ликвидация хозяйственного общества — это процесс прекращения деятельности хозяйственного общества (организации, предприятия) и исполнения обязательств перед кредиторами в порядке, предусмотренном законодательством [6].

Ликвидация хозяйственного общества — это процесс прекращения его деятельности и распределения имущества между участниками или кредиторами. В процессе ликвидации хозяйственного общества имущество преобразуется в денежные средства, которые используются для погашения задолженностей перед кредиторами, а также учредителями. Если денежных средств недостаточно, то кредиторы могут получить доли в остаточном имуществе после продажи активов организации.

Инициация ликвидации может исходить от самого хозяйственного общества или может быть принудительной по решению суда. Часто причиной ликвидации является банкротство, но она также может быть проведена, если истек уставный срок деятельности организации либо, она достигла своей цели или стала ненужной.

В ходе процедуры ликвидации хозяйственное общество должно выполнить ряд обязательных требований и процедур. Это включает работу ликвидационной комиссии или ликвидатора, которые назначаются для управления данным процессом. Также необходимо определить активы и пассивы хозяйственного общества, чтобы правильно распределить имущество между заинтересованными лицами.

Хозяйственное общество должно исполнить свои обязательства перед кредиторами в рамках ликвидации и завершить все необходимые процедуры регистрации и архивирования документов. Кроме того, необходимо закрыть счета хозяйственного общества и получить заключительные документы.

Ликвидация хозяйственного общества является ответственной юридической процедурой, которая строго регламентирована законодательными актами. Она позволяет приостановить деятельность хозяйственного общества и защитить права его кредиторов.

Ликвидация хозяйственного общества в России регулируется рядом федеральных законов и подзаконных актов. Важнейшими законами являются Гражданский кодекс, Трудовой кодекс, Налоговый кодекс, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и др.

При ликвидации хозяйственного общества также применяются соответствующие подзаконные нормативные акты, регулирующие конкретные аспекты данного процесса, такие как процедура уведомления кредиторов, ре-

ализация имущественного комплекса, расчеты со сторонними организациями, закрытие счетов и составление окончательного баланса.

Правовое регулирование ликвидации хозяйственного общества включает в себя также нормы корпоративного права, которые определяют процедуры принятия решений участниками общества о ликвидации, назначение ликвидационной комиссии или ликвидатора и т.д. Кроме того, при возникновении споров и конфликтов в процессе ликвидации, применяются нормы судебной практики.

Понимание процедуры ликвидации хозяйственного общества требует подробного ознакомления с соответствующими законодательными актами и нормативными документами. В связи с этим, для успешной ликвидации необходимо осведомленность о действующем законодательстве и регулирующих требованиях, а также возможно обращение к юридическим и бухгалтерским специалистам для консультации и сопровождения процесса ликвидации.

В целом, правовая регламентация ликвидации хозяйственного общества в России является сложной и требует глубокого понимания соответствующих норм и процедур, чтобы обеспечить законное и грамотное проведение процесса ликвидации.

Положения о ликвидации хозяйственного общества содержатся в Гражданском кодексе Российской Федерации (статьи 61-70) [1], а также в Федеральном законе от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [2] и Федеральном законе от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [3].

Согласно Гражданскому кодексу РФ, хозяйственное общество может быть ликвидировано по ряду оснований:

- по решению учредителей или участников;
- по решению суда;
- в иных случаях, предусмотренных законодательством.

В России различные организационно-правовые формы хозяйственных обществ имеют свои особенности процесса ликвидации. Действующие законы и подзаконные акты стремятся обеспечить справедливое и эффективное проведение процесса ликвидации любых хозяйственных обществ.

Таким образом, под ликвидацией хозяйственного общества следует понимать процедуру завершения его деятельности и исполнения обязательств перед заинтересованными лицами в рамках процедур и регламентов, установленных законодательством. Нормативно-правовое регулирование данной процедуры в России бази-

руется на положениях Гражданского кодекса, специфике а также другими сопутствующими нормативно-правовыми актами.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — ст. 3301.
2. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 05.12.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. — 12.12.2011. — № 50. — ст. 7344.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 04.08.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. — 28.10.2002. — № 43. — Ст. 4190.
4. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — с. 3-49.
5. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 7. — Ст. 785.
6. Анисимов, А. П. Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А. П. Анисимов, М. Ю. Козлова, А. Я. Рыженков; под общей редакцией А. Я. Рыженкова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 435 с.
7. За санкционные месяцы в России закрылись свыше 110 тыс. компаний [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/zakr-110-tys-komp/> (дата обращения 10.09.2023 г.)

Коррупция в России: какие сложности встречаются в доказывании по делам о взяточничестве и способы их решения

Матрошкина Мария Юрьевна, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье автор говорит о постоянно возрастающих масштабах коррупции, затрагивает проблемы доказывания по делам о взяточничестве, а также приводит пути их решения.

Ключевые слова: УК РФ, коррупция, взятка, взяточничество, идеальное общество, правовая система, состав, преступление, проблема.

Благосостояние общества зависит не только от того, насколько в нём развита правовая система, но и от стремления субъектов этой правовой системы к выполнению норм, существующих в ней.

Идеального общества не бывает — это утопия, о которой говорили многие учёные-правоведы. И действительно, построить абсолютно идеальное общество без изъянов нельзя, однако нужно стремиться к минимизации выхода субъектов за рамки правового поля путём постоянного мониторинга актуальности существующих правовых норм и их совершенствованию.

Проблемой многих государств на разных этапах их развития являлась коррупция. Злоупотребление служебным и иным положением (коррупционное поведение не всегда присуще только должностным лицам) в своих личных целях, заключающихся в получении какой бы то ни было выгоды, всё это вкладывалось и вкладывается в понятие «коррупция». С ней боролись по-разному: в ряде восточно-европейских стран лишали людей конечностей, в западных за неё полагался солидного раз-

мера штраф, длительное тюремное заключение и даже смертная казнь.

Первоначально коррупция толковалась прямолинейно. За неё принималась в основном денежная составляющая, которая выражалась, соответственно, в передаче денег. Однако с развитием права термин «коррупция» стал пониматься несколько иначе. В российском уголовном законодательстве к ней относится и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), и нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), и внесение в государственные реестры различного уровня и направленности заведомо недостоверных сведений (ст. 285.3 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), присвоение полномочий должностного лица (ст. 288 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), а также дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ) и ряд других статей, которые законодатель относит к коррупционным составам преступлений.

Согласно ежегодно проводимым социальным опросам о коррупции, многие граждане как раз-таки в первую очередь говорят о взяточничестве и это неспроста. В последние 5-7 лет в России наблюдается прирост уголовных дел по так называемым «взяточным» статьям. Если в 2017 году было выявлено порядка 12,1 тысяч преступлений, связанных с дачей и получением взятки, то за прошлый 2022 год этот показатель увеличился до 15 тысяч, а ущерб от взяточничества различного размера в 2022 году составил около 2 млрд. рублей.

Исходя из норм российского уголовного законодательства взяткой считается получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передаётся иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе [1]. Также существует градация взяточничества: мелкое взяточничество — взятка, размер которой не превышает 10 тысяч рублей; значительное взяточничество — взятка, размер которой превышает 25 тысяч рублей; крупное взяточничество — размер взятки свыше 150 тысяч рублей; особо крупное взяточничество — взятка в размере более 1 млн. рублей.

Взятка — это огромная проблема России, которая заключается не только в торможении процессов экономического, социального, культурного и иного развития, но и в сложности доказывания таких преступлений. Выше было указано определение взятки, под которую подпадает не банальное «дача-получение» денежных средств, а различного рода предоставление имущественных прав, дача ценных бумаг, оказания услуг имущественного характера, а также совершение иных действий, входящих в полномочия тех или иных субъектов [2].

Взяточничество — это преступление, в котором нет потерпевшей и виновной стороны. Являясь двусторонним преступлением, когда одно лицо даёт взятку, а другое её принимает, есть только виновные лица, стремящиеся скрыть преступление не только от правоохранительных органов, но и от окружающих и ответственность которых предусмотрена статьями 290 и 291 УК РФ соответственно.

Первой проблемой является подход к пониманию того, что же на самом деле является взяткой. Конечно, УК РФ нам даёт определение этого, однако это теория, которая часто рознится с практикой. Зачастую можно так завуалировать «просьбу» дать взятку, что ни субъект, к которому обращена эта «просьба», ни представители правоохрани-

тельных органов не поймут, что это не обычное обещание «помогать» в чём-то в будущем (например обещание трудоустроить за решение какой-нибудь проблемы), а реальная взятка. В данном случае при доказывании факта взяточничества нужно будет, что называется, «зреть в корень» и искать все ниточки, которые будут относиться к делу о взяточничестве, ведь даже при отсутствии одной детали всё расследование может быть прекращено за отсутствием достаточной доказательной базы [3].

Другой проблемой является связь между взяткодателями и взяткополучателями, устанавливаемая плавномерно. Порой в органы государственной власти различных систем и уровней попадают лица (не без помощи влиятельных родственников и знакомых, что тоже является проблемой в сфере коррупции) без социальной ответственности перед обществом как таковой. Они беззащитно пользуются услугами своих ставленников, направляя все свои силы не на улучшение жизни общества, а своей личной жизни, поскольку понимают, что они «временщики», а потому им нужно побольше забрать дабы обеспечить себе безбедную жизнь после оставления государственного поста [4].

Следующей проблемой являются коллизии, всё ещё встречающиеся в нашем праве. В делах о взяточничестве лица, осуществляющие её дачу, часто прикрывают её термином «подарок». Хотя и в ГК РФ есть понятие подарка, это вещь или иная ценность, стоимость которой не превышает 3 тысяч рублей, всё же сам факт наличия коллизий норм гражданского законодательства, уголовного законодательства и государственной и муниципальной службы не позволяет точно привлекать к ответственности лиц, тщательно маскирующих взяточничество под приём подарков [5].

Крупным недостатком в расследовании вышеуказанных преступлений является одностороннее исследование личности взяткополучателя. К делу приобщаются формальные характеристики с места службы и жительства, как правило, исключительно положительные, и это понятно, поскольку должностные лица имеют высокий уровень образования, жизненный опыт, обладают организаторскими и ораторскими способностями, для них характерно умение работать с коллективом. За рамками исследования остаются поведение в быту, взаимоотношения с подчиненными, руководством, взяткодателями, связи, характерное времяпрепровождение, отклонения от законопослушного и морального поведения, хобби (часто весьма дорогостоящие) и прочие обстоятельства, объективно характеризующие личность виновного. Особое внимание следует уделять состоянию здоровья, поскольку в 60% приговоров по взяточничеству ниже низшего предела назначено наказание именно в связи с тяжелейшими заболеваниями подсудимого, которые подтверждены документами, представленными защитой в ходе судебного разбирательства.

Помимо вышеуказанных проблем стоит выделить и одну из субъективных проблем, которая заключается

в кадровом дефиците. Низкая подготовка к такого рода делам, практика по которым требует от следователя высокого профессионализма, опыта, глубокого знания сущности этого преступления и методов его доказывания, а порой и личного гражданского мужества. К сожалению, опытных и профессионально зрелых следователей остаётся всё меньше. В органы внутренних дел идёт всё меньше лиц, желающих там работать, а следственный аппарат формируется из сотрудников, имеющих стаж работы менее 5 лет.

Чтобы правильно организовать расследование, с наилучшими результатами использовать все возможности доказывания вины субъектов взяточничества, следователь должен иметь достаточную криминалистическую подготовку и представлять себе мысленную модель этого преступления, знать механизм его совершения, под которым в криминалистике понимается система последовательного взаимодействия и взаимосвязи всех элементов преступления в ходе формирования и реализации способа преступления, т.е. необходимо знание криминалистической структуры взяточничества.

Под взяточничеством понимается два состава преступления: дачу взятки (ст. 291 УК РФ) и получение взятки (ст. 290 УК РФ). Судебно-следственная практика и уголовно-правовая теория, рассматривают эти составы во вза-

имосвязи, как взаимообусловленные и не существующие в отрыве друг от друга. Криминалистические характеристики дачи и получения взятки имеют одни и те же элементы, взаимопроникают и дополняют друг друга. Преступления как реального явления действительности, все элементы которого взаимосвязаны и взаимообусловлены. Для взяточничества такими элементами являются субъекты преступления: взяткодатель, взяткополучатель, соучастники взяткодателя, соучастники взяткополучателя, их физическая и психическая деятельность, выражающаяся в умысле, целеполагании и мотивации, место и время взяточничества, предмет взятки. Такая структура закономерно повторяется в каждом деянии взяточничества.

Для решения вышеуказанных проблем необходимо готовить профессиональные кадры, которые будут хорошо разбираться и ориентироваться в сложных составах преступления. Стоит повышать правовую культуру и сознание общества, пропагандировать аморальность коррупционного поведения, которое во многом затормаживает развитие различных сфер государства. Помимо этого стоит совершенствовать законодательство, ужесточать контроль за служебными субъектами на местах, тем самым способствуя минимизации коррупции и уменьшению её негативного влияния на общество.

Литература:

1. И. Я. Козаченко. Уголовное право. — М.: Юрайт, 2022.
2. С. М. Кочои. Уголовное право: Общая и Особенная части. — М.: Контракт, 2009.
3. А. Г. Кибальник. Уголовное право в 2 томах. Т. 1. — М.: Юрайт, 2022.
4. Е. А. Гиль. Классификация и значение мотивов преступлений. Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 7. — с. 95-96.
5. Ф. Р. Сундууров. Практикум по уголовному праву России. — М.: Статут, 2014.

Правовая природа культурных прав

Минеева Дарья Сергеевна, студент магистратуры

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автором проводится анализ научных подходов к определению правовой природы культурных прав человека.

Ключевые слова: культура, культурные права, правовая природа

Одним из ключевых направлений проводимой на настоящий момент государственной политики является решение задач по развитию интеллектуальной нации и реализации ее историко-культурного потенциала как ресурса модернизации страны. Как социальный институт культура способна обеспечить общественную стабильность, консолидацию интересов личности и государства в решении важнейших национальных задач.

Культурные права человека, являясь частью основных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных

в Конституции Российской Федерации [2], имеют важное значение для поддержания человеческого достоинства и социального взаимодействия в условиях мультикультурного общества. Они выступают предпосылкой для удовлетворения духовных потребностей, а также основой нравственного воспитания.

Между тем, культурные права часто характеризуются как недостаточно развитые по сравнению с другими правами человека. В доктрине конституционного права культурные права относятся к числу малоизученных и зача-

стью рассматриваются как остаточная категория [9, с. 15] и имеющие менее приоритетное значение.

В доктрине конституционного права отсутствует единство во мнениях относительно места культурных права в системе основных права и свобод человека и гражданина. Отмечается, что культурные права являются важнейшими средствами развития [5, с. 28], поддержания мира, искоренения нищеты [3, с. 129] и укрепления социальной сплоченности, а также взаимного уважения и понимания между отдельными лицами и группами людей при всем их разнообразии [1].

Как отмечает Т.Е. Мельник, культурные права следует рассматривать через призму социальных. В таком статусе права человека в области культуры должны подчиняться логике развития в законодательстве именно социальных прав [7, с. 382]. Социальная направленность культурных прав подчеркивается В.М. Барановым, Е.В. Коленским [4, с. 14], Б.С. Эбзеевым [12, с. 175].

Напротив, А.Н. Морозова отмечает, что культурные права человека и гражданина — это самостоятельный институт конституционного права, охватывающий общественные отношения в сфере культурной жизни общества и имеющий самостоятельный предмет правового регулирования. В культурной жизни общества культурные права рассматриваются как притязания на использование материальных духовных благ, а культурные свободы — как реализация своих способностей при ограниченном вмешательстве государства [8, с. 8]. Схожей позиции придерживается И.В. Степанова, подчеркивающая самостоятельность, специфичность прав человека в области культуры [10, с. 14].

Формированию собственной позиции относительно правовой природы культурных права будет способствовать обращение к вопросу об их характеристике. В доктрине отмечается, что в отличие от экономических и социальных прав, культурные права человека в более узком смысле — сфера духовной жизни человека. Данная сфера включает в себя результаты деятельности людей по созданию материальных и культурных ценностей, результаты познания произведений искусства, нормы морали и права, способности человека, реализуемые в ходе его деятельности (знания, умения, навыки, уровень интеллекта, нравственного и эстетического развития, мировоззрение, способы и формы общения людей) [6, с. 11].

М.А. Краснов, В.А. Кряжков культурные права направлены на удовлетворение духовных и творческих потребностей человека; позволяют приобщаться к культурным ценностям, в том числе находящимся в государственных библиотечных, музейных, архивных фондах, иных собраниях во всех областях культурной деятельности [11, с. 302].

Литература:

1. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения: принята 20 октября 2005 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/> (дата обращения: 09.09.2023).

В науке проводится подразделение культурных прав на права в широком и узком смыслах. В первом случае к таковым относятся: право на свободное развитие и достойную жизнь (ст. 7); право на пользование родным языком, на свободный вид общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26); свобода совести и свобода вероисповедания, включая право исповедовать любую религию, не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и рассматривать религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28); право на образование (ст. 43); свобода литературного, художественного, технического и других видов творчества, преподавания (ст. 44); право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44) [8, с. 8].

В узком смысле перечень культурных прав представлен положениями ст. 44 Конституции РФ: свобода литературного, художественного, технического и других видов творчества, преподавания (ч. 1 ст. 44); право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям.

Обобщение изложенного позволяет говорить о том, что культурные права распространяются на духовную, интеллектуальную, творческую сферу жизни человека и гражданина. Они находятся в тесной связи с такими вопросами, как самовыражение, самореализация, самобытность, мировоззрение, убеждения, искусство и др.

Это дает основание констатировать неоправданность подходов, исключающих самостоятельное значение культурных прав. Безусловно, они находятся во взаимосвязи с другими основными правами (например, право на творчество связано с правом на свободу мысли и слова). Вместе с этим, в своей структуре культурные права характеризуются наличием самостоятельных правомочий. Данное обстоятельство свидетельствует о невозможности смешения и подмены одних прав другими.

Культурные права следует выделять в самостоятельную группу прав, поскольку они наделены собственными свойствами и предметом правового регулирования. Эта группа прав отражает духовно-культурные и правовые закономерности развития государства, гражданского общества и человека.

Культурные права — самостоятельная группа прав человека, представляющая собой гарантированные конституцией или законом возможности самореализации человека в культурно-духовной области, а также гарантированные государством возможности каждого свободно использовать весь комплекс благ и удовлетворять свои потребности в этой сфере.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. Абашидзе, А. Х., Конева А. Е. Состояние нищеты — нарушение прав и свобод человека // Вестник Российского университета дружбы народов. — 2011. — № 4. с. 129.
4. Баранов, В. М., Колесников Е. В. Конституция Российской Федерации и развитие конституционных социальных прав граждан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4. с. 14.
5. Ивакина, Д. С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал российского права. 2020. № 4. с. 28.
6. Кривенький, А. И. Культурные права в системе прав человека: вопросы теории // Культурные права в системе прав человека: вопросы теории: сборник научных статей, посвященный 10-летию кафедры международного права и прав человека Юридического института. — М., 2016. с. 11.
7. Мельник, Т. Е. Концепция развития законодательства о культуре // Концепции развития российского законодательства/Под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. — М., 2010. с. 382.
8. Морозова, А. Н. Конституционно-правовые гарантии участия граждан в культурной жизни российского общества: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2005. с. 8.
9. Ставенхаген, Р. Культурные права с точки зрения социальных наук // Культурные права и проблемы, связанные с их признанием: сборник очерков. — М., 2003. с. 15.
10. Степанова, И. В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации в области культуры: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — М., 2010. с. 14.
11. Толковый словарь конституционных терминов и понятий/М. А. Краснов, В. А. Кряжков. — М., 2006. с. 302.
12. Эбзеев, Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд. — М., 2017. с. 175.

К вопросу об элементах организации прокурорского надзора за соблюдением прав граждан — участников долевого строительства

Михневич Елизавета Александровна, студент магистратуры
Университет прокуратуры Российской Федерации (г. Москва)

В статье рассмотрены элементы организации работы прокурора по осуществлению прокурорского надзора за соблюдением прав граждан — участников долевого строительства.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, организация работы, элементы организации, информационное обеспечение, планирование, прогнозирование, мониторинг, жилищное строительство, соблюдение прав граждан, граждане — участники долевого строительства, дольщики

Созданная в 1722 году Прокуратура, призвана служить «оком государевым» в исполнении законов и распоряжений верховной власти, оберегать безопасность граждан и государства в целом. Три столетия российская прокуратура, пережив смену эпох, политических взглядов служит надежным оплотом законности и правопорядка. Следуя своей исторической миссии, органы прокуратуры и в наши дни продолжают стоять на страже конституционных принципов — прав и свобод человека и гражданина.

Российская Федерация, как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека [2, ст. 7], гарантирует государственную поддержку гражданам и в обеспечении жильем.

Проанализировав статистические данные работы органов прокуратуры и результаты судебной практики показывает, можно констатировать тот факт, что обстановка с соблюдением прав дольщиков усугубляется по следующим причинам: отсутствует системный подход к поддержке социально уязвимой категории граждан, а именно граждан — участников долевого строительства; несоответствие федеральному законодательству региональных и муниципальных нормативных актов, регламентирующих сферу долевого строительства жилья, а также пробелы правового регулирования на данном направлении; игнорирование застройщиками порядка привлечения денежных средств населения; ненадлежащее выполнение уполномоченными органами надзорных, административно-распорядительных и иных функций и др.

Эти обстоятельства диктуют необходимость более детальной организации работы прокурора по надзору за соблюдением прав граждан — участников долевого строительства, которая представляет собой комплекс взаимосвязанных между собой действий (элементов), направленных на оптимизацию функционирования системы органов прокуратуры по реализации поставленных целей и задач в данной сфере [1].

В качестве элементов организации работы органов прокуратуры РФ по надзору за соблюдением прав и свобод граждан — участников долевого строительства необходимо выделить следующие:

Первый элемент — информационное обеспечение. В целях обеспечения оперативного поступления сведений о допущенных нарушениях законов в сфере долевого строительства прокурору необходимо иметь полное представление об источниках поступления такой информации. Так, к числу основных таких источников относят: обращения граждан и организаций, сообщения средств массовой информации; информация, получаемая в ходе участия прокурора в заседаниях межведомственных комиссий (рабочих групп) по защите прав участников долевого строительства многоквартирных домов, информацию и статистические данные органов власти и органов местного самоуправления; материалы, полученные органами контроля, осуществляющими полномочия в сфере долевого строительства, в результате проверки соблюдения прав граждан-участников долевого строительства; результаты аналитической деятельности органов контроля в виде обзоров, информационных писем и т. д.

Ввиду активного внедрения в деятельность органов прокуратуры различных информационных систем, в качестве источников информации о нарушении законов в сфере долевого строительства, полагаем необходимым признавать данные, полученные в результате анализа, мониторинга интернет-сайтов, электронными источниками нарушений закона в рассматриваемой сфере. Данное закрепление позволит прокурорским работникам осуществлять надзор за соблюдением прав граждан-участников долевого строительства наиболее оперативно, без необходимости истребовать необходимой информации в других органах власти, организациях и т. п.

Отдельного внимания при организации прокурорского надзора заслуживает практика отдельных прокуратор по составлению паспортов проблемных жилищных объектов с внесением в них ключевых позиций, необходимых для осуществления надзора.

Вторым элементом организации надзора за соблюдением прав участников долевого строительства является мониторинг законодательства в сфере долевого строительства. Прокурору надлежит осуществлять постоянный монито-

ринг состояния законности в сфере жилищного строительства на поднадзорной территории, в том числе законодательства и правоприменительной практики по вопросам уголовного, уголовно-процессуального, гражданского процессуального, арбитражного процессуального законодательства, законодательства об административных правонарушениях, о правоохранительной деятельности [3], в процессе изучения нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления [4].

Третий элемент — прогнозирование. Прогнозирование взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления, контролирующими органами, иными организациями, действующими в сфере строительства жилья, представляет собой способ получения прокурорами информации о будущем состоянии явлений, событий и процессов в сфере обеспечения законности, соблюдения прав участников долевого строительства.

Данный элемент организации работы позволяет прокурорам осуществлять свои действия в условиях меньшей неопределенности, более объективно подходить к распределению сил и средств, применительно к конкретным регионам, сферам правовых отношений, субъектам таких отношений и т. п.

Четвертый элемент — планирование взаимодействия органов прокуратуры Российской Федерации с органами государственной власти и органами местного самоуправления, контролирующими органами, и иными организациями, по вопросам обеспечения законности, соблюдения прав и свобод граждан — участников долевого строительства.

Осуществляя надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, в том числе и граждан — участников долевого строительства, прокуроры активно и целенаправленно выявляют нарушения, добиваются привлечения к ответственности должностных лиц, допустивших нарушения; применяют меры прокурорского реагирования по восстановлению прав и законных интересов граждан, тем самым защищают незабываемое право миллионов россиян.

Мы с уверенностью можем сказать, что организация работы органов прокуратуры РФ по надзору за соблюдением прав граждан — участников долевого строительства играет первостепенную роль. Планирование деятельности, прогнозирование ее результатов, правовой мониторинг, информационно — аналитическая работа позволяют не только скоординировать и обеспечить эффективное взаимодействие органов прокуратуры РФ с органами государственной власти, но и обеспечить оперативное выявление и устранение нарушений прав граждан — участников долевого строительства.

Литература:

1. Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации: учеб. для системы повышения квалификации прокур. кадров/ [Ф. М. Кобзарев и др.]; под. общ. ред. А. Ф. Смирнова; Генер. прокура-

- тура Рос. Федерации, Ин-т повышения квалификации руководящих работников. — М.: ИПК РК Генер. прокуратуры РФ, 2005. — 334 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020. (дата обращения: 10.09.2023)
 3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.08.2023 № 584 «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» // СПС КонсультантПлюс
 4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» // СПС КонсультантПлюс

Некоторые проблемы квалификации преступлений по статье 290 УК РФ

Осипова Мария Владимировна, студент

Новосибирский государственный университет экономики и управления

Получение взятки всегда и во все времена являлось одним из самых опасных должностных преступлений, поскольку заключается в злоупотреблении должностными полномочиями в личных целях, при этом дискредитируя и подрывая авторитет государственной власти в глазах населения. В настоящее время законодателем создаются новые механизмы способствующие уменьшению количества преступлений коррупционной направленности, однако ни тяжесть совершенного преступления, ни наказание не оказывают должного влияния на сознание лиц, обладающих должностными возможностями.

Согласно portalу правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [1], за 2021 год всего зарегистрировано 9519 преступлений коррупционной направленности. Из них 5020 преступлений за получение взятки (ст. 290 УК РФ); и 4499 преступлений за дачу взятки (ст. 291 УК РФ). За анализируемый год расследовано 7720 преступлений, из которых: 3731 преступление за получение взятки (ст. 290 УК РФ); и 3989 преступлений за дачу взятки (ст. 291 УК РФ).

К примеру, средний размер взятки в Новосибирской области в 2021 году составил 126000 рублей, а по итогам 2022 года размер взятки увеличился до 479000 рублей. В 2021 году в Новосибирской области установлено 50 эпизодов получения взяток должностными лицами с общей суммой взяток в размере 6,3 миллиона рублей, при этом в 2022 году 62 эпизода получения взятки с общей суммой взятки 30 миллионов рублей [2].

Понятие «взятки» нам раскрывает статья 290 УК РФ, согласно которой взяткой признаются деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также услуги имущественного характера.

Как быть с услугами не имущественного характера? Например, очень остро и долго в научных кругах обсуж-

дается вопрос о том, как признать услуги не имущественного характера как сексуальные услуги. В Российской Федерации деятельность, связанная с оказанием сексуальных услуг, является незаконной (ст. 6.11 КоАП РФ). Учитывая, что легального определения размера данной услуги нет, да и в принципе такая услуга запрещена в РФ, предметом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, она выступать не может. Некоторые ученые считают, что любая услуга неимущественного характера может иметь соответствующее стоимостное выражение, денежный эквивалент. Но насколько разумно и корректно, в данном случае, оценивать услуги того или иного лица в данной области? Как именно определять стоимость?

Автор считает, что в данном случае разрешить данную коллизию возможно не введением нового квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, а вменением квалифицирующего признака в статью 133 УК РФ. А именно понуждение лица к совершению действий сексуального характера, совершенное должностным лицом с использованием своего должностного положения для за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц.

Следующей проблемой выступает отсутствие содержания вымогательства как квалифицирующего признака в частях 3 и 5 ст. 290 УК РФ.

В примечаниях к данной статье не раскрывается содержания вымогательства применительно к данной статье. Разъяснения даются в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 24 от 09 июля 2013 года [3]. Указанное постановление Пленума не является нормой права, а только акт толкования. В связи с чем, необходимым будет включить в Уголовный кодекс РФ новый пункт примечания, который содержал бы в себе сущность вымогательства применительно к данной статье.

Санкцией статьи, наряду с другими видами наказания, выступает дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В зависимости от наличия квалифицирующих признаков статьи 290 УК РФ увеличивается срок данного дополнительного наказания. При этом, считаем необходимым, при назначении данного дополнительного наказания не указывать срок, а ввести полный запрет на право занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью. Например, в случае получения взятки лицом, занимающим должность государственного служащего в муниципальном управлении лишать права занимать должности в органах местного самоуправления на муниципальной службе, связанной с осуществлением функций представителя власти, а также связанные с осуществлением организационно-распорядительных полномочий — пожизненно. В случае если основное наказание в виде лишения свободы не сможет направить лицо на путь исправления, то именно дополнительное наказание сможет в полной мере оградить органы государственной власти от недобросовестных работников.

Следующей проблемой квалификации преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ является ее отграничение от ст. 159 УК РФ (Мошенничество). Проводя анализ указанных преступлений, можно сделать выводы, что объект, объективная сторона, и субъективная сторона преступлений схожи. Но границей разграничения данных преступлений, являются объект и субъект преступления. Объектом ст. 159 являются отношения в сфере распределения и перераспределения благ. Ст. 290 УК РФ — общественные отношения в сфере государственной власти. При квалификации деяния, подпадающего под признаки

преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ субъектом преступления является лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является должностное лицо — то есть специальный субъект.

В качестве яркого примера судебной практики отграничения преступлений ст. 290 и ст. 159 УК РФ является Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 27 июня 2022 года. [4]. В процессе судебного разбирательства стороной защиты был заявлен довод об отсутствии в действиях подсудимого состава преступления, предусмотренного ст. 290 ч. 2 и возможном наличии признаков иного состава преступления, а именно ст. 159 УК РФ. Суд первой инстанции согласился с доводами стороны защиты и по итогам рассмотрения уголовного дела по существу переквалифицировал действия на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ. Однако при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции было установлено, что оснований для переквалификации инкриминируемых подсудимому действий не имелось. Верховным судом Республики Адыгея установлено, что в круг должностных обязанностей подсудимого, помимо других действий, входило решение вопроса, которое являлось поводом для получения взятки. В связи с чем, подсудимый является должностным лицом, то есть специальным субъектом, что является необходимыми для разграничения статей 290 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на то что состав преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, уходит глубоко корнями в Древнюю Русь, вопросы правильной квалификации и применения указанной статьи являются актуальными и по настоящее время.

Литература:

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации — <http://crimestat.ru/> — доступ свободный
2. Сетевое издание «НГС. НОВОСТИ» — URL: <https://ngs.ru/text/criminal/2023/02/14/72057416/> — доступ свободный.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 N 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Адыгея от 27 июня 2022 года — https://vs-adg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2825832&delo_id=4&new=4&text_number=1

Предупреждение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации

Очиров Александр Беликтуевич, студент магистратуры
Иркутский государственный университет

С ростом преступности, в сфере обращения охраняемой законом информации, остро стоит необходимость в выработке рекомендаций по предотвращению таких преступлений. С данной целью автором, на основе теоретических работ, предложены меры по предупреждению общественно опасных деяний в сфере информационных технологий.

Ключевые слова: информация, информационные технологии, цифровизация, предупреждение преступлений, цифровые технологии.

Преступления, посягающие на цифровую информацию либо совершающиеся с ее использованием, разнообразны, а их виды множатся в связи со стремительным развитием науки и техники, а также изобретательностью правонарушителей. Не допустить негативных последствий цифровизации, в то же время правильно ее регулировать — важная задача государства.

Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г. говорил о том, что все наше законодательство нужно настроить на новую технологическую реальность, на создание правовой среды цифровой экономики, в свою очередь, уже 20 марта 2023 года Президент на расширенном заседании коллегии МВД сообщил, что преступления в ИТ-сфере составили четверть от всех уголовных правонарушений в России в 2022 году, превысив полмиллиона. Глава государства добавил, что борьба с преступностью с использованием информационных технологий — один из безусловных приоритетов работы МВД России [1].

Опасность соответствующих преступлений обусловлена не только масштабами пагубных воздействий, например, результатами посягательств на критически важные и потенциально опасные информационные инфраструктуры, но и ростом их количества. Так, в 1997 г. российскими органами внутренних дел было зарегистрировано лишь 23 преступления, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, а в январе — августе 2023 г. — уже 429987 [2].

Следует отметить, что приведенные данные не в полной мере соответствуют реальному положению дел в связи с чрезвычайно высокой латентностью указанных преступлений. Уголовно-правовая наука должна отражать потребности времени, учитывать развитие и состояние научно-технического прогресса, что, на наш взгляд, в настоящее время не реализовано в достаточной мере при уголовно-правовом регулировании отношений в данной сфере. Таким образом наиболее актуально смотрится предложение мер по предупреждению преступлений, в сфере обращения охраняемой законом информации.

Во-первых? необходимо международное сотрудничество в сфере кибербезопасности, так как интернет не может принадлежать какой-либо стране, и в одиночку Россия не в состоянии осуществлять контроль за всем киберпространством. Такой подход разделяется многими авторами, которые считают, что «отдельная страна не может самостоятельно вести борьбу с киберпреступностью и только международное сообщество способно противостоять данному виду преступности» [3]. Тем не менее большинство стран, в частности США и страны Европейского Союза, неохотно делятся необходимой информацией. Сложная международная обстановка, политика двойных стандартов способствуют изоляции России от внешнего мира. На наш взгляд, эта тактика не оправдана, так как российские граждане зачастую являются субъектами совершения преступления, а не потерпевшими. А вот иностранцы становятся жертвами российских хакеров, и непредоставление информации российским правоохранительным органам наносит вред в первую очередь их безопасности [4].

В предупреждении трансграничных преступлений, к которым можно отнести и значительную часть преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации, немаловажная роль отведена государствам, ведь только при хорошо скоординированной работе правоохранительных органов различных стран возможно снизить количество совершаемых правонарушений в рассматриваемой сфере. Важно отметить, что традиционные механизмы международного сотрудничества, применяемые в XX веке, являются неподходящими в эпоху, когда преступления могут совершаться из любой точки земного шара со скоростью света [5].

Во-вторых, видится необходимость дополнение УК РФ терминами, касающихся преступлений, в сфере обращения охраняемой законом информации. Так как отсутствие четкого понятийного аппарата, имеющего отношение к охраняемой законом информации и совершение в отношении нее преступлений, дает возможность манипулировать понятиями, вводить в заблуждение следствие и суд, тем самым уходить от уголовной ответственности.

Ряд ученых подвергают определению компьютерной информации, данное в УК РФ критике, обосновывая это

тем, что для передачи электронной информации могут быть использованы не только электрические сигналы, но и световые сигналы или электромагнитное излучение, имея ввиду оптоволоконный кабель, с помощью которого возможна передача данных. Однако, у определения «компьютерная информация», данного в УК РФ есть другие недостатки, подробно описанные в работах российских ученых, исправить которые можно, если заменить указанную дефиницию на «цифровую информацию», изучение которой наблюдается в последние годы в работах некоторых ученых. [6]

В-третьих, государству необходимо бороться и с латентностью таких преступлений, так как потерпевшие с недоверием относятся к возможностям полиции в раскрытии таких общественно опасных деяний. С учетом того, что жертвы подобных посягательств в большинстве случаев отказываются заявлять в правоохранительные органы из-за убеждения в отсутствии результата и недоверия к полиции, необходимо повышать уровень доверия населения к полиции через достижение высоких стандартов полицейской деятельности, повышение уровня взаимодействия с общественностью [7].

В-четвертых, необходимо постоянно повышать правовую «информационную» грамотность населения. Так как при повышении информационной грамотности сни-

жается риск стать жертвой преступления в сфере обращения охраняемой законом информации. Ведь «компьютерная система, которую взламывает хакер, не существует сама по себе. Она всегда содержит в себе еще одну составляющую: человека» [8].

Таким образом, для полноты предупреждения преступности в сфере информации и информационных технологий, необходима комплексная реализация предложенных мер, так как отсутствие должного международного сотрудничества, отсутствие четкого понятийного аппарата, низкая информационная грамотность населения и недоверие к полиции в совокупности становятся причинами резкого увеличения числа совершенных преступлений в сфере обращения с охраняемой законом информацией. В свою очередь, стоит отметить и положительные тенденции в борьбе с таким видом преступности в России, например, Федеральный закон «О связи», который возлагает на операторов связи обязанность по хранению информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи — в течение трех лет с момента окончания осуществления таких действий. И, действительно, операторы связи хранят в установленном порядке эти сведения и предоставляют их по запросу компетентных органов [9].

Литература:

1. Бегишев, И.Р. Преступления в сфере обращения цифровой информации/И.Р. Бегишев, И.И. Бикеев — Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. — 300 с. (Серия «Цифровая безопасность»). ISBN 978-5-8399-0726-35
2. См.: Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 30.09.2023)
3. Воронцова, С.В. Киберпреступность: проблемы квалификации преступных деяний/С.В. Воронцова. — Российская юстиция. — 2011. — № 2. — с. 14-16.
4. Репецкая, А.Л. Предупреждение преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации/А.Л. Репецкая, И.П. Родивилин // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 4 (86). — с. 352-360. — DOI 10.17150/1819-0928.2021.22 (4).352-360. — EDN XREHMG.
5. Smith, R. G. Cyber Criminals on Trial/R. G. Smith, P. Grabosky, G. Urbas. — Cambridge UK: Cambridge University Press, 2004. — 263 p.
6. Родивилин, И. П. Современная специфика детерминации преступлений в сфере обращения охраняемой законом информации/И. П. Родивилин // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2021. — Т. 31, № 2. — с. 305-311. — DOI 10.35634/2412-9593-2021-31-2-305-311. — EDN QCVUMH.
7. Huey, L. Uppity civilians and cyber-vigilantes: The role of the general public in policing cyber-crime/L. Huey, J. Nhan, R. Broll. — DOI 10.1177/1748895812448086 // Criminology and Criminal Justice. — 2013. — Vol. 13, no. 1. — P. 81-97.
8. Кузнецов, М.В. Социальная инженерия и социальные хакеры/М.В. Кузнецов, И.В. Симдянов. — СанктПетербург: БХВ-Петербург, 2007. — 368 с
9. О связи: Федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Российская газета. 2003. № 135

Понятие и классификация завещательных распоряжений в наследственных правоотношениях

Перова Анастасия Павловна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассмотрены вопросы относительно содержания понятия «завещательное распоряжение», поскольку в настоящее время отсутствует легальное определение, как и единообразного толкования в юридической литературе. Также проанализированы различные подходы к классификации анализируемого института. В заключении автор приходит к выводу о том, что необходимо внести изменения в ГК РФ.

Ключевые слова: завещательные распоряжения, завещание, наследственные правоотношения, наследодатель, наследник.

Положениями Конституции Российской Федерации гарантируется право наследования [1]. Также в соответствии со ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц [2], в том числе передавать его по наследству, в связи с чем возникают наследственные правоотношения.

Содержанием таких общественных отношений является совокупность прав и обязанностей субъектов, важнейшим из которых является право наследодателя распоряжаться имуществом путем составления завещания, а также принятие/непринятие наследственной массы наследником [9, с. 112].

Опираясь на нормы действующего законодательства, можно сделать вывод, что завещательное распоряжение является как составной частью завещания, так и самостоятельным видом завещания. Данный вывод можно получить из ст. 1119 ГК РФ, в которой закреплено, что «завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, включить в завещание иные распоряжения», а также, к примеру, из п. 1 ст. 1128 ГК РФ, где отмечено «в отношении средств, находящихся на счете, такое завещательное распоряжение имеет силу нотариально удостоверенного завещания» [2].

Таким образом, в структуру наследственного правоотношения входит специфический институт завещательного распоряжения, при котором наследственное право соответствует обязанности наследников исполнить конкретную волю завещателя. Официальное определение данного института отсутствует как в ГК РФ, так и в доктрине гражданского права, что усложняет понимание его сущности, а также вызывает трудности в правоприменительной практике.

К примеру, Д.В. Гук отмечает, что «завещательного распоряжения — это выраженное в правовой форме на случай своей смерти указание наследодателя, как имущественного, так и фидуциарного характера, входящее в состав завещания» [6, с. 15]. Представляется, что это определение не в полной мере раскрывает смысл и последствия завещательного распоряжения и не отражает обязанность наследника совершить определенные действия по приобретению прав на наследство.

Более подробно раскрывает сущность понятия «завещательное распоряжение» С.П. Гришаев «правовая форма, в которую облачаются конкретные пожелания завещателя на случай смерти, носящие имущественный или неимущественный характер, направленные на распоряжение конкретным имуществом или касающиеся конкретного наследника, так и на возложение на наследника какой-либо обязанности имущественного или неимущественного характера. В то время как завещание является формой, в которую гражданин облачает свои завещательные распоряжения, то есть документом» [4].

Также отдельными авторами предлагается рассматривать завещательное распоряжение, как: «юридически оформленное волеизъявление наследодателя относительно обстоятельств (действий), наступление или реализация которых наследниками является обязательным условием приобретения прав на наследство, либо последующей полной реализации права собственности на наследственное имущество» [9, с. 144].

Вопрос классификации также является дискуссионным, в свою очередь, как справедливо указывает С.С. Алексеев, «научная классификация имеет значение не только для систематизации изучаемых явлений, она в то же время служит ступенью в изучении содержания явлений, нередко способствует уяснению их функций и природы» [3, с. 53.]

Анализируя положения ГК РФ можно отметить, что законодатель к числу видов завещательных распоряжений относит [2]:

1) назначение и подназначение наследников (ст. 1121);

- 2) лишение наследников (одного, нескольких или всех) по закону наследства (ст. 1119);
- 3) определение долей наследников в завещанном имуществе (ст. 1122);
- 4) назначение исполнителя завещания (ст. 1134);
- 5) завещательный отказ (ст. 1137);
- 6) завещательное возложение (ст. 1139);
- 7) завещательные распоряжения правами на денежные средства в банках (ст. 1128).

Также стоит отметить, что в части 4 ГК РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» закреплены специфические виды завещательных распоряжений, к примеру: «запретить внесение в созданное им произведение науки, литературы или искусства изменений, сокращений или дополнений после его смерти (ст. 1126 ГК РФ); указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора (исполнителя) и неприкосновенности созданного им произведения литературы, науки и искусства или исполнения после своей смерти (ст. 1267, 1316 ГК РФ); запретить обнародование созданного им необнародованного произведения или фонограммы после своей смерти (ст. ст. 1268, 1282, 1327 ГК РФ)».

В науке ученые придерживаются различных подходов к классификации завещательных распоряжений. В частности, А. В. Никифоров выделяет: «распоряжения, составляющие основное содержание завещания и распоряжения фидуциарного характера (доверительные распоряжения). К доверительным распоряжениям относятся распоряжения о достойном отношении к телу наследодателя после его смерти, о порядке захоронения и др». [8, с. 67.]. Аналогичной точки зрения придерживается и Е. А. Назимова [7, с. 182].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Российская газета. — 2020. — 4 июля.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552; 2023. — № 31 (Часть III). — Ст. 5788.
3. Алексеев, С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. М.: Статут, 2001. с. 54-68
4. Гришаев, С. П. Постатейный комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18601#TwTBrTWNezG8GPE> (дата обращения: 25.09.2023).
5. Гук, Д. В. Понятие и виды завещательных распоряжений // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 4. с. 217-226.
6. Гук, Д. В. Завещательные распоряжения по российскому гражданскому праву: автореф. дис.... канд. юр. наук. М., 2011. 24 с.
7. Назимова, Е. А. Место завещательного отказа в системе распоряжений наследодателя // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3 (21). с. 182-187.

Согласно другой классификации, предложенной Д. В. Гуком, завещательные распоряжения делятся на обычные — они составляют основное содержание завещания и предназначены для изменения/подтверждения режима наследования (например, назначение наследников) и специальные, которые носят дополнительный характер и регулируются отдельными статьями ГК РФ. Российской Федерации и, следовательно, подпадают под особый правовой режим (например, завещательный отказ, завещательное возложение) [5, с. 219].

Таким образом, необходимо законодательно закрепить определение термина «завещательное распоряжение», под которым следует понимать — волеизъявление завещателя имущественного и неимущественного характера, изложенного в завещании.

Все завещательные распоряжение условно можно разделить на:

— общие, которые обеспечивают переход наследства от наследодателя к указанным им лицам, как правило, в порядке универсального правопреемства (к ним следует относить: распоряжение о назначении наследников; распоряжение об определении доли наследников в наследстве; распоряжение о лишении одного, нескольких или всех наследников по закону без указания причин);

— особенные, наличие которых предусматривает специальный порядок наследования (к ним следует относить: распоряжение о подназначении наследника; распоряжение о создании наследственного фонда; распоряжение правами на денежные средства в банках; распоряжение о назначении душеприказчика (исполнителя завещания); завещательный отказ; завещательное возложение).

8. Наследственное право России: учебное пособие/Никифоров А. В. М.: Экзамен, 2008. 224 с.
9. Федина, Н. А. Правовое регулирование особых завещательных распоряжений в Российской Федерации: монография. М.: Центральное изд-во учебно-методической и науч. лит., 2011. 175 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 40 (487) / 2023

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 18.10.2023. Дата выхода в свет: 25.10.2023.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.